

Министерство образования Российской Федерации
Тверской государственный технический университет

Т. В. Долгова, В.Г. Иванов, В.Ф. Мартюшов

Политическая социология интеллигенции

Монография

Издание первое

Тверь 2000

ВВЕДЕНИЕ

УДК 321.96:301.085

Политическая социология интеллигенции: Монография. 1-е издание // ТВ. Долгова, В.Г. Иванов, В.Ф. Мартнюшов. Тверь: ТГТУ, 2000. 116 с.

В монографии на основе функционального и политико-социологического подходов рассматривается эволюция взаимоотношений общества, государства и интеллигенции в контексте мировой и отечественной истории. Особое внимание авторы уделяют анализу факторов возрастания социально-политического статуса и роли интеллигенции при переходе к постиндустриальному обществу, а также специфике их проявления и последствий в условиях социальной модернизации современной России.

Книга предназначена для политологов и социологов, для всех, кто интересуется теорией и практикой социально-политических процессов. Ее материалы могут быть использованы при разработке основных и специальных учебных курсов по социально-гуманитарным дисциплинам.

Рецензенты: кафедра социально-философских и государственно-правовых дисциплин Московского института МВД РФ; декан исторического факультета Тверского государственного университета профессор В. А. Смирнов.

Основной познавательной задачей данного исследования являются описание и анализ процессов взаимодействия гражданского общества и государства на уровне отдельной социально-профессиональной группы.

Тематика, связанная с этой проблемой, представляет особую актуальность в связи с началом этапа перехода к информационному или постиндустриальному обществу, когда культура и информация превращаются в решающие ресурсы прогресса, решения всего комплекса противоречий социального развития как национального, так и глобального масштабов.

При этом перспективы доминирования катастрофического и, наоборот, поступательного устойчивого социального развития в национальном, региональном и глобальном масштабах во многом определяются, с одной стороны, ценностно-культурными ориентациями тех общественных сил, которые на данный момент в наибольшей степени формируют социальные приоритеты, а с другой - тем, насколько эти силы способны влиять на формирование и реализацию политических стратегий государств и надгосударственных интернациональных политических структур. "Практические результаты технологического прогресса, - отмечается в связи с этим в фундаментальном международном исследовании "Мир в 2044 году: технологическое развитие и будущее общества", - во многом определяются политическими и моральными ценностями. Технологические преимущества могут использоваться элитами в своих собственных корпоративных целях, тиранами - для усиления своего господства над обществом; они же могут служить и общему благу"¹.

Из недавней истории хорошо известно, что многие выдающиеся достижения человеческого разума, движимые в основном гуманистическим пафосом, на практике превращались в крайний антигуманизм в угоду экономической, политической или же идеологической конъюнктуре. Напомним в связи с этим хотя бы историю с созданием ядерного оружия, итоги которой вошли в явное противоречие с благородными намерениями его непосредственных создателей обуздать гитлеровскую агрессию.

По-видимому, этот феномен во многом объясняется серьезной диспропорцией между духовно-культурной и интеллектуальной ролью интеллигенции и ее влиянием на "политический класс", т. е. на политические элиты, обладающие реальными властными ресурсами.

В контексте нынешнего этапа развития российского общества тематика отношений интеллигенции и государства прямо выходит на проблему созидания стратегических ресурсов преодоления комплексного социально-экономического кризиса, морально-институциональной аномии

(разрушения или профанации цивилизованных правовых и морально-этических норм, регулирующих общественные отношения), духовно-мировоззренческого кризиса, а также усиливающегося цивилизационного отставания России от ведущих государств современного мира, которое, как хорошо известно, проявляется не только в научно-технологическом аспекте, но и в плане деградации "человеческого капитала", т.е. в степени интеллектуализации, профессиональной и творческой мотивации общества.

Естественно, успешное решение данной задачи предполагает концентрацию усилий государства и общества на повышении статуса и престижа именно тех социально-профессиональных групп, которые обладают наибольшей способностью и заинтересованностью в быстрейшей и продуктивной информационно-технологической и духовно-культурной модернизации России. Таким образом, извечные российские вопросы "Кто виноват?" и "Что делать?" необходимо дополняются вопросом "Кто это будет делать?".

Все это задает проблемное поле для социологии, в частности, политической социологии. Именно политико-социологическое исследование процессов формирования социальной базы либерально-демократической модернизации в условиях России представляется наиболее продуктивным, т.к. в отличие от западных обществ, где либерально-демократические преобразования носили органический характер, оказались результатом естественного саморазвития, нынешняя российская модернизация, как и все предшествующие, во многом инициирована и направляется властью государства. Более того, успех или неуспех всего комплекса реформ во многом определяется тем, насколько власть и общество окажутся способными в кратчайшие по историческим меркам сроки трансформировать характер модернизации из этатистского догоняющего в органический, т.е. опирающийся на организованные интересы достаточного большинства общества и лучшие цивилизационные традиции, отражающие российскую самобытность.

Но здесь мы наталкиваемся на парадокс определения первичности "курицы или яйца". С одной стороны, государство и политические элиты должны отстаивать подлинные национальные интересы, будучи принуждаемыми к этому обществом, а с другой - они же должны формулировать содержание этих интересов, т.к. общество еще не успело стать собственно гражданским, т.е. способным консолидироваться помимо государства в эффективный субъект властеотношений (неструктурированность устойчивых групп интересов, незрелость партийной системы и т.д.). Последнее ярко проявилось в отсутствии какой-либо массовой политической и идеологически организованной оппозиции авторитарной власти в СССР накануне реформ, которые были

инспирированы "сверху". Все это как бы воспроизводит на новом историческом витке российскую традицию политического авангарда, принуждающего "архаичное" общество к прогрессу, на что обратил внимание еще в начале XIX века П.Я. Чаадаев, по которому "... наши государи... почти всегда вели нас за руку..., почти всегда тащили страну на буксире без всякого участия самой страны"².

Между тем, во второй половине двадцатого столетия указанная парадигма, характерная для стран так называемой "догоняющей, неорганической модернизации", радикально модифицируется в плане изменения социального субъекта преобразований и глубины интеграции общества в международное экономическое, социально-политическое и культурно-информационное пространство. Примеры успешной "догоняющей" модернизации (Япония, Турция), показывают, что она "начинается и контролируется "сверху" интеллектуальной и политической элитой (курсив - авт.), которая стремится вытащить свою страну из отсталости с помощью планируемых, целенаправленных действий"³.

И, наоборот, там, где масштабные общественные трансформации проводились в духе китайской "культурной революции", когда роль авангарда узурпировалась популистами-радикалами

с

антиинтеллектуальной и антизападной, почвеннической, изоляционистской ориентацией, общество рано или поздно оказывалось в историческом тупике, на периферии мировой цивилизации. Наиболее яркими примерами является Камбоджа и Северная Корея.

Что касается современной России, то она имеет противоречивые перспективы. К "плюсам" в первую очередь относится внушительный культурно-интеллектуальный потенциал, который удалось сохранить, несмотря на многолетнее культивирование тоталитарным режимом "отрицательной селекции" социально-гуманитарного фонда нации.

Несомненной остается и глубокая интеграция российского общества в мировое культурно-информационное пространство. В разряде "минусов" можно числить богатый трагический опыт отношений интеллигенции с властью, а также участия во власти, под влиянием которого сформировалось весьма устойчивое и распространенное до сих пор предубеждение о заведомой политической неполноценности российского "просвещенного класса".

Сейчас в результате разочарования результатами постсоциалистического реформирования во многом воспроизводится пессимистическая атмосфера начала XX века, отраженная одним из авторов "Вех" С.Н. Булгаковым в статье "Героизм и подвижничество": "Многие в России после революции и в результате ее опыта испытали острое разочарование в интеллигенции и ее исторической годности..."⁴. Так, современный отечественный социолог Н.Е. Покровский пытается обосновать вывод о не востребоваемости в

условиях рынка таких качеств российской интеллигенции, как "общемировая озабоченность", "стремление рассматривать свою деятельность в широком нравственном контексте", культ духовного начала⁵.

По нашему глубокому убеждению, политическая отстраненность значительной части интеллигенции, слабое осознание своей социально-политической значимости, аморфность консолидации в качестве эффективного субъекта властеотношений во многом способствуют социальной безответственности государства, делают фактически невозможным наращивание фундаментальных стратегических ресурсов конкурентоспособности России в современном мире.

Все это превращает теоретическое осмысление тенденций и противоречий взаимоотношений интеллигенции и власти в модернизирующемся обществе в актуальную научную и социально-практическую проблему.

Объектом нашего интереса является социально-политическое бытие интеллигенции в его исторической ретроспективе, актуальности и возможной перспективе. Мы исходим из того, что в целях продуктивного исследования социально-политическое бытие следует подразделять на два взаимозависимых, но в то же время сравнительно самостоятельных уровня.

Первый, базисный, отражает объективную специфическую роль интеллигенции в социальном развитии вообще и в политическом процессе в частности.

Второй уровень отражает фактический социально-политический статус интеллигенции, которым ее наделяют общество и власть в каждой конкретно-исторической ситуации. Именно в определении диалектического взаимодействия этих двух уровней видит свой главный предмет политическая социология интеллигенции, т.к. постоянно воспроизводящийся дисбаланс адекватности между ними, с одной стороны, имеет политическую природу (например, несоответствие социальной роли и статуса в большинстве случаев формируется не только объективно, но и с помощью властно-политического вмешательства), а с другой - преодоление этого дисбаланса также немислимо без властно-политического воздействия. Таким образом, в центре предметной области политической социологии интеллигенции, как, впрочем, и любой другой социальной общности, находятся две фундаментальные познавательные задачи. Во-первых, определение политических причин, порождающих несоответствие объективной социальной роли интеллигенции ее реальному социально-политическому статусу. Во-вторых, определение политических условий, при которых это несоответствие может быть преодолено.

На наш взгляд, такая постановка исследовательских задач отличается достаточно высокой социально-практической целесообразностью в свете

функционально-иерархического подхода, сформулированного в своеобразной трактовке еще Платоном.

Согласно этому подходу, на всем протяжении исторического развития воспроизводится социальная иерархия по степени предрасположенности тех или иных общественных страт решать наиболее актуальные для каждой конкретно-исторической современности общесоциальные проблемы. Поэтому в идеале каждое общество должно быть заинтересовано в идентификации и стимулировании своего авангарда, что по вполне очевидным причинам выступает в качестве важнейшей предпосылки успешного развития.

Однако по целому ряду причин, о которых мы будем говорить выше, на практике данный подход скорее нарушался, нежели соблюдался. Более того, прослеживается общесоциологическая закономерность: общества, которые в наибольшей степени исповедовали этот подход, как правило, оказывались в лидерах межцивилизационной конкуренции (например, античная, греко-римская цивилизации).

Отсюда вытекает другая важная познавательная и одновременно социально-практическая задача политической социологии - определить критериальную базу социальной идентификации интеллигенции и тем самым способствовать формированию общественного мнения, адекватного ее роли в современном модернизирующемся обществе.

И здесь мы исходим из того, что общественная идеология обладает определенной автономией, т.е. может выступать самостоятельным императивом социальной активности независимо от объективной социально-политической ситуации. Иными словами, по-разному сформированные общественное сознание, ценностные приоритеты, доминирующие в обществе, могут при всех прочих равных условиях существенно изменять ход социального развития.

Данное положение особенно актуально для современного российского общества, переживающего очередной модернизационный вынужденно форсированный излом, когда комплексные необходимые преобразования могут базироваться не столько на органической объективной готовности общества к ним, сколько на идеологической апологетике модернизации. Следовательно, было бы наивно полагаться, как призывают многие, лишь на стихийную интуицию общества, которая-де в условиях мировоззренческой свободы сама собой выработает оптимальные ценности и приоритеты.

Все это в полной мере относится и к самой интеллигенции, которая нуждается в адекватной социально-политической самоидентификации и консолидации в эффективный субъект политических отношений, способный в либерально-демократическом правовом пространстве

представлять и защищать свои законные социально-политические интересы.

Поэтому проблематика, связанная с процессами политической мобилизации интеллигенции, также входит в предметную область нашего исследования. Так, М. Гравитц полагает, что "политическую науку можно определить как изучение того, как люди используют институты, регулирующие их совместную жизнь, и изучение идей, приводящих в движение людей, независимо от того, созданы эти идеи ими самими или получены от предшествующих поколений. Можно сказать, что в предмете политической науки тесно переплетены идеи, институты и люди"⁶.

По аналогии с приведенным подходом основное содержание предметной области политической социологии интеллигенции можно свести к выяснению того, как эта социальная группа использует государственные и другие политические институты для решения актуальных социально-значимых проблем, обеспечения себе достойного общественного статуса и престижа, в зависимости от социальной роли-функции, которую она выполняет в конкретном обществе, в конкретное историческое время. И, наоборот, какую политику и почему проводят государство и другие политические субъекты по отношению к интеллигенции.

Кроме того, предметная область данного исследования предполагает решение следующих познавательных задач:

определение специфики и границ социальной группы "интеллигенция", исторических предпосылок ее становления и развития;

раскрытие самобытности идейно-политической судьбы российской интеллигенции в сравнении с "образованным классом" Запада;

описание и характеристика эволюции "социального заказа" на интеллектуальный, культурный, духовный, этический, эстетический и политический потенциал интеллигенции;

рассмотрение комплекса экономических, научно-технологических, социокультурных и политических трансформаций XX века и их влияния на изменение социальной и политической роли интеллигенции в мире на этапе перехода к постиндустриальному, информационному обществу;

анализ тенденции объективного возрастания роли интеллигенции в контексте внутренних и внешних императивов социальной и политической модернизации современного российского общества;

определение соответствия/несоответствия социально-культурной значимости интеллигенции ее социальному статусу, престижу и политическому влиянию в современном российском обществе;

раскрытие причин неэффективности интеллигенции как субъекта властеотношений и возможных альтернатив ее политической консолидации;

анализ и описание современной специфики и тенденций политической социализации студенческой молодежи как основного ресурса формирования нового поколения российской интеллигенции Для вычленения данной области исследования из системы политико-социальных дисциплин, обеспечения его научной и социально-практической продуктивности существенное значение имеет определение методологических принципов, адекватных сформулированным познавательным задачам. Методология представляет собой определенный способ организации исследования. Она включает систему аналитических методов и приемов, концептуального и идейного подходов, составляющих общую основу для решения поставленных задач, средства исследования, анализа, проверки и оценки данных⁷.

В ряду наиболее продуктивных, с точки зрения задач нашего исследования, выделим прежде всего следующие подходы и методы.

Историко-социологический подход, призванный определить социальные и исторические предпосылки институализации интеллигенции в особую социально-профессиональную и социокультурную общность, эволюцию ее социально-политической и идеологической роли во взаимоотношениях с государством и обществом на различных этапах исторического развития.

Конкретно-исторический подход, отражающий самобытность социально-политического бытия национальных отрядов интеллигенции, определяемую конкретно-исторической и национально-культурной ситуацией в определенных месте и времени.

Данный подход обретает продуктивность в сочетании с **компаративистским методом** (методом аналитического и синтетического сравнения), когда содержание самобытности выделяется на фоне характеристики социального положения, политических и идеологических качеств представителей интеллигенции других стран и цивилизаций. Этот метод применим и в асинхронном анализе для определения ведущих тенденций и закономерностей в динамике изменения состава, социального статуса, политических качеств (организованности, идеологической ориентации, характера отношений с властью и т.п.) интеллигенции на фоне ретроспективы и перспективы национальной истории.

Культурологический подход связан с анализом влияния общекультурного фона на социально-политическое бытие интеллигенции. Например, весьма важно определить, в какой политико-культурной общественной атмосфере притязание интеллигенции на активное и даже

решающее политическое участие будет легитимным, морально оправданным и, следовательно, поддержанным большей частью общества.

Нормативно-ценностный подход формирует концептуальные предпосылки исследования, обосновывая, например, тезис, по которому политическая консолидация интеллигенции и ее более широкое вхождение во власть в настоящее время выступают важнейшим условием гуманизации общественных отношений, обеспечения справедливого и устойчивого социального порядка, усиления социальной отзывчивости и рациональной технологизации стратегии и действий властвующей элиты (политического класса), а также ускоренного прогресса всех сторон общественной жизни и усиления межстрановой конкурентоспособности России.

Функциональный подход, раскрывающий модификации традиционных социальных ролей-функций интеллигенции и выявляющий ее новые социально значимые функции, характерные ранее для других социальных и политических сил.

Бихейвиористский подход. Его суть заключается в изучении реальной политической активности интеллигенции посредством конкретного анализа многообразных форм корпоративного и индивидуального поведения ее представителей. Особая ценность данного подхода - в его верификационном потенциале. На нем базируется принцип фальсификации общетеоретических предположений и выводов через практическую проверку, выявляющую реальные (повседневные) политические пристрастия и действия представителей интеллигенции, которые далеко не всегда детерминируются ее объективным общественным статусом и ролями-функциями. Вспомним при этом многие "сюрпризы", которые принесли нашим маститым социологам-прогнозидам реальные результаты многочисленных избирательных кампаний как в нашей стране, так и в мире.

Институциональный подход ориентирует на изучение специфики и эффективности различных социально-политических институтов, которые, с одной стороны, призваны защищать законные притязания и права представителей интеллигенции, а с другой - духовно и политически консолидировать интеллигенцию в действенный субъект политических отношений современного общества.

Психологический подход ориентирует на изучение и учет типических качеств политической психологии интеллигенции, которые при одних обстоятельствах способствуют возрастанию ее авторитета и влияния в обществе, а при других - могут вести к дезинтеграции самой интеллигенции, усиливать идеологическую и политическую конфликтность в масштабах всей нации.

Использование названных методов, на наш взгляд, позволит определить целый ряд проблем и предложить пути их решения в деле формирования

широкой и эффективной социальной базы прогрессивных преобразований в нашей стране, а самим представителям интеллигенции адекватно определить свою особую миссию в модернизирующейся России.

Примечания:

¹The World of 2044: Technological Development & the Future of Society. Edited by Charles Sheffield, Marcelo Alonso and Morton A. Kaplan. St Paul, Minnesota: Paragon House. 1994. Back flap.

² Чаадаев П.Я. Апология сумашедшего// Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 39-40.

³ Шгошпа П. Социология социальных изменений М.: Аспект Пресс. 1996. С. 173.

⁴ Вехи. Сборник* статей о русской интеллигенции. М.: "Новости" (АПН). 1990. С.3.

⁵ Покровский НЕ. Прошай, интеллигенция!// На перепутье (Новые вехи): Сборник статей. М.: Издательская корпорация "Логос", 1999. С. 33 - 34.

⁶ Пеню Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1970. С. 190.

⁷ Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1994. С. 35.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

При всем необъятном количестве отечественных и зарубежных исследований, посвященных интеллигенции, до сих пор отсутствует более или менее рационализированное определение данной общественной группы. Действительно, что можно избрать в качестве «родового» признака интеллигенции - уровень образования, характер и содержание труда, выдающиеся интеллектуальные и творческие способности или же высокую духовность, нравственность и гражданственность?

Такая неопределенность, в частности, нашла отражение в многозначности определений интеллигенции, представленных в Социологическом энциклопедическом словаре, где данная общность определяется как совокупность людей, занятых умственным трудом, как социальный слой людей, профессионально занятых умственным трудом и обладающих необходимым для этого специальным образованием, как совокупность людей с высшим образованием и, наконец, как просто интеллектуалы¹. Нет единства и в представлении самого термина. В большинстве известных исследований, посвященных определению термина «интеллигенция», указывается на его российское происхождение. По мнению известного отечественного культуролога А.И. Арнольдом, данная общественная группа получила свое название впервые в русском языке и по исходному смыслу связывалась с латинским глаголом *intellego* (преобразованное *inter-lego*) - различать, понимать, разумеать. Отсюда рождение отглагольного существительного *-intelligentsia* - понимание, разумение, способность разъяснять идеи и предметы, а также ум, разум².

Схожей позиции придерживается и О.Н. Козлова, по которой, к интеллигенции следует относить умных, понимающих, знающих, мыслящих людей, образующих «познавательную» силу общества³. Но при этом она же указывает на относительность и конкретно-историческую обусловленность критериальной базы идентификации интеллигенции: «Ясно, что критерий, по которому человека включают в данную социальную группу, является сугубо относительным и носит конкретно-исторический и конкретно-национальный характер»⁴.

Другой позиции по поводу национальной «родины» этого термина придерживается известный американский исследователь российской истории Р. Пайпс, по которому, этимологические корни термина лежат в Западной Европе, где еще в первой половине XIX в. в результате латинизированной адаптации французского *intelligence* и немецкого *Intelligenz*, образовалось слово «интеллигенция». Хотя в содержательном отношении его понимание интеллигенции как «образованных, просвещенных элементов общества» в принципе сходно с интерпретациями вышеназванных авторов³.

В ряде источников - в толковом словаре В. Даля, в современных словарях иностранных слов - понятие «интеллигент» фактически приравнивается к понятию «интеллектуал», а термин «интеллигенция» разъясняется без какого-либо указания на его национальную специфику и определяется как некая совокупность людей умственного труда.

Однако трудность адекватного определения интеллигенции связана не столько с установлением «родины» термина, ее обозначающего, сколько с акцентированием различными авторами, представляющими различные исторические эпохи, культурные слои и политико-идеологические ценности, тех или иных качеств «образованного сословия» как определяющих.

Так, в западной традиции господствует социологический подход, наиболее полно сформулированный М. Вебером, по которому, принадлежность к интеллигенции определяется прежде всего по особенностям содержания основной деятельности - «интеллектуализму», доминированию в этой деятельности умственного труда⁶.

Для прошлого и настоящего российской общественно-политической мысли особенно характерен нравственно-философский и политико-идеологический подход, когда интеллигенция рассматривается как некий «духовный орден» (Г.Федотов), как особая совокупность людей, исповедующих «самодержавную власть нравственного чувства над сознанием»⁷. Тому есть вполне объективные причины, о которых речь пойдет дальше.

Здесь же важно отметить, что российское понимание интеллигенции, ориентированное на ценностно-идеологические критерии, заведомо

абсолютизирует фактор вкусовщины и тем самым беспредельно размывает, релятивизирует само понятие. В России, справедливо замечает Р.Пайпс, «термин «интеллигенция» со временем утратил свои описательные, объективные свойства и приобрел нормативный и субъективный характер»⁸.

Действительно, если обратиться к воззрению многих авторитетных личностей отечественной культуры, то можно найти совершенно противоположные оценки. С одной стороны, - это, по словам М.Горького, «политиканствующая интеллигенция..., людишки из «Бесов» Достоевского - мелкосамолюбивые, завистливые, способные на всякие преступления ради честолюбия, покоя и уюта своего»⁹; это, согласно консолидированной характеристике авторов «Вех», - «безрелигиозные, противогосударственные отщепенцы»¹⁰.

С другой стороны, например, по мысли П.Н. Миллюкова, «интеллигенция только одна и была государственна в России. Она была государственная против старого вотчинного режима, против полного почти отсутствия сознания права в народной массе, против нарушения закона бюрократией и злоупотреблений законом привилегированных классов, против «темных стихий» народного инстинкта и против известной части революционных доктрин»¹¹.

Подобный публицистически-вкусовой подход бытует и в современной российской социологии, где интеллигенция зачастую рассматривается как сугубо российское явление. В связи с этим приведем довольно пространную, но показательную цитату. «Именно в XIX веке в России возникло то *уникальное явление*, которое вошло в историю под названием российская интеллигенция. Это такое явление, которого не знала ни одна страна в мире... Во-первых, это не просто обладание знаниями, а стремление передать эти знания народу (следовательно, интеллигент, не занимающийся образовательной и пропагандистской деятельностью, таким считаться не может - Авт.).

Идея служения народу, ответственность перед ним были всегда скрепляющими поведение людей, называющих себя интеллигентами (авторы известного сборника «Вехи», наоборот, отрицали свою принадлежность к российской интеллигенции, обвиняя последнюю в безответственности перед народом. - Авт.) Во-вторых, это идея нравственности, идея служения добру, идея жертвенности (подобное качество по совершенно очевидным причинам не является монополией интеллигенции, т.к. им может обладать представитель любой социальной группы и класса, включая самые радикальные и малообразованные. - Авт.). В-третьих, это стремление быть примером, ориентиром и даже идеалом для окружающих людей, не только в большом, но и в малом, в повседневных делах и заботах. (Такое стремление может основываться лишь на

нескромной уверенности в своей избранности и превосходстве над теми, кому адресован пример.

Более того, согласно данному признаку, образцовыми интеллигентами по меркам цитируемого автора можно с полным основанием считать Наполеона и даже Адольфа Гитлера. -Авт.)»¹². Именно такую сомнительную характеристику уникальности российской интеллигенции дал один из видных представителей современной отечественной социальной науки. Сомнительность проявляется прежде всего в том, что с таким же успехом можно обнаружить личности признанных российских интеллигентов, отличающихся противоположными стремлениями и качествами. И, напротив, в рядах западной интеллигенции прошлого и настоящего можно обнаружить множество персонажей, воплощающих все без исключения перечисленные характеристики, в обладании которыми почему-то многие отечественные авторы им совершенно незаслуженно отказывают. Так, упомянутый Н.Е. Покровский (заметим, что он, увы, далеко не одинок) констатирует: «Разумеется, во всех культурах были и существуют ныне большие группы людей, занимающихся интеллектуальным трудом, создающих произведения искусства и озабоченных вопросами нравственности.

Однако между российскими интеллигентами и «интеллектуалами», в особенности на Западе, наблюдается как минимум одно важное различие... западный интеллектуал «производит» ровно столько, сколько может потребить общество..., он добивается... общественного признания... и материального вознаграждения»¹³. «Российская интеллигенция стала продуктом «полнейшего дисбаланса общественных сил... В силу особой российской ситуации болезненного вхождения в «равновесный» капитализм стало возможным возникновение большой группы критически и творчески мыслящих людей, которые могли поддерживать свое существование, не производя рыночных продуктов (куда же делась разночинская интеллигенция? Почему забыт большой слой западных интеллектуалов-аристократов, не зависящих от «рынка»? - Авт.). Нет, конечно же, русские интеллигенты в большинстве своем самозабвенно трудились, создавая (и продавая) свои книги, симфонии, учебные курсы, интеллектуальные услуги и пр., но собственно нравственное содержание их деятельности было, строго говоря, излишним (?), не продиктованным требованиями рынка.

Духовные мечты, общемировая озабоченность, сложная система сострадания и жертвенности, наконец, культ духовного начала как противоположного материальному..., все это как раз и составляет наиболее характерные черты интеллигенции, было чем-то «сверху», дополнительным по меркам западного рынка»¹⁴.

Подобный взгляд на определение интеллигенции вообще и российской в частности, разделяемый с рядом модификаций многими отечественными исследователями, по существу не имеет каких-либо объективных оснований, за исключением традиции интеллигентского самобичевания и самоотрицания, а также субъективных мнений ряда авторов.

Прежде всего, непонятна уверенность в российской монополии на «производство» интеллигенции, обладающей интеллигентностью - избыточным идеализмом и нравственным максимализмом. Так, упомянутый Л. Люкс указывает на достаточно известный факт, что «романтическая идеализация революции была распространена на всем европейском континенте вплоть до 1848 года»¹⁵.

На то, что западных интеллектуалов в классическую эпоху капитализма, сравнимую с состоянием России в конце XIX - первой половине XX вв., не отличала особая прагматическая ограниченность, указывает и М.К. Мамардашвили: «Ореол «избранности» и особой исключительности этому кругу лиц придавала и сама форма их существования в системе общественных отношений: представители интеллигентного труда находились на положении лиц свободных профессий и были связаны с господствующими материальными интересами лишь через различные виды меценатства и через общеобразовательные, просветительные институты (школа, университет, сохраняя при этом ремесленные формы слитности своих способностей к труду с инструментами культуры... ее (интеллигенции. - Авт.) связь с господствующим классом была достаточно вольной и ставила перед ней проблемы не столько ее собственного положения, сколько проблемы всех других общественных слоев, за которых и вместо которых она «мыслила»... Интеллигенция осознавала себя (и часто реально выступала) в качестве носителя всеобщей совести общества, в качестве его «всеобщего чувствилища», в котором сходятся все нити чувствования и критического самосознания остальных частей общественного организма, лишенного без нее и голоса, и слуха»¹⁶. К примеру, идеологи Великой французской революции, возглавившие третье сословие, отождествляли не только общественные идеалы буржуазного класса, но и интересы всей французской нации и даже всего человечества. Кстати, идеализм и радикализм исконно российской интеллигенции не в последнюю очередь был инспирирован революционным идеализмом западной радикальной интеллигенции, которая интегрировалась в либерально-буржуазный истеблишмент, то есть перестала быть «избыточной», революционной, лишь после поражения революции 1848 года, когда в европейском обществе начался процесс внутренней интеграции и консолидации, когда революционный лозунг «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах» постепенно превратился в признанный государством принцип.

Другое недоразумение связано с утверждением о заведомой несовместимости делового прагматизма с высокой нравственностью и всемирной «озабоченностью». Можно привести множество примеров из прошлой и современной истории западной культуры, которые делают такое мнение явно несостоятельным.

Приведем для иллюстрации хотя бы характеристику выдающегося гуманиста XX века А. Швейцера из введения к его книге «Благоговение перед жизнью». «Альберта Швейцера по праву называют гением человечества, великим гуманистом, имея в виду его бескорыстную деятельность врача в Экваториальной Африке и борьбу против атомного оружия. Вместе с тем он - один из проникательных исследователей культуры. Обе эти стороны личности Швейцера - практическая и духовная, частная и общественная - органически соединяются в этическом мировоззрении благоговения перед жизнью»¹⁷. Смеем утверждать, что «общечеловеческая озабоченность» - якобы отличительная черта российской интеллигенции - может быть в большей степени присуща многим западным интеллектуалам прошлого и современности, хотя бы потому, что в благополучном, «образованном» обществе интеллигенция имеет большие материальные «ниши» и более широкий духовно-культурный «рынок», которые и создают реальную возможность для творчества и деятельности заинтересованности в судьбе человечества. «Общество живет и развивается, - справедливо утверждает Л.А. Ширяев, - так, как оно учится, и учится в меру развития своего бытия и осознания потребностей роста. И недостаточность образованности народа, и неостребованность приобретения им знаний и опыта в одинаковой мере являются факторами торможения. В каждый исторический момент важно знать необходимую меру образования и оптимальные способы ее достижения. Это обеспечивается целеполагающей деятельностью общества и может осуществляться стихийно, слепо нагромождая диспропорции и антагонизмы, или же по средствам сознательно оптимизирующего регулирования и научно обоснованного обновления общественного бытия»¹⁸.

Так, доктрина «нового гуманизма» Римского клуба - авторитетнейшей международной организации западных ученых - представляет собой целерациональную систему идей и концепций особого пути трансформации человеческого сообщества на основе пересмотра существующих ценностных ориентации, минуя социальную революцию. Доктрина включает в себя концепцию человека, его место и роль в современном общественном развитии, «человеческой революции», социальной справедливости, рассматриваемой в национальном и международном масштабах глобальной солидарности и общей судьбы

человечества, образа будущего гуманистического общества, экологического гуманизма и т.д.¹⁹.

Известно, что отечественная интеллигенция, за редким случаем, оказалась на этом поприще в позиции эпигонства. Об этом, в частности, говорит тот факт, что как раз на поприще общечеловеческой озабоченности отечественные гуманисты в большинстве своем оказываются вторичными соавторами большинства гуманистических идей и принципов, сформированных западными интеллигентами.

Как видно из приведенного примера, различие отечественной и западной интеллигентской традиции заключается отнюдь не в сфере «мировой озабоченности» и «высокой гражданственности», а в способности «конвертировать» эту озабоченность и гражданственность в продуктивную социально-политическую активность, направленную не столько на противостояние государству, сколько на конструктивное сотрудничество с широкой общественностью и политическими элитами современного мира.

Большие сомнения вызывает и тезис о социальной неостребованности смыслообразующего, духовно-нравственного творчества интеллигенции как в России второй половины XIX - нач. XX в., так и в условиях западного «рынка».

Дело в том, что согласие с подобной позицией предполагает отрицание важнейшего признака человеческой идентичности - духовно-нравственного начала бытия человека и общества, т.е. того, что всегда востребовано на индивидуальном и социальном уровнях и на Востоке, и на Западе. Согласно К. Ясперсу, человек, «осознавая свои границы, ... ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира» .

Справедливо предположить, что в посттоталитарном обществе, когда смысловая и нравственно-созидающая роль традиций неуклонно уменьшается, объективно возрастает потребность в профессиональном духовно-культурном производстве и, следовательно, в его специализированном субъекте. Поэтому любое современное общество, более чем традиционное, не может обойтись лишь интеллектуалами-прогматиками, не разрушая культурных оснований своего развития.

Чрезвычайно затрудняет внятную идентификацию интеллигенции и приписывание ей монополии на высокую нравственность. В этом плане представляется весьма убедительным рассуждение АС. Панарина, по которому, в духовной культуре следует различать два пласта: «интеллектуально-художественный, относящийся к профессиональному духовному в собственном смысле слова, с одной стороны, и нравственный, менее специализированный и эзотерический, прямо, обращенный ко всем без исключения членам общества. Нравственное суждение не знает

привилегий образованности - его источником является не профессионализм, а особый опыт любви и сострадания»²¹.

Такой же подход представлен и авторами Философского энциклопедического словаря: «Принципы морали имеют социально-всеобщее значение и распространяются на всех людей, фиксируя в себе то общее и основное, что составляет культуру межчеловеческих взаимоотношений, и откладываются в многовековом опыте развития общества... Моральные нормы воспроизводятся повседневно силой массовых привычек, велений и оценок общественного мнения, воспитываемых в индивиде убеждений и побуждений. Выполнение требований морали может контролироваться всеми людьми без исключения и каждым в отдельности. Авторитет того или иного лица в морали не связан с какими-либо официальными полномочиями, реальной властью и общественным положением»²².

Более того, сами представления о нравственном и безнравственном историчны и поэтому относительны. Морально-этические нормы «поддерживают и санкционируют определенные общественные устои, строй жизни и формы общения (или, напротив, требуют их изменения) в самой общей форме»²³.

В каждую историческую эпоху оптимальными, даже с точки зрения общегуманистических критериев, могут становиться совершенно различные морально-этические системы, отражающие самобытность отдельных культур и цивилизаций, например, коллективистская нравственность Востока и индивидуалистическая нравственность Запада.

По-видимому, традиционное стремление возвести доминирующие морально-этические ориентиры российского общества образца XIX - нач. XX вв. в неизменный моральный абсолют и объясняют во многом приписывание многими отечественными авторами свойства интеллигентности, а вместе с ними и титула «интеллигенция», лишь российским интеллектуалам. И наоборот, частичное разрушение и трансформации этой морально-этической системы в нечто иное ассоциируются с исчезновением интеллигенции как таковой.

Между тем и классическая социологическая Веберовская парадигма категорической идентификации интеллигенции по критерию специфического (умственного) характера труда оставляет много вопросов в научно-теоретическом и социально-практическом планах. Во-первых, что особенно характерно для информатизирующихся обществ, «умственная» составляющая демонстрирует нарастающую экспансию в содержание трудовой деятельности работников, занятых практически во всех сферах материального и духовно-культурного производства и представляющих практически все социальные классы и слои.

Эта реально развивающаяся тенденция позволяет некоторым авторам говорить о перспективе полного растворения интеллигенции в информатизирующемся обществе²⁴.

Таким образом, интеллигенция как особая социальная целостность растворяется или, напротив, почти все общество консолидируется в интеллигенцию, под которой принято понимать «средний класс».

С этим можно было бы согласиться, если бы умственный труд оставался равноценным с точки зрения роли его различных видов для общества. Последнее, как известно, обречено обеспечивать свой динамизм через статусную и престижную самодифференциацию и функциональное усложнение. Поэтому оно должно идентифицировать свои составляющие (общественные классы, группы, слои и т.д.) по их функциональной востребованности, дабы адекватно поощрять прогрессивно-авангардные группы, т.е. те, которые более других способны разрешать актуальные для каждой конкретно-исторической современности проблемы и противоречия.

При этом необходимо учитывать следующее обстоятельство. Все попытки сформулировать жесткие социологические критерии принадлежности к интеллигенции обречены на провал, так как, с одной стороны, представители практически любой социальной общности (группы, классы, слои и т.п.) могут в той или иной мере обладать общепризнанными интеллигентскими признаками, а с другой - сама интеллигенция включает в себя группы, обладающие признаками других социальных общностей. Например, рабочий, профессионально занимающийся рационализаторской деятельностью и активно участвующий в политической жизни, может быть назван интеллигентом. И наоборот, «профессиональный интеллигент», являясь одновременно собственником средств производства и наемным работником умственного труда (что в современном обществе встречается довольно часто), может одновременно рассматриваться и как представитель буржуазии и как представитель рабочего класса.

Таким образом, социально-оправданная идентификация должна осуществляться по соотношению деятельности того или иного субъекта социальных отношений в каждой конкретной ситуации с социально-инновационной функцией.

Вместе с тем адекватная идентификация обществом и государством социально-целесообразного функционального статуса интеллигенции не осуществляется сама по себе, в соответствии с «железными», объективными социологическими закономерностями, т.к. в общественном развитии кроме этих закономерностей действуют, по выражению Б.А. Кистяковского, субъективно-ценностные факторы, «несмотря на их несогласие с реальностью»²⁵¹.

Поэтому задачей политической социологии на данном поприще являются разработка и обоснование соответствующей идеологии, воздействующей на общественное сознание в нужном самому обществу направлении. И здесь мы согласны с формулой академика Н.Н. Моисеева: «Нам нужна не истина вообще, а нужная нам истина».

Отсюда естественно предположить, что наиболее продуктивным в научно-теоретическом и социально-практическом отношениях будет структурно-функциональный подход к определению интеллигенции.

Ее функциональная специфика определяется наличием в любом обществе особого сектора потребностей и интересов, порождаемых инновационным характером проблематизации развития всех сфер общественной жизни, а также необходимостью поиска и применения адекватных интеллектуальных, научно-технических, технологических, мировоззренческих и нравственно-идеологических инноваций.

На эту сторону идентификации интеллигенции справедливо указывает В.И. Толстых. «Понятие интеллигенции и интеллигентности нуждается в очищении от многочисленных наслоений - «ракушек», затемняющих ее первоначальный смысл, который, по точному определению Сергея Аверинцева, состоит в объединении всех нас (интеллигентов. - Авт.) неким общественным назначением, именно назначением, а не всего-навсего социальным статусом, часто искажающим истинный облик «интеллигентов»²⁶.

Следовательно, *интеллигенцию можно определить как духовно-интеллектуальный авангард (слой, страту) общества, специализированно занимающийся творческим поиском и внедрением интеллектуальных, научно-технических, технологических (включая социальные и политические технологии), мировоззренческих и духовно-нравственных новаций с целью позитивного разрешения актуальных социальных проблем и противоречий.*

Примечательно, что при таком определении интеллигенция не идентифицируется по наиболее распространенным в настоящее время критериям, выделяющим различные социальные общности, сформулированным, в частности, авторитетным американским социологом П. Блау, в виде системы номинальных и ранговых параметров, отражающих феномены гетерогенности и неравенства, т.е. социальной дифференциации. К номинальным параметрам относятся пол, раса, этническая принадлежность, вероисповедание, место жительства, область деятельности, политическая ориентация, язык. К ранговым - образование, доход (зарботная плата), богатство (наследство или накопление), престиж, власть, происхождение, возраст, административная должность, интеллигентность²⁷.

Казалось бы, что такие показатели, как образование и интеллигентность, напрямую характеризуют интеллигенцию. Однако при нашем подходе они представляются скорее дополнительными, нежели определяющими, т.к. образованность может ограничиваться «образованщиной», а интеллигентность, представленная как совокупность эстетических и этнических характеристик, является духовно-культурным, а не социальным свойством. Этические кредо во многих случаях варьируются по аналогии с изменчивостью моды и далеко не всегда детерминируются социальными статусами и ролями их носителей.

Осмелимся предположить, что понятийная индентификация коллективных субъектов социальных отношений в современном мире по критериям классовой и групповой общности, а также групповой коммуникационной консолидированности и, наоборот, противопоставленность окружающей общественной среде становится недостаточной по причине качественных изменений в характере социальной динамики и в субординации факторов, определяющих статус и престиж как отдельного человека, так и различных социальных общностей.

Современность позднего индустриального и постиндустриального общества формирует ситуацию, когда с точки зрения внешних социальных условий, любой статус становится принципиально достижимым для каждого, когда социальное происхождение и наличное положение перестают сколько-нибудь жестко определять социально-статусное и ролевое будущее. По обобщающей характеристике Э.А. Орловой, современные, т.е. модернизированные общества, базируются на демократическом политическом режиме (возможность для каждого достигать любого политического статуса), универсалистской системе законов (единое для всех правовое пространство), *социальном статусе, достигаемом путем личных усилий*²⁸.

Отсюда - доминирование коллективных способов реализации статусных притязаний; например, классовая борьба сменяется *ориентацией на индивидуальные усилия*. Главным ресурсом целедостижения выступает уже не групповая солидарность, а *личные способности и усилия в условиях общенационального консенсуса и солидарности*.

По ходу заметим: если бы общенациональная солидарность не заместила собой групповую, то не ограниченный ничем индивидуализм привел бы неизбежно к дезинтеграции общества. Консенсус и солидарность, в свою очередь, формируются на основе разделяемых большинством национальных интересов, которыми в демократическом обществе направляется государство.

Между тем асимметричность членов общества в плане «способностей и усилий» по-прежнему воспроизводится. Однако, если раньше, в сословном и классово-контрастном обществе, статусное воплощение ее было весьма

затруднено, в «открытом» обществе эта асимметричность, как правило, коррелирует со статусом и общественным престижем.

Применительно к интеллигенции в нашем понимании, общественное положение и авторитет этого слоя становятся элитными не только в силу личных качеств интеллигентов самих по себе, а и в силу возрастающей социальной, общенациональной востребованности этих качеств с точки зрения национального интереса - наращивания интеллектуально-инновационного потенциала оперативного и продуктивного реагирования на ускоряющуюся инновационную проблематизацию социального развития в области функционирования буквально всех подсистем общества.

Самоочевидно и то, что перспективы выживания человечества также требуют институализации интеллектуально-гуманистического глобального авангарда. Еще на втором Международном конгрессе гуманистического и этического союза (1957 г.) говорилось, что новое глобальное мышление «должно быть основано на выводах экспертов высшего уровня в политической, социальной, философской и научных областях. Оно должно быть результатом деятельности лучших специалистов, а также мудрости Востока и Запада»²⁹.

В этот же период у нас все еще господствовал социально-технократический прометеев оптимизм, по которому путем сугубо технологических новаций можно до бесконечности совершенствовать социальные системы.

Таким образом, интеллигенция идентифицируется внешне не как «класс для себя», т.е. через интенсивную внутригрупповую коммуникацию и социально-политическую консолидацию, а как «класс общества», обладающий общественно-необходимой функциональной спецификой.

Самоидентификация интеллигенции осуществляется в духе субъективистской «я-концепции», путем произвольно-субъективного самоотнесения интеллигенции к определенному статусу, престижу, роли, общественному слою, нравственным и политическим ориентациям, представленным в виде разнообразных, несводимых субъективных идеальных моделей. Вероятно, именно этим и объясняются упомянутые выше плюральность и противоречивость самоидентификации различных представлений интеллигенции.

В то же время мы исходим из того, что представления о том, что такое интеллигенция, имеют процессуальный характер, т. е. естественным образом эволюционируют в зависимости от конкретно-исторической ситуации в отдельной стране и мире, от каждой раз уникальной субординации ее общественно значимых функций. Итак, функциональный подход позволяет более адекватно рационализировать понятие интеллигенции по сравнению с традиционными дефинициями. В его рамках «снимается» сущностное противопоставление российской

интеллигенции западным интеллектуалам, революционного крыла отечественного «просвещенного класса» его либерально-реформистскому и консервативно-охранительному путем отнесения всех отрядов интеллигенции к общей социально-функциональной идентичности, определяемой в самом общем виде как специализированный интеллектуально-нравственный поиск новых ответов на новые общественные обстоятельства.

Другое дело, что направления этого поиска и представления о моделях оптимальных «ответов» различались до уровня антагонизмов.

Иного было бы трудно ожидать в силу целого ряда вполне объяснимых причин, о которых речь пойдет дальше.

Однако, забегаая вперед для иллюстрации нашего вывода, напомним, что та же самая западная интеллигенция в социально-политическом контексте позднего феодализма и классического капитализма концентрировалась на формулировании идеалистических и революционных моделей мировоззренческих и социальных трансформаций. Но по ходу технологической и социально-политической модернизации буржуазного общества, его гуманизации все большая часть интеллигенции, включая социал-демократов и в последние десятилетия - коммунистов, интегрировалась в политический истеблишмент либерально-демократических государств; максима разрушения преобразовалась в максимум созидания.

В условиях же России, где самодержавно-фундаменталистские модели социального порядка с доминированием силовых, авторитарных социальных технологий господствовали до последнего времени, интеллигенция ориентировалась или на революционное ниспровержение власти, или на ее модернизацию, сохраняющую прежнее качество (номенклатурная интеллигенция), или же уходила во «внешнюю» и «внутреннюю» эмиграцию.

Поэтому противостояние власти, а также отстраненность от нее нельзя считать каким-то особым, отличительным «ярлыком» российской интеллигенции. Корректнее будет говорить о российской специфике взаимоотношений власти и интеллигенции и даже о специфике поведения российской интеллигенции во власти. Однако это тема следующего раздела нашего исследования.

Если исходить из перспективы перехода России к постиндустриальному, информационному обществу, то функциональный подход к определению интеллигенции приобретает и социально-практическую актуальность, так как лишь на его основе общество и государство под влиянием императивов современности смогут в конце концов определиться по поводу выбора оптимальных социальных и политических технологий модернизации,

которые предполагают не в последнюю очередь способность отличать «пролетариев рутинного умственного труда» от подлинной интеллигенции.

Примечания:

- ¹ Социологический энциклопедический словарь М: Издательская группа ИНФРА-М - НОРМА, 1998. С. 107.
- ² Арнольд А. И. Человек в мире культуры. Введение в культурологию. М., 1992. С. 152.
- ³ Козлова О.Н. Интеллигенция в российском обществе // Социально-политический журнал. 1995. №1. С. 162.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: «Независимая газета». 1993. С. 328.
- ⁶ Давыдов Ю. Два подхода к пониманию российской интеллигенции // Свободная мысль. 1991. №18. С. 16.
- ⁷ Франк С. Л. Этика ингилизма// Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909- 1910. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 156.
- ⁸ Пайпс Р. Указ. соч. С. 329.
- ⁹ Два письма В.И. Ленину об отношении к интеллигенции // Кентавр. №1. С. 60-61.
- ¹⁰ Вехи; Интеллигенция в России. М.: Мол. гвардия. 1991. С. 12.
- ¹¹ Там же. с. 344.
- ¹² Тощенко Ж.Т. Гуманитарная интеллигенция: начало конца? // Ценности и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции: Тезисы всероссийской теоретико-методологической конф. Москва, 26 - 27 апр. 2000 г. М.: РГГУ, 2000. с. 6
- ¹³ На перепутье (Новые вехи): Сборник статей. М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. С. 34.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Люкс Л. Интеллигенция и революция. Летопись триумфального поражения // Вопросы философии. 1991. №11. С. 5.
- ¹⁶ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1992. С. 286.
- ¹⁷ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. С. 5.
- ¹⁸ Шнырев Л.А. Образование, творчество и прогресс общества/7 Творчество и развитие образовательных систем: Тезисы докладов научно-практической конференции. Уфа: Изд-во Уфимского государственного авиационного технического университета, 1997. С. 3.
- ¹⁹ Беляева З.М. Идеология социального глобализма (к вопросу об идейно-теоретических основах и сущности доктрины Римского клуба) // Философские науки. 1990. №7. С. 31.
- ²⁰ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 33.
- ²¹ Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М.: «Эдиториал УРСС», 1998. С. 93.
- ²² Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. С. 387.
- ²³ Там же. С. 387.
- ²⁴ Козлова О.Н. Интеллигенция в российском обществе // Социально-политический журнал. 1995. №1. С. 163.
- ²⁵ Авлеева Л.Р. Право и его философия в России: Б. А. Кистяковский // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1990. №3. С. 39.
- ²⁶ Интеллигенция и народ // Философские науки. 1990. №7. С. 63.
- ²⁷ Фролов С.С. Социология. М.: Издательская корпорация. «Логос», 1996. С. 240-241.
- ²⁸ Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. М.: Изд-во МГИК., 1994. С. 132.
- ²⁹ Robertson P. The second international congress // Humanist. Vol. 6. №17. P. 365.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Вопрос о происхождении интеллигенции как значимого общественного слоя также не имеет однозначного ответа в современной науке. Некоторые исследователи относят «дату ее рождения» к античности, когда протоинтеллигентами считаются люди «свободных» профессий - риторы, философы, поэты и т. п. В свете нашего подхода с этой позицией можно согласиться, т.к. именно в лоне античной цивилизации сформировался комплекс необходимых предпосылок для специализированного интеллектуального и духовного производства, а также прогрессивного типа цивилизационного развития - устремленность общества к нововведениям, расширяющим свободу человека в отношениях с обществом и природой.

Именно там был осуществлен важнейший социальный эксперимент - переход общества от традициональной саморегуляции к регуляции рациональной, основанной на целесообразном разумном поиске и воплощении новаций самого различного плана, разрешающих социальные противоречия и обеспечивающей прогрессивное развитие самого человека и его общественного бытия.

Близким к этой позиции, но по другим - социально-политическим основаниям, является мнение, по которому интеллигенция появляется вместе с возникновением классового общества, выполняя при этом функции как идеологического и организационно-технологического обслуживания интересов господствующих классов, так и идейного выразителя чаяний угнетенных.

Другие авторы склонны считать, что интеллигенция как массовая социальная общность, обслуживающая специфические массовые общественные потребности и интересы, возникает по мере становления индустриальной, городской цивилизации. «Город создал новый общественный класс, которому суждено было занять первенствующее место в общественной жизни Запада, - буржуазию. Достигнув экономического преобладания, буржуазия стала и политически господствующей силой и вместе носительницей культуры и знания... Мелкие промышленники и торговцы составляли главную массу городского населения.

Именно из их среды и выходили, по преимуществу, люди либеральных профессий и вообще представители умственного труда», - так, например, описывает генезис интеллигенции один из авторов сборника «Вехи» МИ. Туган-Барановский¹.

Упомянутый выше Р. Пайпс исходит из политико-идеологического фактора, утверждая, что интеллигенция возникает там и тогда, где и когда формируется независимое от власти «легальное» общественное мнение.

Разноречивость приведенных позиций, по нашему мнению, проистекает из факта социальной, политической и духовной полифункциональности интеллигенции, а также из-за различной социальной значимости этого социального слоя в различных исторических и культурных контекстах.

Однако все эти воззрения сходятся или, по крайней мере, не противоречат друг другу в признании такой универсальной предпосылки возникновения интеллигенции, как формирование насущной общественной потребности в специализированном интеллектуальном и духовно-идеологическом обеспечении актуальных общественных изменений.

Действительно, данную универсальную функцию выполняли мыслители древних цивилизаций Востока и античные «интеллигенты» (Хорошо известна устремленность античных философов Платона и Аристотеля рационализировать общественные отношения и преодолеть хаос на основе разумных политико-правовых нововведений).

На том же основании многие рассматривают Петра I в качестве не только самодержца-императора, но и первого российского интеллигента. Среди российского дворянства интеллигенты выделялись общественным мнением, прежде всего по признаку особой предрасположенности к радикально-гуманистическому преобразованию общественного устройства, так или иначе концептуально обоснованного.

Однако превращение интеллигенции в массовую социальную группу, деятельность которой получает массовый общественный спрос, происходит на этапе становления индустриализма, ознаменовавшего собой переход от традиционного к инновационному обществу, когда прогресс практически во всех областях стал обеспечиваться научными, технико-технологическими и рационализированными духовно-идеальными факторами, созидание и расширенное воспроизводство которых становится делом специализированных профессионалов - интеллигенции.

Расширение и усложнение промышленного производства и торгово-финансовой системы сформировало насущную общественную потребность в создании широкой сети массового светского образования различных уровней и, следовательно, в создании слоя интеллигенции, обслуживающей эту систему.

Другой предпосылкой формирования интеллигенции является устремленность буржуазно-либеральных обществ к правовой и властной рационализации процессов управления и совершенствования общественно-политических порядков, целой сети специализированных институтов правового и политического профиля. Более того, уже в XIX веке, прежде всего усилиями О. Конта, К. Маркса и М. Вебера, само общество становится объектом научного анализа и рефлексии; возникает особый отряд научно-гуманитарной интеллигенции - социальные философы и теоретики, выводы и положения которых оказывают все более осязаемое воздействие не только на массовое сознание, но и на социально-политическую практику.

В доиндустриальную эпоху политическая востребованность интеллигенции была весьма ограниченной. Во-первых, потому что власть базировалась в основном на харизматической и традиционалистической формах легитимности, не требующих ее рационалистического обоснования.

Поэтому властвующие элиты ощущали лишь минимальную зависимость от «услуг» интеллигенции. В традиционных обществах властное регулирование на низшем общественном уровне также не требовало профессионализма и интеллектуального обеспечения. Во-вторых, роль культурно-информационных ресурсов власти оставалась чрезвычайно ограниченной, хотя бы из-за отсутствия разветвленной сети средств массовой информации, посредством которых только и можно эффективно влиять на общественное сознание и поведение.

Все это, в свою очередь, обуславливало закрытость власти, ее минимальную зависимость от общественного мнения, а следовательно, и от пропагандистско-идеологического влияния на него.

Наконец, сама интеллигенция рекрутировалась главным образом из политически и экономически господствующего класса и тем самым оставалась инкорпорированной во властную элиту.

Одним из существенных продуктов индустриализма стало создание «индустрии сознания», опосредующего функционирование социально-экономических структур, динамику рынка и потребления, развитие реальных или мнимых потребностей людей, установление и поддержание определенного классового равновесия, устойчивость и общепринятость тех или иных форм общения, политических институтов и т.д. Здесь в большей степени действуют идеологические механизмы (в самом широком смысле этого слова) управления сознанием и - через сознание - поведением людей... Эхо - манипулирование индивидами посредством их идей, мыслей

сознательных навыков и т.п., а не просто через «естественные», «слепые» экономические механизмы.

Поэтому существенное место в обществе стало занимать само производство такого сознания, специальный труд по созданию его «образцов», «шаблонов», их переработке и распространению в массах².

Всеобщий рост образованности западного общества, формирование культуры досуга также расширенно воспроизводит массовый заказ на «продукцию» творческой интеллигенции, основным рынком которой все более становится массовая культура, требующая массового культурного производства.

Таким образом, становление и усиление влияния в обществе такой социально-профессиональной группы, как интеллигенция, выступает в качестве надежного критерия его прогрессивности, наличия мощного потенциала экономической, научно-технической и культурной конкурентоспособности в глобальном масштабе. «Самый важный капитал общества, - справедливо утверждает П.И. Дышлевы, - его бесценное национальное богатство - это творческие личности, которые в условиях подлинной политической и экономической свободы, как показывает история, вносят максимальный вклад в достижение экономического и культурного процветания, помогает выйти в число передовых и богатейших стран мира»³.

В чем же заключается содержание и специфичность роли и функций интеллигенции в общесоциальном плане?

Но сначала определим термины «социальная роль» и «социальная функция». Согласно трактовкам Энциклопедического социологического словаря (1998), социальная роль есть совокупность норм, определяющих поведение действующих в социальной системе индивидов в зависимости от их статуса и позиции. В понятие социальной роли входит также и само поведение, реализующее эти нормы⁴.

Там же социальная функция определяется через тройное описание: а) роль, выполняемая определенным элементом социальной системы в ее организации как целого, в осуществлении целей и интересов социальных групп и классов; б) зависимость между различными социальными процессами, выражаемая в функциональной зависимости переменных; в) стандартизированное социальное действие, регулируемое определенными нормами и контролируемое социальными институтами⁵.

Таким образом, эти два термина в ряде приведенных толкований выступают как синонимы, т.к., например, функция определяется через роль, выполняемую кем-либо в контексте реализации как

общесоциальных, так и групповых-корпоративных целей и интересов. Отсюда роли функции интеллигенции можно классифицировать по следующим основаниям: а) по специфичности, значению и результатам ее деятельности для всего общества в целом; б) по значению и результатам ее деятельности с точки зрения других общественных классов и групп (народа, понимаемого самой интеллигенцией как «этнос с традиционным укладом жизни, обычаями, культурой, отличающимися от тех же характеристик от образованной части общества и его высших сословий, элиты), «политического класса», бюрократии, также общественных «низов»; в) по значению и результатам ее деятельности в своих собственных целях и интересах. Например, в целях улучшения статуса и повышения престижа в обществе.

Попутно позволим себе не согласиться с авторами цитированного словаря, утверждающими, что социальная роль определяется статусом. Скорее, наоборот, статус и престиж в большинстве случаев произволен от значимости для общества ролей и функций, которые выполняют те или иные субъекты социальных изменений.

По мере перехода общества от традиционной к инновационной стадии эволюции формируется и расширяется социальный заказ на производство рационалистических, интеллектуальных ресурсов, обеспечивающих целесообразные изменения во всех сферах общественных отношений.

Отсюда интеллигенция получает свое фундаментальное функциональное предназначение, своеобразную мегафункцию - *рационализацию социального саморазвития*. Конечно же, подобный социальный заказ в той или иной степени присутствует на любой стадии исторического процесса, но если ранее он носил спорадический и локальный характер, то в индустриальную эпоху опора на разум превращается в перманентное и необходимое условие социального бытия, что предполагает становление и расширенное воспроизводство и соответствующего субъекта реализации данной функции, и соответствующих социальных институтов (науки, образования, идеологии).

В свою очередь, эта мегафункция обеспечивается целой системой специализированных функций.

Прежде всего речь идет о рационализации процессов воспроизводства и совершенствования социальных порядков, которые институционализировались и воспроизводились посредством традиционных ресурсов или, как называл их ФА Хайек, «социальных инстинктов». «Эволюция традиционных правил поведения,

занимающая промежуточное положение между развитием инстинктов и развитием разума, - это самостоятельный процесс, и его было бы ошибочно считать творением разума. В действительности традиционные правила *выросли* естественным путем в ходе эволюции⁶.

Так, интеллигенция «отбирает» у традиции важнейшую социальную функцию *трансляции и воспроизводства опыта прошлых поколений (социальной памяти)*, рационализируя ее в форме исторической науки и исторического образования, когда прошлый опыт теоретически и логически верифицируется и упорядочивается. Инновационность в данном случае проявляется в производстве принципиально иного механизма реконструкции и социальной утилизации истории, который радикально расширяет возможности социально-практической, политической и идеологической манипуляции исторической информацией.

Разрушается и монополия религии на выполнение такой функции, как *критика и оценка существующего социального порядка*. При этом на смену «незыблемым догматам» приходят рационально-критические основания социальной саморефлексии, легитимизирующие притязания человека на целесообразный социальный конструктивизм. И опять-таки данное поприще предполагает наличие в обществе специализированного субъекта - контингента социальных философов, теоретиков и технологов.

Например, Платон в «Тимее» рисует картину рационально и справедливо устроенного государства - Атлантиды и на этой основе критикует социально-политическую и нравственную реальность Афин III в. до н. э. Его преемник и оппонент Аристотель считал главным не то, что есть, а то, что находится в потенции, то, что еще только может быть⁷. И здесь можно смело утверждать, что практически все масштабные социальные изменения, включая и российские реформы последних десятилетий (вспомним эпитет «архитекторы перестройки», так или иначе становились следствием не только комплекса объективных обстоятельств, но их интеллектуального осмысления с позиций потребностей и интересов каждого конкретного общества. Воистину - «Сначала было слово!»).

Следовательно, интеллигенция с момента своего возникновения удовлетворяет универсальную потребность общества в рационализирующей, интеллектуальной саморефлексии. Известно, что чем больше осознается социумом насущность данной потребности, тем динамичнее становится его прогрессивное развитие. И в отечественной истории есть масса примеров, иллюстрирующих эту закономерность. Так, знакомство Петра I с рациональной

организацией западноевропейского государственного управления и регулярной армии подвигло царя и его просвещенных соратников к существенному реформированию государства. И, наоборот, изоляция общества от рационально-критической саморефлексии тоталитарным режимом в советские времена, подавление указанной функции интеллигенции в конечном итоге стали ~~причиной~~ застоя.

Подвергается все большей рационализации и *процесс производства мировоззренческих, смысложизненных оснований и ориентиров социального будущего, а также стратегий социального действия по его достижению*.

Существующая уже более двух веков либерально-демократическая политическая система обязана своим появлением на свет не только особой предприимчивости и напористости буржуазии. Известно, что торжество либерализма, как бы к нему сейчас не относились, было подготовлено напряженными идейно-теоретическими исканиями выдающихся мыслителей-гуманистов эпох Возрождения, Реформации и Нового времени.

При всем утопизме и подчас экстремизме западных социально-политических доктрин и концепций их авторам в целом удалось сформулировать рационально-гуманистическую критику феодально-монархического общества и обосновать фундаментальные принципы государственно-правового устройства, обеспечившего наивысшую степень социальной и творческой свободы человека.

Наиболее ярким примером в этом отношении может служить «американский социальный эксперимент», в котором соединились в конечном итоге и рационалистический социальный конструктивизм и его практическое воплощение. В книге Луиса Харца «Либеральная традиция в Америке» отмечается в связи с этим «дух 1776 г.» (принятие Конгрессом Декларации независимости. - Авт.)... не только стремился к освобождению, а делал это в *рассудительной* (курсив. - Авт.) манере; не только выступал против власти, а делал это жестко и беспрерывно⁸.

Эта рассудительность нашла практическое воплощение как в рациональной формулировке политического идеала («свобода», «правосудие», «внутреннее спокойствие», «благоденствие», «совместная оборона»), политико-правового механизма его достижения («принцип разделения властей», «~~принцип~~ сдержек и противовесов», «принцип федерализма» и «принцип судебного конституционного надзора»), так и в результатах последующего исторического развития США⁹.

В ходе разрушения патриархальной семьи существенно изменяется характер социализации новых поколений. Под социализацией

понимается «процесс становления личности, усвоения индивидом ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих данному обществу, социальной группе»¹⁰.

Наряду со стихийными каналами (семейное и другие формы неформального общения) на этапе индустриализма появляются рационально организованные институты социализации, включающие в себя прежде всего систему воспитания, образования и массовой культурно-идеологической и политической коммуникации. Функционирование всех этих институтов, в отличие от институтов социализации традиционного общества, предполагает специализированное и постоянное интеллектуальное обеспечение. Таким образом, интеллигенция становится основным субъектом реализации такой общественно значимой функции, как *рационально организованной и институализированной социализации новых поколений*. Как показывает прошлая и современная история, отстранение интеллигенции от выполнения данной функции или же принижение обществом и государством роли «воспитанных воспитателей» чреваты социокультурной деградацией, варваризацией общества.

Известный отечественный исследователь А.С. Панарин справедливо отмечает по этому поводу: «Можно предположить, что известная «критика норм» необходима каждому новому поколению для того, чтобы расширить ареал обитания и не остаться в тени предшественников. Но нельзя бесконечно повышать таким образом пластику норм; в конце концов они могут утратить какую-либо устойчивость. Цивилизация, не имеющая внутренних фильтров..., отделяющих легальное от запрещенного, в конечном счете обречена на исчезновение»¹¹.

В результате на плечи интеллигенции возлагается актуальнейшая для любого общества миссия созидания и утверждения «внутренних фильтров» социализации новых поколений.

Эпоха индустриализма может быть названа еще и эпохой форсированной фабрикации и массивификации все новых комплексов социальных потребностей как материального, так и духовного типа, что и задает не в последнюю очередь нарастающий динамизм социальным изменениям.

Исходя из описанного выше принципа социально- инновационной иерархии, общество можно условно разделить на страты, которые в наибольшей степени генерируют «революции потребностей», и страты, которые выступают как реципиенты новых стандартов. Естественно предположить, что *главным субъектом реализации*

функции «спровоцирования» новых потребностей является также интеллигенция.

На данном поприще она выступает в трех ипостасях. Во-первых, именно интелликулы формируют в большинстве случаев мыслимый статус новых потребностей. Известно, что почти вся совокупность нового поколения потребностей, реализованных в XX веке (овладение электроэнергией, радио, телевидение, транспортные средства, медицинское обслуживание и т.п.), была пускай зачастую и в фантастическом облике, осмыслена и достаточно широко популяризована мыслителями XIX - нач. XX века. Здесь вполне достаточно сослаться на Жюль Верна и Герберта Уэллса. Во-вторых, разработка разнообразных средств удовлетворения этого нового поколения потребностей также является в первую очередь заслугой интелликулов. И, в-третьих, главным субъектом массивификации самых новых потребностей и средств их удовлетворения в национальном и международном масштабах опять-таки выступает интеллигенция.

Во все времена прежде всего интеллигенция выступала главным субъектом *соединения опыта развития человечества с жизнью своего народа*. Совершенно очевидно, что прогресс любого общества, его «положительная динамика» во многом зависят от способности к продуктивному освоению достижений-новаций других культур и социальных систем.

Поэтому интеллигенцию по праву «можно уподоблять ферменту истории, работающему в направлении диверсификации исторических поисков, плюрализации общественных начинаний, обогащения форм и средств прогресса»¹².

В посттрадиционном обществе обретают достаточную определенность и высокую востребованность собственно политические функции интеллигенции. Во многом это связано с переходом от доминирования харизматического и традиционного типов легитимности к рационально-легальному. Последний, по М.Веберу, обеспечивает устойчивость и эффективность власти на основе осознанного согласия с ней общества, поскольку установки и действия властвующих элит воспринимаются большинством граждан как соответствующие их интересам и правовому закону.

Таким образом, достижение национального политического консенсуса как необходимого фактора устойчивого развития требует *своеобразного «медиатора», который должен осуществлять долгосрочное, интенсивное и устойчивое взаимодействие между элитой, различными ее группировками и основной массой населения, а*

также вырабатывать единую ценностную систему, разделяемую как элитой, так и массовыми слоями общества.

При этом, с позиций политических интересов гражданского общества, интеллигенция выполняет функции *интеграции, идеологического оформления, представительства и рационально-правовой защиты притязаний к власти как отдельных общественных групп, так и общества в целом.* В каком-то смысле здесь можно согласиться с известным ленинским выводом о том, что пролетариат самостоятельно без помощи революционной интеллигенции не в состоянии выработать социалистическое сознание.

Интеллигенция специализированно обслуживает и другую политическую потребность гражданского общества - *обеспечивает компетентный социальный мониторинг за намерениями и действиями власти, что является необходимым условием ее социальной ответственности.*

Все перечисленные социально-политические функции интеллигенции, реализуясь в конкретных социальных и властно-политических контекстах, так или иначе затрагивают интересы и властвующих элит. Помогая последним решать актуальные общественные проблемы научно-технологическими и духовно-идеологическими способами, интеллигенция генерирует зависимость от себя властных структур. «Для утверждения своего варианта изменения политических институтов победившие или еще находящиеся в состоянии конфронтации группы элиты вынуждены привлекать массовые слои, добиваясь хотя бы формальной и ситуативной поддержки с их стороны (преимущественно с помощью все более совершенствующихся средств воздействия на общественное мнение, прежде всего контролируемых данной группой СМИ)»¹³.

Тем самым в индустриальную эпоху значительно расширяются возможности интеллигенции модифицировать политическое поведение элит как с точки зрения общедемократических принципов, так и согласно своим собственным интересам.

Даже в России ХУШ - XIX вв. явно ощущалось влияние политических идей западноевропейского Просвещения на внутренние политические процессы. Так, уже Екатерина II под воздействием критики Ш.Л.Монтескье российского политического порядка в 1767 г. созвала специальную комиссию, подготовившую т.н. «Наказ», через который российская дворянская элита ознакомилась с рядом прогрессивных политических идей Запада. И хотя деятельность комиссии была вскоре прервана, она положила начало либерально-демократическому направлению отечественной общественно-политической мысли.

В период хрущевской «оттепели» политическое влияние интеллигенции на правящую элиту также оказалось весьма ощутимым и в плане смягчения последствий сталинского тоталитаризма, реабилитации многочисленных жертв репрессий и в плане, пускай и ограниченного, расширения свободы творчества, демократизации системы образования, расширения экономических, культурных и политических контактов с внешним несоциалистическим миром.

Вместе с тем доминирование материальных, экономических интересов в индустриальном обществе, когда наиболее эффективными ресурсами власти оставались богатство и сила, ограничивало политическое участие интеллигенции в качестве самостоятельного субъекта властеотношений. К тому же социальная дезинтегрированность «просвещенного класса» обусловила главным образом сервильный, обслуживающий характер политической активности.

Поэтому возрастание социального «веса» и значимости его политических функций было использовано прежде всего теми социальными группами, которые концентрировали в своих руках богатство, силу и организованную мощь.

Таким образом, *в индустриальную эпоху политический потенциал интеллигенции во многом использовался для идеологической апологетики, информационного и политико-технологического обслуживания властвующих элит в целях производства инноваций, оберегающих и усиливающих их господство над обществом.*

Примечания:

¹ Вехи; Интеллигенция в Россия. М.: Мол. гвардия. 1991. С 419-420.

² Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1992. С.284- 285.

³ Дышлевый П.И. Творческий потенциал общества и возрождение Российской Федерации// Творчество и свобода. Межвузовский тематический сборник Воронеж: «Петровский сквер», 1994. С.7.

⁴ Социологический энциклопедический словарь. М: Издательская группа ИНФРА -М-НОРМА,1998.С. 307.

⁵ Там же. С.397.

⁶ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: «Новости» при участии издательства «Catalax», 1992. С.245.

⁷ Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М: Мол. гвардия. 1993. С.132-133.

⁸ Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М:

Издательская группа Академия», 1993. С.56.

⁹ Подробнее об этом см. Современные Соединенные Штаты Америки: Энцикл. справочник. М: Политиздат, 1988С48-93.

¹⁰ Социологический энциклопедический словарь. М.: Издательская группа ИНФРА-М - НОРМА. 1998. С.328.

¹¹ Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века М.: «Эдиторнал УРСС», 1998. С.22.

¹² Мунтян М.А. Интеллектуал, интеллигент и отношения с властью// Кентавр. 1992. №11-12. С.5.

¹³ Лапкин В.В., Панарин В.И. Политические организации и политические институты в современной России: проблемы козволюции// Политические исследования. 1999. № 6. С.75.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ

Тематика, связанная с политико-социологическими проблемами истории российской интеллигенции, находится в центре внимания многих исследователей на протяжении всего XX века, начиная с выхода в свет сборника «Проблемы идеализма», книги Н.А. Бердяева «Духовный кризис интеллигенции», статьи П.Б. Струве «Великая Россия», опубликованной в журнале «Русская мысль», коллективного программного издания «Вехи; Интеллигенция в России» и последующих публикаций тех же авторов (Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.Б. Струве, А.С. Изгоева, С.Л. Франка, Б.А. Кистяковского и М.О. Гершензона) - «Из глубины: Сборник статей о русской революции» и «Освальд Шпенглер и закат Европы». К наиболее заметным современным исследованиям можно отнести работу А.С. Панариной «Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века (1998г.), коллективный труд «На перепутье (новые вехи): Сборник статей» (1999г.), а также материалы всероссийской теоретико-методологической конференции «Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции (2000 г.).

Однако эти и целый ряд других работ не ставили перед собой непосредственную задачу социо-политологической интерпретации судьбы «просвещенного класса» России в свете функционально-иерархического подхода, с позиции которого социально-политический статус и роль интеллигенции определяются прежде всего характером и напряженностью инновационных императивов социального развития как в национальном, так и в мировом масштабах. Согласно нашей методологической установке, самобытность отношений интеллигенции и власти довольно жестко коррелирует с особой объективной композицией «вызовов», перед лицом которых оказывается общество в своей уникальной конкретно-исторической современности и которые, соответственно, требуют самобытного содержания инновационных социальных «ответов». Иными словами, содержание объективно необходимой инновационной социальной активности каждый раз самобытно.

Так, если для буржуазного индустриального Запада историческая полоса, когда доминировала социальная потребность в радикальных социально-политических и идеологических преобразованиях, в принципе завершилась с утверждением либерально-демократических политических систем еще в XIX веке, то в России подобная потребность превратилась в общественную доминанту лишь в конце XX века.

Таким образом, особенности становления, социального функционирования российской интеллигенции, ее взаимоотношений с властью и обществом мы определяем в зависимости от особенностей

содержания и структуры инновационных императивов, «двигавших» отечественную историю вплоть до настоящего времени.

Происхождение и история отношений российской интеллигенции с властью и обществом весьма самобытны в сравнении с историей западного «просвещенного класса», что прежде всего выражается в специфичности ее социальных ролей и функций, включая их политико-идеологический аспект.

Складывание интеллигенции на Руси в качестве особой и социально-влиятельной общности началось с большим опозданием по сравнению с Западом. По-видимому, это связано с тем, что формирование и актуализация общественных потребностей (за исключением, пожалуй, духовно-идеологического обслуживания самодержавной власти), удовлетворение которых должна обеспечивать интеллигенция, произошли на несколько веков позже. До реформ Петра I роль и функции людей, коих каким-то образом можно причислить к интеллигентам, ограничивались удовлетворением эстетических запросов власти (Левша) и религиозно-подвижнической деятельностью.

Почти на всех этапах дореволюционной российской истории наблюдается прочный союз государя и Церкви при доминировании первого. Обычно княжение и царствование идеализировались большинством православных летописцев, а всевластие царей рассматривалось незыблемым принципом¹.

Дело в том, что до конца ХУЛ века Россия, будучи по целому ряду объективных обстоятельств изолированной от европейской культуры, оставалась вне императивов культурно-цивилизованной конкуренции с Западом. На это, в частности, обращает внимание немецкий историк Л. Люкс: «До Петра московскому государству совершенно не мешала его технологическая и экономическая отсталость, так как оно, в отличие от Запада, обладало «правильной верой». Поэтому технические достижения западных соседей никаких комплексов неполноценности в России не вызывали»².

Иначе обстояли дела в Европе. Начиная с позднего средневековья, эпохи Возрождения и особенно в Новое время происходит с нарастанием падение авторитета Церкви и рост авторитета науки. «В культуре Нового времени светские элементы преобладают над элементами церковными..., феодальная аристократия... утрачивает сначала политическое, а затем и экономическое значение. Она заменяется союзом короля с богатыми купцами»³.

При этом частнособственнические отношения по мере развития промышленности и торговли становятся доминирующими и порождают новую форму демократической культуры, которая по своей главной сути становится либеральной и инновационной в плане всех основных сфер

общественных отношений - материальное производство, основанное на развитии науки и техники, и новых форм организации труда; открытая социальная структура, обеспечивающая возможность изменения статуса для представителей всех сословий (социальная мобильность); динамично развивающаяся политическая система в контексте либерально-демократической, рационально-легальной модернизации властных отношений; становление мировоззренческого плюрализма и доминирование рационального знания и светской культуры.

Все это открывает все более широкие возможности и потребности разрешения проблем и противоречий общественного развития Запада на основе теоретической и прикладной науки, а также создания системы массового образования. Первым знаковым шагом в данном направлении стала публикация в 1543 году теории Н. Коперника, которая была развита и усовершенствована уже в XVII веке Кеплером и Галилеем.

Ускоренное развитие «практической», прикладной науки стимулировалось сначала потребностью в совершенствовании оружия, фортификационного искусства и кораблестроения. Затем машинное производство востребовало массового количества изобретателей, специалистов и квалифицированных работников.

Таким образом, уже в XVII веке на Западе интеллигенция превращается в социально значимую и высокостатусную общественную группу, в том числе и в сфере идейно-политических общественных отношений и процессов практической политической модернизации.

В России по целому ряду причин превращение интеллигенции в социально значимую группу, обслуживающую светскую науку, техническое развитие и массовое образование, началось лишь в XIX веке, особенно в его второй половине, когда в результате Великих реформ 60-х - 80-х гг. (освобождение крестьян, судебная, земская реформы и реформы в области высшего и общего образования), пускай и весьма непоследовательно, начинает формироваться капиталистический сектор экономики, закладываются основы гражданского общества, формируются демократические рационально-легальные притязания к власти и образуются особые слои интеллигенции, которые теоретически, идейно и практически формируют массовую оппозицию самодержавию.

Однако и этот запоздалый старт радикально не изменил многие существенные самобытные черты российского «просвещенного класса». Все тем же в основном оставалось сословно-классовое происхождение основной части интеллигенции. По-прежнему ее ряды в основном рекрутировались из состава духовенства, дворянско-аристократического сословия, чиновничества и лишь в незначительной мере - из представителей «третьего» буржуазного сословия. Подавляющая же часть

населения - крестьяне и рабочие - могли войти в состав интеллигенции лишь в редких, исключительных случаях.

Это особое социально-классовое происхождение большинства интеллигенции во многом определило и ее особые политические качества и ориентации. Все четыре перечисленных сословия, будучи лично свободными подданными, вместе с тем оставались конформистски настроенными по отношению к самодержавной власти.

Радикальные революционные и либерально-демократические течения в среде дворянской интеллигенции почвеннической или же прозападной ориентации при всех их героических деяниях (восстание декабристов) оставались в статусе маргиналов, ориентирующихся на политические интересы представителей других классов и сословий - крестьянства, буржуазии, рабочего класса и национальных меньшинств.

Эта маргинальность вполне понятна, т.к. «обиженные самодержавной властью» в дворянской среде составляли явное меньшинство, а радикально-прогрессивные социально-политические и духовно-культурные новации, демонстрируемые буржуазным Западом, представляли самоочевидную угрозу и социальному порядку, и базовым классовым интересам российского дворянства, напуганного бесконечными и зачастую кровавыми революционными потрясениями в странах Западной Европы.

Духовенство, согласно православным канонам и традициям, по которым закреплялось верховенство светской власти над Церковью, а также в результате полного огосударствления последней в ходе петровских реформ, по определению не могло отличаться творческим пафосом и активностью как в сфере духовного производства и в качестве какой-либо духовной оппозиции власти, что как раз и наблюдалось на протяжении всей истории западно-христианской цивилизации (Например, феномен Реформации XVI в.). «Представляя себе мысленно византизм, мы, напротив того, видим перед собою как бы строгий, ясный план обширного и поместительного здания. Мы знаем, например, что византизм в государстве значит - *самодержавие*», - отмечал один из виднейших идеологов славянофилов К.Н. Леонтьев⁴.

Другим источником политической слабости российской православной Церкви и представлявшей ее интеллигенции явилось то, что в отличие от католицизма и протестантизма, она не имела глубоких корней в обществе, достаточных для того, чтобы выступать от его имени и при его поддержке самостоятельным субъектом политического влияния. «Гораздо быстрее, чем поднимался уровень массы, падал ему навстречу уровень пастырей, - считает П.Н. Милоков. - Упадок уровня образованности и измельчание религиозности высшего духовенства есть факт, столь же общепризнанный нашими историками церкви, как и легко объяснимый. Отдаляясь постепенно от Византии и лишившись постоянного притока греческих

духовных сил, Россия еще не имела достаточно образовательных средств, чтоб заместить греческих пастырей своими... Если недостаток людей сильно чувствовался уже при замещении высших духовных мест, то о низших нечего и говорить»⁵.

Действительно, в российской истории трудно обнаружить какое-либо социально-политическое движение или существенную политическую трансформацию, проходившие под эгидой православной Церкви или ее религиозной идеологии. Не случайно, наряду с массовой коллективизацией и форсированной индустриализацией, большевикам за сравнительно короткий срок удалось осуществить и «массовую атеизацию», провозгласив религию в качестве «опиума для народа».

Что же касается дворянско-аристократического сословия, которое, кстати, формировало и высшие эшелоны чиновничье-бюрократического аппарата, то сама возможность появления в его рядах чего-либо, напоминающего интеллигенцию, появилась лишь после смерти Петра I, когда правительство постепенно начало признавать правомочность независимой общественной деятельности дворян, а также формирования своего «общественного мнения». С этого периода начинается процесс устойчивого духовного светского производства, прежде всего в форме литературного творчества и театрального искусства.

Однако его доминирующими характеристиками, отражающими самобытность дворянской российской интеллигенции, оставались вплоть до формирования революционно-демократического и либерального направлений в общественно-политическом движении к сер. XIX века *элитарность, политический и идеологический консерватизм и назойливая опека со стороны полицейских и цензорских структур самодержавного режима*. Вспомним при этом весьма противоречивые отношения с государями А.С. Пушкина, П.Я. Чаадаева и М.Ю. Лермонтова.

В основной массе дворянской интеллигенции даже распространявшиеся в XIX веке западные социально-философские и политические идеи интерпретировались избирательно, с позиций апологетики самодержавия и обоснования особой роли и прав в обществе благородного сословия. Так, произведение Ш.Л. Монтескье «О духе законов», которое никак нельзя заподозрить в прославлении самодержавной власти, было, по сути дела, превращено в своеобразное руководство для дворян по государственной деятельности, «потому что в нем особо подчеркивалась необходимость тесного сотрудничества между короной и знатью»⁶.

При этом если исходить из функционально-иерархического подхода, обвинять дворянско-клерикальный лагерь российской интеллигенции в особом консерватизме и ретроградстве было бы опрометчиво. Бели поставить вопрос о том, какие экономические, социальные и политические новации были в середине XIX века наиболее оптимальными для

российского общества, то их консерватизм и державность предстанут уже в другом свете.

Дело в том, что российское общество данного периода по целому ряду объективных обстоятельств было и не готово и не заинтересовано в радикальных преобразованиях либерально-демократического образца. Так, крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения России, оставаясь поголовно безграмотным и в большинстве случаев лишенным какой-либо экономической самостоятельности и состоятельности, оставалось явно не способным воспринять не только правовой и политический рационализм либерально-демократического типа, но даже и социально-политические конструкции революционного крестьянского социализма Герцена, Чернышевского и народничества. Об этом, в частности, говорит полный провал известной кампании «хождения в народ». Уже этот факт показывает, что Россия XIX, да и начала XX веков, не имела сколько-нибудь достаточного потенциала для сравнительно быстрого формирования гражданского общества, способного рационально и цивилизованно управляться «ограниченным» либерально-демократическим государством.

Кроме того, напряженность потребности российского общества в интенсификации общественного производства на основе инновационного форсированного перехода к капиталистической системе хозяйства, несмотря на ряд поражений империи в войнах с капиталистическими соперниками, оставалась весьма слабой даже в сравнении с европейскими обществами XVII века. Этот феномен объясняется наличием у России огромного потенциала для обеспечения экономического роста и державной конкурентоспособности при доминировании экстенсивного типа освоения естественных и человеческих ресурсов.

Следовательно, интеллектуальные и технологические факторы экономической динамики, которые созидает интеллигенция, были объективно востребованы гораздо меньше, нежели властно-административные. Но даже минимальные по сравнению с Западом новации в области технологической реконструкции общественного производства были востребованы не столько гражданскими независимыми потребителями, сколько самодержавным государством, сохранявшим статус монопольного заказчика и «спонсора» технического и индустриального прогресса.

Отсюда неизбежен вывод: волею перечисленных объективных обстоятельств самыми оптимальными социальными новациями для России, обеспечивавшими наибольшую социальную продуктивность ее развития, могли быть лишь эволюционные, направляемые прежде всего государством реформы, создающие почву для формирования

дееспособного в экономическом и политическом отношении гражданского общества.

Как раз в этом, по нашему убеждению, и заключалась специфика инновационных социальных императивов российского общества, отличающая его от Запада.

Отсюда и функциональная специфика социально-политических функции российской интеллигенции - участвуя во власти или влияя на нее, способствовать эволюционному реформированию общества и государства, находясь на службе этого государства, т.к. в России именно государство, а не гражданское общество могло выступать наиболее продуктивным субъектом прогрессивных социальных инноваций.

Поэтому наиболее продуктивный и интеллектуально-творческий костяк российской интеллигенции был сформирован именно в лоне дворянского сословия, включая многих высших государственных сановников и даже членов царской семьи. Пускай и весьма замедленно, в консервативном духе, почти все прогрессивные реформационные идеи и проекты, не нарушавшие цивилизационную органику России, исходили прежде всего из среды интеллигентов-государственников-патриотов, представлявших высшую государственную бюрократию. Причем этот консерватизм оказывался зачастую более продуктивным и инновационным в контексте тогдашних российских реалий, нежели радикальные программы и действия групп интеллигенции либерально-западнической, социалистически-западнической (социализм) и социалистически-«почвеннической» (народники) ориентации.

По мнению одного из виднейших идеологов западного консерватизма Мезера, «реальные события дают часто более здравые основания для верных выводов, нежели даже слишком значимые предпосылки... Практика, которая придерживается конкретных частных обстоятельств и знает, как ими пользоваться, несомненно, гораздо мудрее теории, которая в своем высоком полете с необходимостью должна упустить из виду много обстоятельств»⁷.

Даже многие из радикальных западников в среде дворянской интеллигенции в конечном итоге осознавали, что революционное реформирование России по западному образцу в конкретных социально-экономических и политических условиях XIX века стало бы опасной утопией. По мысли П.Я. Чаадаева, к которой он пришел через 15 лет после выхода знаменитых «Философических писем», учитывая российскую духовную и социально-экономическую отсталость, «...нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти из лжи и утвердиться в истине»⁸.

Неприемлемость для России XIX века западной модели социально-политического порядка подчеркивал и упомянутый идеолог славянофилов

К. Леонтьев: «Эгалитано-либеральный (уравнение в политических правах представителей различных сословий и расширение социальной свободы, для индивидов. - Авт.) процесс есть антитеза процессу развития. При последнем внутренняя идея держит крепко общественный материал в своих организующих деспотических объятиях и ограничивает его разбегающиеся, расторгающиеся стремления. Прогресс же, борющийся против всякого деспотизма сословий, цехов, монастырей, даже богатства и т.п., есть не что иное, как процесс разложения, процесс того вторичного упрощения целого и смешения составных частей..., процесс уничтожения тех особенностей, которые были органически (т.е. деспотически) свойственны общественному целому»⁹.

Действительно, если проследить наиболее прогрессивные изменения в российском обществе XVII - нач. XX вв., то будет нетрудно убедиться, что их инициаторами и главными исполнителями прежде всего выступали представители прогрессивно мыслящей части дворянской государственной элиты. В ходе становления «просвещенного абсолютизма» формируется новая идеология, по которой монарх рассматривается не просто как «отец» нации, а как блюститель законности, «просвещенный абсолютизм» неразрывно связывается с законностью, «правильной организацией» управления и суда. С 1760 г. делаются попытки создания все сословного уложенного земского собрания, законодательного запрета смертной казни. В «Наказе», написанном под руководством Екатерины II (1776 г.), содержалось указание для верховной власти учитывать «естественное» положение России, самобытность ее истории, обеспечивать безопасность каждого гражданина, т.к. «власть сотворена для народа». Основное предназначение монархии сводилось к тому, чтобы содействовать непрерывному «совершенствованию общества». Для достижения этих целей необходимо установление в государстве «наилучших законов»¹⁰. В 1810 г. был сформирован Государственный совет, директором которого стал прогрессивный государственный деятель М.М. Сперанский. В том же году на рассмотрение Государственного совета вносится проект гражданского Уложения, суть которого во многом воспроизводила содержание французского законодательства с обозначением необходимости создания представительных органов власти.

При всей половинчатости огромное прогрессивное значение имели реформы 1860 - 80-х гг., инициированные царским правительством: Крестьянская реформа, формирование все сословного самоуправления (Земская реформа), судебная реформа, внедрившая принцип отделения судебной власти от законодательной, исполнительной и административной, принцип равенства всех перед законом, открытость и состязательность судопроизводства.

В 1860 - 70-е гг. высшей государственной бюрократией (генерал-губернатор М.Т. Лорис-Меликов, поддержанный императором) была выдвинута, по сути, конституционная идея «привлечения «наиболее благонадежных элементов» к участию в обсуждении ряда государственных дел»¹¹. Однако в результате убийства императора 1 марта 1881 г. «первая русская конституция» так и не была утверждена.

Следует напомнить и сподвижническую деятельность таких российских аристократов-государственных мужей, как С.Ю. Витте и П.А. Столыпин, и, наконец, выдвинутый самодержавием под давлением общества Манифест 17 октября 1905 года, провозгласивший введение гражданских свобод и организацию законодательного органа (Государственной думы), ограничивающего монархическую власть.

Итак, самобытной чертой политических отношений в России XIX - нач. XX вв. является, на первый взгляд, парадоксальная ситуация, когда такими характерными для интеллигенции качествами, как образованность, профессионализм, социально-продуктивная инновационность, патриотизм и творческий потенциал обладали в наибольшей степени представители, казалось бы, реакционного правящего аристократического сословия - главного властного субъекта Российской империи, находящегося в постоянной критической оппозиции к своей же собственной власти с позиций просвещения, демократизации общественных отношений и идеала правового государства.

Именно данная группа интеллигенции при определенных обстоятельствах, на наш взгляд, и могла бы послужить основной социальной, политической и идеологической базой эволюционного, реформистского движения России в сторону становления цивилизованного общественного устройства.

Этот парадоксальный, с точки зрения устоявшейся историографической советской традиции, вывод вполне объясним. Дело в том, что в России не оказалось других сословий и классов, способных выступить достойной альтернативой дворянскому сословию с точки зрения социальной, политической и культурной продуктивности представлявших их групп интеллигенции.

Весьма немногочисленная и поначалу малограмотная российская буржуазия, обладавшая наибольшим инновационным потенциалом в сфере производственно-экономических отношений, а также в области научно-технических факторов социального развития, также радикально отличалась от буржуазии западной по своему политическому статусу, характеру политических притязаний к власти и духовно-мировоззренческому влиянию на традиционально-патриархальное массовое крестьянское сознание.

На Западе еще во времена абсолютизма третье сословие добилось легального участия в представительных структурах государственной власти в качестве компенсации за поддержку монархии в ее борьбе с удельными феодалами, а также благодаря финансовому спонсированию властвующей элиты по мере роста промышленности, внутренней и заморской торговли. Так, уже в 1302 году «третье сословие» имело свою особую палату во французском протопарламенте - Генеральных штатах. Затем в результате буржуазных революций буржуазия превратилась и в политически господствующий класс, идеологию которого выражала и защищала основная часть интеллигенции, исповедовавшая либерально-демократические ценности.

В России же буржуазия до созыва 1-й Государственной Думы (27 апреля 1906 года) вообще не обладала никаким политическим статусом и никакими особыми политическими правами. Однако такое политическое бесправие не вылилось в активную идеологическую и политическую оппозицию самодержавию и не привело к формированию слоя буржуазной национальной интеллигенции.

Этот феномен объясняется целым рядом объективных обстоятельств, отражающих самобытные социально-политические условия становления и развития отечественного буржуазного класса. Среди них прежде всего выделяется его особо жесткая зависимость от самодержавной власти, когда при господстве крепостничества и натурального хозяйства, чрезвычайной узости внутреннего массового потребительского рынка и ограниченности внешнего главным заказчиком и потребителем промышленной продукции и основным кредитором отечественного бизнеса оставалось все то же самодержавное государство.

Так, по оценке марксистского историка академика Нечкиной, «рост капитализма «снизу» в домонополистический период дополнялся в России его «насаждением сверху». Историческая необходимость преодоления глубокой отсталости страны породила необычное для Запада в домонополистическую эпоху непосредственное воздействие государства на экономику, многостороннее вмешательство, направленное на ускорение экономического развития. В первые пореформенные десятилетия это воздействие выражалось в привлечении государством огромных капиталов из-за границы для создания железнодорожной сети. Частное по форме железнодорожное строительство фактически осуществлялось при самом непосредственном участии государства.

Государство способствовало и возникновению крупных заводов - металлургических и транспортного машиностроения, которым предоставлялись необходимые средства, обеспечивался устойчивый спрос на их продукцию. Государственный банк участвовал в создании и укреплении кредитной системы... Так, после реформы 1861 года

реакционнейшее российское самодержавие в интересах своего самосохранения и укрепления вынуждено было приспособиться к новым условиям, ускорить развитие капитализма»¹².

К этому добавился такой немаловажный факт российской истории конца XIX - нач. XX века, как возникновение и бурный рост рабочего движения, изначально принявшего радикальный антибуржуазный, социалистический характер. И если в западных странах для борьбы с мятежными пролетариями буржуазия обладала «своим государством», то в России этого периода в роли такого защитника могла выступать опять-таки самодержавная власть.

Поэтому и либеральная российская буржуазная интеллигенция, представленная, в частности, авторитетными соавторами нашумевшего сборника «Вехи», обратила свой основной интеллектуальный и идейный пафос на доказательство неприемлемости социальной революции и, наоборот, желательности облагороженного Манифестом 17 октября 1905 года режима самодержавия¹³.

По данным современного историка Л.И. Семенниковой, например, программа политических преобразований партии Октябристов, представлявшей крупную торгово-промышленную и финансовую буржуазию, оказалась более умеренной, нежели сам царский Манифест 17 октября 1905 г. Согласно планам октябристов, государственное устройство России виделось как наследственная конституционная монархия. «Считая монархию надклассовой и надпартийной категорией, они наделяли монарха значительными правами: монарх должен принимать активное участие в осуществлении законодательной и исполнительной власти. Без санкции монарха не может быть введен ни один закон, не могут быть внесены какие-либо изменения и дополнения. Назначая или смещая министров, монарх управлял страной. В связи с таким пониманием роли монарха, они были категорически против парламента, как органа, ограничивающего права монарха»¹⁴.

Итак, мы видим, что основные классы и сословия предсоциалистической России, способные «производить» интеллигенцию, в политическом плане были или инкорпорированы в систему самодержавной государственной власти или же обладали минимальной политической дееспособностью по причине своей малочисленности и отсутствия достаточной поддержки в широких слоях населения.

Чрезвычайно низкая политическая продуктивность интеллигентно-государственников либерального толка, проявившаяся особенно отчетливо в ходе революционных событий 1917 года, была во многом обусловлена и ничтожно малой долей интеллигентского сословия в составе населения страны. По данным на 1913 год работники умственного труда, многих из

которых можно лишь с некоторой натяжкой причислять к интеллигенции, составляли в общей массе населения около 2,4 % (3,3 млн. человек)¹⁵.

Данный факт во многом объясняется многовековой аграрной специализацией России, политическим и культурно-образовательным бесправием подавляющей части россиян и сохранением жесткой монополии на культуру представителей дворянской элиты, которая начала постепенно разрушаться с развитием разночинской интеллигенции лишь во второй половине XIX века. Отстраненность народа от культуры признавали и представители «просвещенного класса». «Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове, - отмечала в связи с этим Е. Кузьмина-Караваева, - Россия не знала грамоту»¹⁶.

С другой стороны, воспитанная на либерально-демократических и революционно-социалистических традициях западной культуры, российская интеллигенция источала моральную и даже реальную политическую угрозу режиму самодержавия, который всегда с большой настороженностью относился к представителям этой группы, памятуя, в частности, о восстании декабристов.

Помимо фактора малочисленности, социально-политическая влияние либерально-реформистской интеллигенции оставалась весьма ограниченной из-за низкого социального авторитета. Во-первых, потому что отсутствовала массовая потребность в интеллектуальном обслуживании основных общественных потребностей. Во-вторых, потому что в российском общественном сознании сложилось искаженное представление о критериях подлинной интеллигентности.

Отнесение к интеллигенции зачастую проводилось по идеологическим и политическим основаниям, когда делались попытки разделить «образованный класс» и интеллигенцию. Последняя, по словам С. Булгакова, «была нервами и мозгом гигантского тела революции. В этом смысле революция есть духовное детище интеллигенции...»¹⁷.

Еще более откровенно об этом писал его единомышленник Струве: ■ «Русская интеллигенция, как особая культурная категория, есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До ресешши (восприятия - *Авт.*) социализма в России русской интеллигенции не существовало, были только «образованный класс» и разные в нем направления»¹⁸.

«Русскому человеку уже мало было иметь образование и участвовать в общественной жизни, чтобы удостоиться этого звания. Теперь он должен был стойко выступать против всего политического и экономического склада старого режима и быть готовым принять активное участие в борьбе за его свержение.

Иными словами, принадлежность к интеллигенции значила быть революционером... Мы воспользуемся дефиницией, лежащей где-то между двумя вышеозначенными определениями. *Мерилом здесь является приверженность общественному благу: интеллигент - это тот, кто не поглощен целиком и полностью своим собственным благополучием, а хотя бы в равной, но предпочтительно и в большей степени печется о процветании всего общества и готов в меру своих сил потрудиться на его благо* (курсив. - Авт.)¹⁹.

В приведенных высказываниях интеллигенция уже предстает не столько как социально-профессиональная и даже особая культурная общность, сколько как особое политическое и идеологическое сообщество, предназначенное низвергать существующую власть, а по сему в ее состав могут входить и образованные и не очень образованные люди. Наоборот, такие свойства, как культурная, духовная, этическая и творческая элитарность, гражданская ответственность, гуманность и эстетическая восприимчивость в глазах революционно-радикальной общественности в лучшем случае воспринимались как «ненужность», а в худшем - как гражданское разложение и оппортунизм.

И здесь мы согласимся с позицией, которую сформулировал отечественный исследователь А.А. Игнатъев, по которому в обществах, переживающих догоняющую, неорганическую модернизацию, интеллигенция (интеллектуалы) оказывается «встроенной» в чуждый для нее социальный контекст, когда «осуществление социальной роли интеллектуала оказывается сопряженным со множеством весьма нетривиальных проблем»²⁰.

И, наоборот, в обществах, где доминируют либерально-демократические ценности, утвердилась экономика свободного рынка, гарантирована частная жизнь в сочетании с демократическими формами, представители интеллигенции, как правило, ощущают моральную, политическую и материальную поддержку, могут наиболее продуктивно выполнять свою особую социальную роль. Дело в том, что в первом случае основная часть общества ориентирована на традиции как понятный и проверенный гарант социализации, а власть относится к интеллигенции двояким образом - нуждается лишь в ее служебно-подчиненных функциях (идеологическая апологетика режима, решение научно-производственных проблем укрепления державной мощи и т.д.) и опасается интеллигентского нонкомформизма, радикализма, а также критической компетентности по отношению к власти.

Таким образом, ценности знания и рациональности, исповедуемые интеллигенцией, вступают в противоречие с ценностями традиции и веры, исповедуемыми общественным сознанием.

Соответственно особому социальному положению интеллигенция традиционных обществ отличается от интеллигенции обществ модерна как по своей функционально-ролевой миссии, так и по содержанию культурной и политической самоидентификации. В первом случае превалирует критически-разрушительная доминанта; во втором - конструктивно-созидательная.

Поэтому российская и западная интеллигенция, возводя свою функционально-ролевую и мировоззренческую самобытность в ранг высшего критерия интеллигентности, стремится оставить монополию подлинности за собой. Отсюда, в частности, упомянутое псевдоразграничение западной и российской интеллигенции на интеллектуалов и собственно интеллигенцию.

Те же представители дворянской и буржуазной интеллигенции, которые не отличались склонностью к эволюционному, реформистскому преобразованию страны, нашли свою социальную базу в лице рабочего класса и крестьянства, а общественный идеал - либо в форме государства диктатуры пролетариата (РСДРП), либо в виде общинного крестьянского социализма (Герцен, народники, социалисты-революционеры). При всех этих различиях их объединяли, с одной стороны, непонимание неадекватности своих проектов реальному состоянию и способностям российского общества того периода воспринять и осуществить в чистом виде их социальные утопии (возможность построения социализма в одной отдельной и самой отсталой евроазиатской стране), а с другой - общая приверженность к революционным, форсированным методам общественных преобразований (революционарному) в соответствии с идеологическими или же реальными моделями социально-политического порядка западного происхождения.

Самобытность этой части российской интеллигенции в сфере ее идеологических и политических ориентации сформировалась и до последнего времени воспроизводится под мощным воздействием западной культуры, включая политическую. Данный феномен характерен практически для всех стран догоняющей, неорганической модернизации, когда их культурная элита, с одной стороны, становится главным субъектом культурно-информационного общения с Западом (большинство нации отстранено от этого общения хотя бы языковым барьером), а с другой, - усвоение рационально-инновационных и либеральных ценностей буржуазного общества резко усиливает неприятие политических, традиционных, патриархальных реалий социального порядка в своей собственной стране.

При этом очень часто в интеллигентском сознании объективный, естественно-исторический подход к оценке реального состояния и

инновационных возможностей общества уступает место волонтаристским идеологизированным, в потому утопическим, установкам.

Все эти типические свойства интеллигентского сословия стран догоняющего развития в наибольшей степени характерны для России. Во-первых, потому что попытки модернизации путем рецепции западного опыта предпринимались на протяжении трех столетий, начиная с петровских времен.

Иначе говоря, европейская цивилизация во многих отношениях длительное время (3 столетия) служит для российского общества референтным эталоном социального порядка, чего нельзя сказать, например, о Японии, Индии, Южной Корее и т.д., которые начали западную ориентацию лишь во 2-ой половине XX века. «Молодые дворяне с детства наблюдали резкий контраст между бедственным положением бесправных крепостных крестьян и праздною жизнью привилегированного дворянства. Они с ранних лет... слышали рассказы о свержении королевской власти во Франции... Они воспитывались на французской просветительской литературе. Бурные политические события конца ХУШ - нач. ХГХ веков заставляли передовую русскую молодежь задумываться над вопиющими контрастами современной им эпохи: в России царило неограниченное самовластие крепостников и произвол царских властей, а в революционной Франции были провозглашены «свобода, равенство, братство». Это будило критическое отношение к самодержавно-крепостническому строю и вызывало острый интерес к общественно-политическим вопросам»²¹.

Из данного обстоятельства следует, что российская интеллигентская культура в прямом и переносном смысле в значительной степени формировалась Западом. Действительно, весьма существенная часть политической и интеллектуальной элиты нашего общества, о чем хорошо известно, пополнялась выходцами из европейских стран. В России культурным и просвещенным человеком считался, прежде всего, тот, кто владел западноевропейскими языками, был знаком с западной художественной, научной и философской литературой.

Важно учесть и то, что Россия по большому счету никогда не находилась в колониальной или неоколониальной зависимости от европейских стран. Поэтому националистические антизападные настроения, характерные для национальной интеллигенции других государств догоняющей модернизации, у нас были выражены гораздо слабее, что, конечно же, способствовало упрочению веры в возможность и необходимость общественных преобразований или по западным идеологическим рецептам (марксизм), или по уже готовым образцам (либерализм). Причем такая вера была свойственна как представителям консервативно-охранительной части российской интеллигенции, представлявшей самодержавие, так и

радикально-революционной, не говоря об откровенных либералах-западниках. Даже Герцен и его идейные преемники - народники призывали к крестьянскому, но все же социализму.

Тем самым у значительной части интеллигенции формировалась ориентация не на эволюционное, а на революционное преобразование общества, предполагающее не влияние на власть легальными методами, а ее свержение путем «великих потрясений».

Подобный радикальный революционаризм и экстремизм имеет корни и в российской традиции правового нигилизма. Еще П.Я. Чаадаев писал в связи с этим: «Я думаю, что исполнение законов, какова бы ни была мудрость последних, никогда не приведет (в России. - Авт.) к осуществлению намерений законодателя, раз оно будет поручено людям, которые впитывают с молоком своих кормилиц всяческую неправду, и до тех пор, пока наша администрация будет пополняться лицами, с колыбели освоившимися со всеми родами несправедливости»²².

Он же указывает и на наиболее эффективные, по его мнению, методы социальных изменений в России. «То, что у других народов просто привычка, инстинкт (верность идеям долга, справедливости, права, порядка. - Авт.), то нам приходится вбивать в свои головы ударами молота (курсив. - Авт.)»²³.

И, наконец, апофеозом правового нигилизма российской революционной интеллигенции стала ленинская теория и практика государства диктатуры пролетариата. Правовой нигилизм как признак интеллигентности до сих пор выделяется некоторыми авторами, что говорит о невероятной устойчивости подобной традиции. «Если государство и его власть, - читаем мы у М.А. Мунтяна, - выступают в качестве особой политической силы, так или иначе лишаящей общество части его свобод, то интеллигенция своим существованием активизирует проблему прав и свобод человека, гражданина и уже одним этим вовлекается в противостояние с властью. С известной условностью различие между интеллектуалом, ангажированным в отправление власти, и интеллигентом можно свести к взаимоотношениям между формальными и неформальными лидерами. Первый из них свою деятельность основывает на соблюдении законов, постановлений, инструкций, установок и т.п., заставляя своих контрагентов признавать их даже с помощью принуждения, в то время как второй формирует свой авторитет из жизни и поступков «по совести» в соответствии с нравственными установками (курсив. - Авт.)»²⁴.

Акцентируя логику приведенного суждения, можно сказать, что соблюдение законов несовместимо с высоким званием интеллигента и что в правовом государстве для интеллигентов не остается места. Там могут присутствовать лишь интеллектуалы. Мы же склонны согласиться с авторитетным мнением другого отечественного интеллигента -

Б.А. Кистяковского, которое является, по сути, тривиальным для любого цивилизованного общества: «социальная дисциплина создается только правом (а не произвольными «нравственными установками». - Авт.); дисциплинированное общество и общество с развитым правовым порядком - тождественные понятия», а также с тем, что «главное и самое существенное содержание права составляет свобода»²⁵.

Он же указывает и на отсутствие такого понимания у российской интеллигенции: «Как не похоже в этом отношении наше развитие на развитие других цивилизованных народов! У англичан в соответствующую эпоху мы видим, с одной стороны, трактаты Гоббса «О гражданине» и о государстве - «Левиафане» и Фильмера о «Патриархате», а с другой - сочинения Мильтона в защиту свободы слова и печати, памфлеты Лильборна и правовые идеи уравнивателей - «левеллеров». Самая бурная эпоха в истории Англии породила и наиболее крайние противоположности в правовых идеях. Но эти идеи не уничтожили взаимно друг друга, и в свое время был создан сравнительно сносный компромисс, получивший свое литературное выражение в этюдах Локка «О правительстве»²⁶. «Русская интеллигенция, - констатирует он, - состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И это находится в связи с тем, что русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности: из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне»²⁷.

Как подтвердила последующая история русских революций нач. XX века, радикально-революционные отряды интеллигенции во многом представляли притязания социального варварства победить цивилизовано-культурную тенденцию социально-политической эволюции русского общества.

В связи с этим весьма примечательна трактовка варварства, данная современным отечественным исследователем И. Яковенко. «Понятие «варвар» - устойчивый образ, сконцентрировавший в себе специфический набор остро негативных черт, связанных с неадаптированностью в современном обществе, агрессивным отношением к государству, жестокостью, презрением к человеческой жизни, культурным ценностям... им владеет несбыточная, детская мечта - уничтожить государство, окончательно утвердить вольную волю и одновременно получить много, много «вещей»²⁸.

Известно, что все перечисленные качества в той или иной степени были присущи большинству российской революционной интеллигенции, а также классам и социальным слоям, которые она представляла. Достаточно напомнить анархические призывы М. Бакунина к «всенародному разнузданию», дикости, «нечаевщины», описанные Ф.М. Достоевским в «Бесах», террор народовольцев, идею большевиков о «сломе старой

государственной машины», их стремление «разрушить до основания старый мир» и представлявшую его культуру, экспроприировать экспроприаторов, осуществить переход к общественному самоуправлению через власть, «опирающуюся не на закон, а на насилие» и, наконец, обещание скорого построения коммунистического общества, где каждый сможет получать по потребностям много, много «вещей». Социальная опора этих прожектов в лице значительной части люмпенизированного крестьянского и пролетарского населения, которое было явно неадаптированным к жестоким формам российского индустриализма, маргинализировано, оказалась вполне адекватной радикально-утопическим прожектам, прежде всего в том смысле, что они уже не могли ничего потерять в грядущих потрясениях, кроме «своих цепей».

И если надежды на крестьянскую социалистическую революцию быстро растаяли после полного поражения всех народнических экспериментов, то идея перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую социалистическую в результате глубокого социально-экономического и политического кризиса, до предела обостренного тяжелыми военными поражениями (русско-японская война, первая империалистическая мировая война), получила значительную массовую поддержку и квазивоплощение в Октябрьской революции и последующем социалистическом строительстве.

Таким образом, будущая власть по своим идеологическим и социально-культурным основаниям должна была объективно стать антиинтеллигентской, реализующей реванш варварства в его борьбе с цивилизациями.

И хотя вожди революции по своему социальному происхождению в большинстве своем были выходцами из дворянской, буржуазной, разночинской и даже клерикальной интеллигенции, провозгласив рабочих и крестьян в качестве основного коллективного субъекта власти и политики «Вся власть - советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!», по сути, лишили подавляющую часть российской интеллигенции, которая продолжала творчески развивать и обогащать собственную национальную политическую идеологию и традицию, какого-либо политического статуса и общественного престижа, объявив ее «гнилой» прислужницей эксплуататорских классов.

При этом оговоримся, что речь идет не обо всей интеллигенции. Та интеллигенция, которую либералы справедливо считали «отщепенской», «кружковой» и «подпольной», непосредственно инспирировавшей разрушительную революцию («ленинская гвардия»)²⁹, чрезвычайно быстро монополизировала всю полноту диктаторской государственной и идеологической власти от имени пролетариата и беднейшего крестьянства, оставаясь, по признанию самого же Ленина, «чрезвычайно тонким слоем» в революционной большевистской массе.

Этим шагом большевизм радикально изменил социальный статус, общественный престиж и характер отношений интеллигенции и власти, заложив нарастающую тенденцию превращения «образованного класса» из субъекта в послушный объект воли тоталитарного режима. «Исход» либеральной интеллигенции из активной общественной жизни, жесткая идеологическая регламентация научного и художественного творчества неизбежно вели к варваризации, гуманитарной и культурной деградации власти, а вместе с ней и всего общества в целом. Даже представители правоверной большевистской интеллигенции, поначалу присутствующие во власти, составляли в ее структурах явное меньшинство. 26 марта 1922 г. Ленин писал: «Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией (курсив. - Авт.). Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то, во всяком случае, ослаблен настолько, что решение будет зависеть не от него»³⁰.

Это ленинское опасение оказалось пророческим. В ходе разгрома «ленинской гвардии» к 1937 г. в образовавшийся вакуум власти ворвалась волна карьеристов-выдвиженцев. «Для того чтобы получить шансы на успех, требовалось в сущности немного: быть не дворянского и не буржуазного происхождения и вступить в уже побудившую и прочно усевшуюся у власти правящую партию», - констатирует М. Восленский³¹. Иначе говоря, предпочтение отдавалось тем социальным слоям и классам, которые, по признанию самого же Ленина, были не в состоянии вырабатывать какую-либо самостоятельную идеологию, а следовательно, и не могли самостоятельно производить интеллигенцию.

Так, в журнале ЦК КПСС «Коммунист» сообщалось о люмпенизации власти, которая выразилась в том, что 80% секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов КПСС, а также около 70% министров и председателей госкомитетов СССР - выходцы из рабочих и крестьян³².

Наибольший удар был нанесен по представителям альтернативного марксизму-ленинизму социального, гуманитарного и политологического знания, а также по художественной интеллигенции, выходившей за рамки метода «социалистического реализма». Формальным поводом для открытых репрессий и завуалированного вытеснения нонкомформистской интеллигенции послужило ее обвинение в идеализме, противоречившем марксистским аксиомам и главной из них - материалистическому пониманию истории и доминированию социологизаторского подхода к объяснению общественных изменений. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание», - утверждал К. Маркс³³.

Для большинства же российской интеллигенции начала XX века материализм и вулгарный рационализм были неприемлемыми. Определяя ее господствующее умонастроение, С.Л. Франк выделял такую доминанту, как «морализм», т.е. самодержавную власть нравственного чувства над сознанием³⁴. К этому можно добавить и такие ценностные максимы, как «всечеловечность», «всеединство» (Достоевский, Соловьев).

Однако данное и многие другие идеологические расхождения имели для большевиков совершенно конкретный политический смысл: альтернативные идеологии и мировоззренческие позиции подрывали желанную монополию на формирование массового сознания, разоблачили утопизм и авантюризм их политической стратегии и тактики, практическую профанацию радикально-демократических лозунгов и несбыточность обещаний (например: «Фабрики - рабочим; Земля - крестьянам; Мир - народам!»). Важность отстранения идеологических оппонентов очевидна из многих заявлений вождя революции: «...Социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть привнесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тредюнионистское (т.е. эволюционно-реформистское. - Авт.)»³⁵.

Еще в 1899 году в статье «Что делать?» он же писал: «... Ее задача (партии. - Авт.) - внести в стихийное рабочее движение определенные социалистические идеалы... одним словом, слить это стихийное движение в одно неразрывное целое с деятельностью *революционной партии*»³⁶. Говоря иначе, победа революции и успешное строительство социализма возможны при полном господстве в массовом, прежде всего пролетарском сознании единой марксистско-ленинской идеологии.

Однако у пролетариата и других народных слоев сохраняется социально-культурная память, не уничтожив которую, нельзя «разрушить мир до основания». Чтобы попытаться сделать это, необходимо «разрушить до основания» и интеллигенцию, которая по верному замечанию П.Н. Милюкова, как раз и является «мыслящим и чувствующим аппаратом нации», обеспечивающим постоянство социальной памяти и ее содержания³⁷.

Неудивительно, что сразу после Октябрьской революции многие выдающиеся деятели науки и литературы смогли предвосхитить ее последствия для общества. В резолюции общего собрания Российской Академии наук, состоявшегося в ноябре 1917 г., социалистическая революция оценивалась как «разрушительная буря», захватившая «темные, невежественные массы»³⁸.

Поэтому в контексте коммунистической идеологии *интеллигент* - это антипод идеального героя - человека труда, тип «гнилого», неустойчивого по своим идейным качествам человека, лишённого в результате

определенного социального происхождения четкого классового самосознания. Это антиидеал, достойный изживания и в своей совокупности не способный даже составить самостоятельный слой общества, но лишь его («прослойку»³⁹).

Поэтому уже в молодом Советском государстве та часть интеллигенции, которая унаследовала лучшие духовные и социально-демократические традиции, была насильно противопоставлена новому правительству. «Привычными стали интеллектуальные погромы под лозунгам «необразованные свергают образованных». Кадры интеллигенции жестко уничтожались, «гражданская война» с культурой не только наносила огромный вред духовному здоровью общества, но и порочила, дискредитировала гуманистические идеалы. Следствием ее стали перерождение общества, духовный регресс», - так характеризует атмосферу варваризации отечественной культуры И.А. Арнольдов⁴⁰.

Одной из первых масштабных кампаний борьбы с интеллигенцией стала принудительная высылка из страны осенью 1922 года величайших русских мыслителей, среди которых оказались Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Сорокин и др. Из числа почетных членов Академии наук исключили выдающегося русского писателя, лауреата Нобелевской премии И. Бунина. Через год после смерти В.И. Ленина из партии были исключены сто тысяч профессоров, доцентов и высококвалифицированных специалистов, в основном лояльных к новой власти.

В силу традиционной подозрительности «почвы» к интеллигенции, многовековой зависти к привилегированному статусу ее аристократических представителей советское правительство получило поддержку в борьбе со «старой» интеллигенцией в лице большинства рабочих и крестьян.

Все это усилило возможность вмешательства партийных лидеров в интеллектуальную сферу и вытеснения большей части интеллигенции из какого-либо ощутимого участия в общественно-политической жизни.

Однако социалистическое строительство все же предполагало решение целого комплекса задач, требующих специализированных усилий, характерных для интеллигенции.

Задачи индустриализации и создания мощного военно-промышленного комплекса предполагали форсированную и массовую подготовку научно-технической интеллигенции и профессиональных управленцев. «Теперь «хозяйном» является рабоче-крестьянское государство, и оно должно поставить широко, планомерно, систематично и открыто дело подбора наилучших работников по хозяйственному строительству, администраторов и организаторов специального и общего, местного и общегосударственного масштаба»⁴¹.

Надо признать, что на этом поприще Советское государство действительно преуспело. В ходе «культурной революции» была

ликвидирована неграмотность (напомним: в начале XX века около 80 процентов населения Российской империи было полностью безграмотным), создана государственная система бесплатного образования всех уровней. Выпуск специалистов вузами только РСФСР за период с 1940 по 1986 гг. увеличился с 74 тыс. до 469 тыс. в год, а в расчете на 10 тыс. населения - соответственно с 7 до 32 человек. При этом основной акцент делался на подготовке технических специалистов, численность которых с 1940 по 1986 гг. увеличилась с 62 тыс. до 1029,3 тыс. человек⁴².

Новому поколению интеллигенции отводилась роль идеологического апологета власти, стойкого и преданного бойца внутреннего и международного идеологического фронта, а также научно-технического обеспечения форсированной индустриализации и победы в военно-техническом состязании с капиталистическим окружением.

Например, историческая наука стала использоваться режимом в качестве важного инструмента политики, источника тенденциозного подбора исторических фактов для борьбы с идейными противниками большевизма. Советская историография могла включать лишь те концепции, которые признаны и одобрены руководством Коммунистической партии. Это вполне соответствовало ленинским заветам. Коммунистическая партия, - указывал он, - с самого начала создавалась как «...свободный союз, учреждаемый для борьбы с «мыслями» буржуазии, для защиты и проведения в жизнь одного определенного, именно: марксистского миросозерцания»⁴³.

Жесткий политико-идеологический и административный «прессинг» применялся не только в отношении гуманитарной интеллигенции. Его объектом постоянно оставались все без исключения направления творческой интеллектуальной деятельности, даже те, которые не имели сколько-нибудь существенного отношения к политике и идеологии.

Естествознание и его выводы государственным руководством интерпретировались с классово-идеологических позиций. Еще в 1926 г. во влиятельном советском журнале «Под знаменем марксизма» отмечалось, что «современное (читай - западное) естествознание также классово, как и философия, и искусство... Оно буржуазно в своих теоретических основаниях». В редакционной статье журнала «Естествознание и марксизм» в 1930 г. утверждалось: «философия, естественные и математические (!) науки так же партийны, как и науки экономические и исторические»⁴⁴. Кроме подавления многих новаторских и продуктивных направлений исследований и целых научных отраслей, противоречащих «генеральной линии» (например, генетики, социологии, кибернетики), такой диктат приводил и к жесткой изоляции отечественной интеллигенции с мировым научным сообществом, что прежде всего касалось представителей экономических, социальных и исторических наук.

Для этого была разработана и добросовестно осуществлена изощренная система мер, превращавших интеллигенцию в послушного и даже заинтересованного объекта политики партии. Эта система включала регулярные проверки и чистки работников учебных заведений и институтов, интенсивную идеологическую обработку, начиная от слушателей рабфаков и заканчивая преподавательским и студенческим составом институтов красной профессуры. «Эти новые назначенцы, - пишет исследователь истории советской науки Л.Р. Грэхэм, - были людьми с гораздо меньшей профессиональной подготовкой, но получали предпочтение благодаря своему энтузиазму в деле социалистической перестройки»⁴⁵. Но даже они находились под постоянным и жестким контролем.

При Сталине чистки в их рядах стали носить более произвольный и жесткий характер. В 1930-1953 годы по обвинению в контрреволюционных, государственных преступлениях судебными и всякого рода несудебными органами вынесены приговоры и постановления в отношении 3 778 234 человек, из них 786 098 человек расстреляно. В их числе государственные и партийные руководители, крупные ученые, военачальники, деятели литературы и искусства⁴⁶.

При рекрутировании новой социалистической интеллигенции во главу угла ставились не способность к свободному творчеству, не уровень образованности и не высокие духовно-нравственные и гражданские качества людей, а безоговорочная политическая и идеологическая преданность Коммунистической партии и организаторские способности.

Такое отношение к интеллигенции сохранялось на всем протяжении существования Советского государства. В резолюции XXIV съезда КПСС подчеркивалось: «Партия придает первостепенное значение тому, чтобы все участники партийной, государственной, хозяйственной, культурно-воспитательной и общественной работы возглавляли *политически зрелые* (курсив. - Авт.), знающие дело, способные организаторы»⁴⁷. По словам одного из выдвинутых 20-х гг. И.В. Парамонова, «мы, советские хозяйственники, в подавляющем большинстве в то время еще не доросли до теоретического понимания своих задач. Действовали больше по здравому пролетарскому смыслу»⁴⁸.

Борьба режима против инакомыслия и свободы творчества не ослабла и после Великой Отечественной войны, что особо ярко выразилось в известном постановлении ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г. Партийная пропаганда сосредоточила критику «гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности» на тех произведениях, где якобы культивировался не свойственный советским людям дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада.

Основным идеологом и проводником кампании за «перевоспитание» интеллигенции, деятелей науки и культуры стал А.А. Жданов. Партийным аппаратом в условиях строгой секретности была осуществлена мобилизация всех партийных организаций и административно-государственной номенклатуры, Советской Армии и молодежных организаций на осуществление тотального контроля за работой ученых и деятельностью интеллигенции. Назначение должностных лиц, имеющих влияние на науку и образование, утверждение учебников для использования в системе школьного образования и даже присвоение ученых степеней и званий оказалось под тотальным политическим контролем партийно-государственной номенклатуры.

В результате кампании борьбы с космополитизмом в сочетании со спекуляцией на патриотических чувствах народа был усилен отход от разумного международного сотрудничества, обострилось противостояние с остальным миром в духе «холодной войны»⁴⁹.

Говоря о двойственном отношении новой власти к интеллигенции, справедливости ради следует отметить такую же неоднозначность отношения «образованного класса» к социалистическому истеблишменту и марксистской идеологии.

Прежде всего, многие абсолюты, выработанные марксистским теоретическим сознанием, выделили и превратили в абстракцию некоторые действительно значимые основания человеческого бытия и общечеловеческие ценности с позиций критики реального антигуманизма капиталистического общества⁵⁰.

Вспомним, к примеру, сугубо либеральный лозунг марксизма, по которому «Свобода каждого есть условие свободы всех», вполне гуманистическую трактовку проблемы отчуждения, пафос преодоления эксплуатации человека человеком и достижения социальной справедливости.

Новое социалистическое поколение интеллигенции формировалось в культурно-информационной среде однозначной апологетики коммунистических идеалов и односторонней агрессивной дискредитации как любого альтернативного мировосприятия, так и социальной практики либерально-демократических государств (информационно-идеологическая стратегия «железного занавеса»). Тем более что эта практика была зачастую далеко не безупречна в отношении России (СССР) - начиная с иностранной интервенции (послереволюционный период), когда основные антибольшевистские организации внутри страны связывали свои надежды на реставрацию старого режима с помощью внешних сил и тем самым представлялись коллаборационистами-предателями, и заканчивая объявлением Р. Рейганом «крестового похода» Запада против «империи зла» в начале 80-х годов.

Лояльность к режиму нового интеллигентского сословия обеспечивалась и молниеносным, по историческим меркам, разрывом культурной преемственности, когда ведущая политическая традиция «старой» интеллигенции - критика власти с позиций интересов народа - исчезла из «широкого употребления» вместе с этой «старой» интеллигенцией. По оценке В.И. Толстых, «за бортом революции и отечества оказался исчисляемый почти миллионом душ цвет русской интеллигенции»⁵¹.

Боле того, социалистический строй при всех его известных пороках действительно обеспечивал социально-статусную перспективу талантливым «выходцам из народа» через систему бесплатного, доступного «небуржуазным слоям» образования всех уровней. Напомним известный факт: самая высокая официально санкционированная заработная плата была не у Генерального секретаря ЦК КПСС, а у президента Академии наук СССР.

И, наконец, самое главное. Тоталитарное государство, будучи озабоченным научно-технологическим и военно-технологическим соперничеством с Западом, создало в кратчайшие сроки одну из *лучших* в мире материально-техническую базу для проведения не только исследований прикладного назначения, но и для осуществления фундаментальных, нерентабельных, с точки зрения сиюминутной экономической выгоды, разработок. В какой-то мере данную ситуацию отражает бытовавший до последнего времени афоризм: «научная деятельность есть удовлетворение собственного любопытства за государственный счет».

Действительно, все отечественные нобелевские лауреаты в области точных и естественных наук, включая лауреата 2000 года академика Жореса Алферова, были отмечены самой престижной для ученых премией за открытия, сделанные еще при социализме.

Таким образом, советский партийно-государственный режим весьма успешно использовал ресурс «идентификации объекта и субъекта власти», выраженный в лозунге «Планы партии - планы народа!» Многие интеллектуалы (в том числе и академик А.Д. Сахаров на определенном этапе своей научной деятельности), обслуживая режим, искренне считали себя слугами советского народа.

Репрессивные «перегибы» режима оправдывались или многими чрезвычайными внутренними и внешними обстоятельствами, или произволом и некомпетентностью исполнителей властной воли. «Большинство людей верили Сталину, они считали немислимым, что он имеет отношение к массовому террору... Мейерхольд, известный театральный режиссер, еще до своего ареста рассказывал, что во время массовых расправ встретился с Б. Пастернаком. Поэт начал разговор, как и многие тогда, со вздохов: «Если бы кто рассказал об этом Сталину...»⁵².

Итак, специфика социально-политических функций российской интеллигенции, ее политической судьбы определялась прежде всего особенностями инновационных императивов российского общества второй половины XIX и XX веков, а также особым распределением властных ресурсов. В отличие от Запада, на протяжении всего этого периода в качестве приоритетов социальных изменений выступали политические трансформации, объективно требующие не столько либерализации и «сокращения» государства, сколько его усиления, т.к. при отсутствии развитого и политически дееспособного гражданского общества, основным субъектом жизненно необходимых и критически неотложных преобразований могло выступать прежде всего государство. Поэтому западнически, либерально ориентированная интеллигенция оказалась в конечном итоге социально не востребовавшей и, следовательно, предельно политизированной и антигосударственной. И, наоборот, та интеллигенция, инновационная активность которой направлялась на усиление государства, на форсированную индустриально-державную модернизацию российского общества, в конечном итоге оказалась востребованной и обществом, и властью. В свою очередь, усиление государства вплоть до тоталитарного социального контроля неизбежно привело к тому, что основные властные ресурсы (утилитарные, административно-силовые, культурно-информационные) сконцентрировались в руках правящей партийно-государственной номенклатуры - «выдвиженцев», что и обусловило сервильный, объектный, страдательный социально-политический статус большей части социалистической интеллигенции, которая, по сути дела, оказалась довольно органично инкорпорированной в советский истеблишмент.

Примечания:

- ¹ Белов Г.А. Политология. М.: Наука, 1994. С. 39.
- ² Люкс Л. Россия между Западом и Востоком. М.: Московский философский фонд, 1993. С. 5.
- ³ Рассел Б. История западной философии. Т. II. М.: «МИФ», 1993. С. 7.
- ⁴ Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. С. 20.
- ⁵ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 45-46.
- ⁶ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. С. 333.
- ⁷ Цит. по: Мангейм К. Консервативная мысль // Социологические исследования. 1993. № 11.
- ⁸ С.114. * Сочинения и письма П.Я. Чаадаева / Под ред. М.О. Гершензона. Т.2. М., 1914. С. 200-201.
- ⁹ Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Русская книга. 1992. С. 35.
- ¹⁰ Исаев И.А. История государства и права России. М.: Издательство БЕК, 1993. С. 126.
- ¹¹ Исаев И.А. Указ. соч. С. 187.
- ¹² История СССР. Т. VI. Россия в период империализма 1900-1917гг. М.: Наука, 1968. С. 19.
- ¹³ См. Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. М.: Мол. гвардия. 1991. С. 8-10.
- ¹⁴ Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М.: Интерпракс. 1994. С. 302-303.

- ⁵ Троицкий Е.С. Русский народ в поисках правды и организованности. М., 1996. С. 324.
- ⁶ Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. I. М., 1980. С. 62-63.
- ⁷ Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. М.: Мол. гвардия, 1991. С. 45.
- ⁸ Там же. С. 151.
- ⁹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. С. 328-330.
- ²⁰ Игнатъев А.А. Ценности науки и традиционное общество// Вопросы философии. 1991. № 4. С. 4.
- ²¹ Всемирная история. Т. VI. М.: Изд-во социально-экономической литературы. 1959. С. 164.
- ²² Чаадаев П.Я. Избранные произведения и письма. М., 1991. С. 228.
- ²³ Там же. С. 28.
- ²⁴ Мунтян М.А. Интеллектуал, интеллигент и отношения с властью// Кентавр. Ноябрь-декабрь 1992. С. 6.
- ²³ Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание)// Вест. Моск. ун-та. Сер. I. Философия. 1990. № 3. С. 49.
- ²⁶ Там же. С. 50.
- ²⁷ Там же. С. 49.
- ²⁸ Яковенко И. Цивилизация и варварство в России// Общественные науки и современность. 1995. №4. С. 66, 71.
- ²⁹ Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. М.: Мол. гвардия. 1991. С. П.
- ³⁰ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 20.
- ³¹ Вселенский М.С. Номенклатура. М., 1991. С. 83.
- ³² «Коммунист», 1971. № 5. С. 78.
- ³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 51.
- ³⁴ См. Козлова О.Н. Интеллигенция в российском обществе// Социально-политический журнал. 1995. № 1. С. 164.
- ³⁵ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 30.
- ³⁶ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 4. С. 189.
- ³⁷ Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция// Вехи: Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. М: Мол. гвардия, 1991. С. 395.
- ³⁸ Троицкий Е.С. Русский народ в поисках правды и организованности. М., 1996. С. 325.
- ³⁹ Аюбян КЗ. Русская интеллигенция: фантом или реальность?// Русская культура и мир: Тезисы докладов участников международной научной конференции. Нижний Новгород: НГПИИЯ им. НА. Добролюбова, 1993. С. 48-49.
- ⁴⁰ Указ. соч., С. 158.
- ⁴¹ Ленин В.И. Поли. соф. соч. Т. 43. С. 280.
- ⁴² РСФСР в цифрах в 1986 г. Краткий статистический сборник, М., 1987. С. 23.
- ⁴³ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 19. С. 314.
- ⁴⁴ См. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. С. 18.
- ⁴³ Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. С. 17.

- ⁴⁶ Известия. 1990. 13 февраля.
- ⁴⁷ «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет». М., 1971. Т. II. С. 239.48 Цит по: Семешникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М.: ИНТЕРПРАКС. 1994. С. 365-
- ⁴⁹ Подробнее об этом см. ДЕЛО «КР». Из истории гонений на советскую интеллигенцию// Кентавр. 1994. № 2. С. 54-70.
- ⁵⁰ См. Разин А.В. Моральные абсолюты в историческом мышлении// Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1997. № 12. С. 93.
- ⁵¹ Интеллигенция и народ// Философские науки. 1990. № 7. С. 48-49.
- ⁵² Белая Л., Краус Т. Сталин. М.: Политиздат, 1990. С. 212.

ФАКТОРЫ ВОЗРАСТАНИЯ СОЦИАЛЬНО - ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Описать и проанализировать тенденции эволюции социально-политической роли и статуса интеллигенции в современном мире возможно лишь в широком контексте изменений в системе проблем и противоречий социального развития, решение которых непосредственно связано со специфическими функциями этого общественного слоя, а также изменений в общественном сознании относительно его.

Другим необходимым направлением анализа выступает раскрытие диалектики трансформации социальных источников основных субъектов властеотношений (политических элит), императивов их деятельности, а также властных ресурсов, адекватных достижению политических целей. В частности, особый интерес в рамках нашей тематики представляет проблема соотношения объективной роли и значения интеллигенции в современных социальных процессах и ее властно-политической субъектностью.

Иными словами, нас интересует вопрос: обладает ли интеллектуальный общественный авангард политическим влиянием, адекватным его общественной роли и достаточным для приведения реальной политики современных государств в соответствии с вызовами инновационного хаоса постиндустриальной эпохи.

И здесь необходимо сделать оговорку. Приступая к осмыслению этой проблематики, мы исходим из того, что при всем своеобразии социальной эволюции в различных странах и регионах планеты переход к постиндустриальному, информационному обществу является общемировой тенденцией, т.е. тенденцией, которая включает в себя инвариантные, однотипные качественные трансформации во всей системе общественных отношений. Мы также полагаем, что с учетом феноменов глобализации исторического развития, усиления взаимозависимости государств и культур современного мира главное содержание социально-инновационных процессов в государствах-лидерах постиндустриальной модернизации будет необходимо воспроизводиться в периферийных зонах, правда, с существенными модификациями, обусловленными их национальной спецификой. По обобщающей оценке известного польского социолога П. Штомпки, «общества становятся взаимозависимыми во всех аспектах - политическом, экономическом, культурном, и масштаб этих взаимозависимостей становится действительно глобальным»¹.

Поэтому представляется наиболее продуктивным при анализе тенденций изменения социально-политической роли и статуса интеллигенции избрать в качестве основного объекта исследования процессы, протекающие в этой области в так называемых странах Первого мира, где они получают

наибольшее развитие и отчетливость. Несмотря на весьма модное нынче критическое отношение к Марксу, развитие событий в современном мире скорее подтверждает, нежели опровергает его известный вывод о том, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»².

Более того, такой подход позволяет определить известную идеальную модель, с позиций которой возможно продуктивно установить как национальную специфику того или иного модернизирующегося общества в аспекте нашей тематики, так и раскрыть природу этой специфики. В итоге формируется определенная теоретическая база, с точки зрения которой проводится объективная и конструктивная критика социально-политических процессов и действий политических элит в контексте конкретно-исторической современности той или иной страны, включая нынешнюю Россию.

При переходе от индустриальной к постиндустриальной, информационной стадии социального развития формируется обширный комплекс факторов, увеличивающих функциональную востребованность интеллигенции как основного субъекта позитивного разрешения противоречий, возникающих во всех сферах общественной жизни. Одной из фундаментальных причин данной тенденции выступает нарастание инновационной проблематизации социальной эволюции, под которой мы понимаем ускоряющийся процесс возникновения и мультипликации противоречий.

Во второй половине XX века все более очевидным становится парадокс попыток рационализации социальной эволюции: разум, призванный обеспечивать материальный и социально-культурный прогресс, способствовать позитивному (гуманистически-целесообразному) разрешению противоречий, встающих на пути человечества, наоборот, сформировал обширный комплекс принципиально новых (и по сути, и по уровню катастрофичности) противоречий глобального масштаба.

Помимо всего прочего, новизна проблематизации социальной эволюции на рубеже XXI века выражается в том, что указанные противоречия обрели общесистемный характер, т.е. затронули все без исключения сферы общественных отношений.

Этот инновационный бунт нарастает в результате активизации действия двух фундаментальных тенденций, радикально отличающих традиционную стадию исторического процесса от современной (той, которую принято называть индустриальной и постиндустриальной, а также прогрессивной). Первой из них (отнюдь не по значению или же по хронологической очередности) можно считать лавинообразное увеличение интеллектуальных и технологических средств волюнтаристского вмешательства человека в ход природной эволюции в целях наращивания

продуктивности материального производства (превращение науки в непосредственную производительную силу). Причем это вмешательство имеет автокаталитическую природу, порождает «революцию потребностей», «спровоцированную» как объективно (чем больше средств, тем амбициознее цели), так и целенаправленно субъектами экономической и культурно-эстетической конкуренции за потребителя национального, регионального и глобального масштабов.

Нарастание проблематичности развития человечество ощутило прежде всего как техногенный кризис - нарушение глобальных балансов (топливно-энергетического, материально-сырьевого, экологического и т.д.). Сюда же можно отнести и противоречие, порожденное новым качеством вооружений, которые впервые за всю историю стали достаточными для глобального самоуничтожения, когда человечество реально утеряло перспективу бессмертия³.

Техногенные проблемы оказывают паталогизирующее влияние и на образ жизни людей, на что обратили внимание многие выдающиеся ученые и мыслители XX века.

В частности, А. Швейцер. «В течение двух или трех поколений, - писал он, - довольно многие индивиды живут только как рабочая сила, а не как люди... Ставшая обычной сверхзанятость современного человека во всех слоях общества ведет к отмиранию в нем духовного начала... В результате для него оказывается безвозвратно утерянным нечто необходимое для развития... Тем самым у человека начинается противоестественная жизнь (курсив. - Авт.)»⁴.

Еще большую озабоченность высказал американский философ Дж. Лоолер, по которому экономические, политические и интеллектуальные тенденции второй половины XX века сделали возможным всемирный Холокост⁵.

Помимо наращивания потенциала вмешательства в ход естественной эволюции в двадцатом столетии набрала невиданные масштабы и тенденция возрастания потенциала волеобразного вмешательства в ход социальной эволюции на основе инновационных прорывов в области средств массовой коммуникации и технологий волеобразного манипулирования сознанием и поведением социальных объектов практически любого масштаба. Наиболее яркими проявлениями данной тенденции стали феномены «неорганической», форсированной, «догоняющей» модернизации мировой периферии и тоталитарные социальные системы советского и нацистского типов.

Как инновации техногенного происхождения, эти феномены в конечном итоге оказались одинаково парадоксальными: благие пожелания идеологов тоталитаризма создать гуманистический рациональный социальный порядок, преодолев стихию развития, нарушили баланс социальной

свободы и порядка в пользу последнего, что привело к крайней дегуманизации и стагнации социальной системы.

Точно так же благие пожелания технократов усилить господство человека над природой, обеспечить изобилие привели к экологическому кризису, угрожающему самому существованию природы и человека.

Заметим: все эти тенденции инновационной проблематизации исторического процесса имели под собой рационалистические и духовно-идеологические основания. Следовательно, их главным субъектом выступала интеллигенция в соучастии с политическими элитами и промышленно-финансовыми олигархическими группировками.

Вместе с тем, что самоочевидно, преодоление опасного инновационного хаоса или, по крайней мере, его существенное усмирение требует, прежде всего, рационально-интеллектуальных и духовно-культурных инновационных усилий человечества.

Таким образом, интеллигенция (интеллектуалы) на рубеже двадцатого и двадцать первого столетий исполняет двойственную, весьма противоречивую социальную роль - роль субъекта проблематизации общественного бытия и роль главного субъекта преодоления этой проблематизации.

По нашему мнению, тенденция изменения соотношения между двумя данными ролями-функциями в пользу той или другой будет решающим образом определяться, с одной стороны, характером смыслов, направляющих интеллектуальную и духовно-идеологическую инновационную активность интеллигенции, а с другой - характером взаимоотношений между «просвещенным классом» и наиболее влиятельными субъектами политической власти, социального контроля и управления.

Что касается осмысления инновационно-интеллектуальной активности самой интеллигенции и общества в целом, то во второй половине XX века произошли качественные изменения. Главным достижением в этом плане можно считать осознание неприемлемости продолжения экспансии прогресса в его антигуманных, вселенско-катастрофических формах, а также приоритетности поиска и быстреего внедрения новаций, делающих этот прогресс, по меньшей мере, безопасным для человечества и природы.

Однако подходы к определению путей гуманизации инновационного хаоса и даже допущению ее возможности далеко неоднозначны.

По ходу осмысления противоречивости экспансии рационализированной инноватики в научном мире и в общественном сознании человечества сложились и до сих пор соперничают между собой три довольно устойчивые позиции по отношению к перспективам разрешения проблемы социального прогресса на пороге XXI века. Соответственно, данные

позиции предполагают различную интерпретацию роли интеллигенции (интеллектуалов) в современном мире.

Первую из них можно назвать фатально-апокалиптической. Ее адепты исходят из того, что «молох прогресса», утоляющий неумные притязания людей, необратимо приведет к вселенской катастрофе. Такая позиция опирается на допущение, по которому в тотальном плане научно-технический прогресс, как и социальная эволюция в целом, обладает своей спонтанной логикой, действующей вопреки воле и разуму людей. Французский социолог Б. Де Жувенель отмечал в связи с этим: «Жизнь в западном обществе проходит под знаком нового фатализма - убеждения в том, что наше будущее предопределено независимым от нас действием сверхчеловеческой силы, а именно - технологии»⁶.

Данная пессимистическая традиция имеет давнюю историю, представленную в частности таким жанром, как антиутопия. Так называется в художественной литературе и общественной мысли течение, обосновывающее мрачные перспективы будущего человечества. «Антиутопия, - в понимании современного отечественного философа П. Гуревича, - решительно отвергает любые попытки искусственно сконструировать справедливый общественный строй... В XX веке антиутопия возрождается (Е. Замятин «Мы»; О. Хаксли «Этот прекрасный новый мир», «Обезьяна и сущность»; Дж. Оруэлл «Ферма животных», «1984»; А. Кестлер «Мрак в полдень»; Л. Мамфорд «Миф о машине» и т.д.). Во всех этих произведениях будущее трактуется как время тотального насилия над природой и личностью человека»⁷. Для таких мрачных прогнозов, к сожалению, есть вполне реальные основания. Так, известный российский футуролог И.В. Бестужев-Лада, выдвигая рациональные альтернативы решения многих глобальных проблем, технически и технологически вполне осуществимые, вместе с тем фиксирует отсутствие мировоззренческой и политической готовности человечества реализовать предлагаемые учеными меры. «Человечество сегодня психологически не готово отказаться от много привычного и престижного в своей жизни. И пока не будет готово - любая альтернатива повисает в воздухе... Как только речь заходит о мировом правительстве (оно, по мнению Бестужева-Лады, выступает необходимой политической предпосылкой решения глобальных проблем), поднимается волна возмущения: мало того, что американцы добились мирового господства и по сути верховодят в современном мире, решая, кого осыпать золотым дождем, а кого - бомбами, так еще предлагается как бы юридический диктат; мало того, что подавляющее большинство даже самих американцев очень критически относятся к любой бюрократии вообще и к своему собственному правительству в частности, так теперь фактически предлагается сделать скандальное и

своекорыстное американское правительство мировым!» - так характеризует он господствующее в общественном сознании умонастроение⁸.

В подобных констатациях прямо или косвенно указывается на две важнейшие причины проблематизации социальной эволюции - расхождение интересов реальных субъектов социального управления, направляемых корпоративной экономической и политической конъюнктурой, и тотальных интересов человечества в выживании и развитии, а также неадекватность мирового общественного мнения, его озабоченность остроте проблем, порожденных спонтанностью научно-технического прогресса.

Другая позиция, получившая широкое признание в мире, связывает перспективы преодоления опасного инновационного хаоса с надеждой на синергетическую, самоорганизационную мудрость социальных систем, которые посредством механизма «вызов - ответ» эволюционным образом, постепенно выработают приемлемые адаптационные новации помимо и даже вопреки целерациональному стратегическому социальному прогнозированию и планированию.

Такой подход сформулирован, в частности, выдающимися мыслителями XX века К.Р. Поппером и Ф.А. Хайеком. Они обосновывают необходимость отказа человечества от попыток радикального конструктивистского вмешательства в ход естественной и социальной эволюции и строят свою доказательную базу на критике исторического опыта тоталитаризма, который действительно изобилует примерами, показывающими, что экспансия рациональности и инноватики зачастую усиливает, а не снижает проблематизацию социального развития. Причем такой негативный тип взаимоотношений рациональности и социальной практики, как правило, экстраполируется в будущее.

Основной логический тезис, лежащий в основе данного подхода, сформулирован Ф.А. фон Хайеком, по которому, человеческое сознание, не будучи сотворенным порядками более высокого уровня - здесь, очевидно, делается намек на тотальный абсолютный космический разум, - «оказывается в состоянии формировать порядки менее сложные... В связи с этим приходится признать, что мы хоть и способны объяснять или проектировать какие-либо порядки, стоящие в иерархии сложности ниже нашего сознания, но в весьма ограниченной степени, и что мы не способны объяснять или проектировать порядки более высокого уровня, чем наше сознание»⁹.

Иначе говоря, рационалистический конструктивизм имеет свои пределы, переступая которые человечество обеспечивает себе пагубную перспективу. Ему вторит и К. Поппер, который рассматривает в качестве высшего порядка по сравнению с человеческим сознанием исторический процесс. Основной пафос его работы «Ницета историцизма» сводится к

обоснованию тезиса о принципиальной невозможности «предсказать ход истории с помощью научных или каких-то иных рациональных методов»¹⁰.

При всей убедительности доводов, указанных и многими другими авторами, их рассуждения страдают как логической непоследовательностью, так и социально-практической бесплодностью. Во-первых, человеческое сознание, по сути дела, представлено как нечто статичное, не способное к саморазвитию, т.е. к овладению все более сложными порядками. История, на которую они ссылаются, дает множество примеров, не только подтверждающих их позицию, но и опровергающих ее. Можно легко представить, что было время, когда порядки функционирования, например, электромагнитных полей или же радиоактивного излучения были выше порядка человеческого сознания. То же можно сказать и о порядке кода человеческого генома. Однако интеллект и сознание людей смогли их со временем постигнуть и, постигнув, позитивно использовать в духе культурного конструктивизма, т.е. в направлении волосообразного совершенствования «второй», искусственной природы. Справедливости ради необходимо указать на то, что и Поппер, и Хайек, развенчивая заблуждения историцизма, совершенно справедливо исходили из специфики социальных объектов, отличающихся от природных и физических особой иррегулярностью, волонтаристской спонтанностью. Из данного верного положения, однако, совсем не следует принципиальная невозможность, неприемлемость моделирования и рационально-технологического осуществления масштабных и радикальных социальных преобразований. Реальным примером такого моделирования и воплощения служит хотя бы введение представительной формы правления. «Представительная форма правления, возникшая из мечтаний о свободе, завладевшая революционерами Второй волны (идеологами буржуазной демократической политической системы. - Авт.), была невероятно прогрессивной по сравнению с предшествующими системами власти, - подмечает Э. Тоффлер, - этот успех технологии стал более выдающимся триумфом, чем изобретение паровой машины и аэроплана.

Представительная форма правления дала возможность спокойно ввести преемственность власти без наследных династий. Она обеспечила обратную связь между верхами и низами общества. Она предоставила способ устранения различий между многими группами мирным путем»¹¹.

Таким образом, следуя логике процитированных ученых с мировым именем, можно считать «пагубной самонадеянностью» не только опыты тоталитарного насилия над обществом, но и буквально все попытки постигнуть неведомые ранее порядки-регулярности функционирования как естественных, так и социальных объектов, ссылаясь при этом на множество заблуждений и трагических следствий, неизбежно сопровождавших

познавательную и практическую инноватику на ее первоначальном этапе. Сюда можно отнести несовершенство первых поколений летательных аппаратов, когда жертвы превосходили достижения, а также историю овладения ядерной энергией, включая, прежде всего, Чернобыль. «От идеи, так же как от практики прогресса, много раз пытались отказаться, ибо слишком велика была его цена. За него платили жизнями, отказом от традиций. Упрощенными схемами и насильственной практикой их достижения. И все же выброшенная в дверь, эта идея возвращалась в окно», - так образно характеризуется имманентная роду человеческому устремленность к рационалистическим инновационным преобразованиям в книге «Модернизация: от равенства к свободе»¹².

Если же посмотреть на историческую ретроспективу под углом зрения социокультурных регулярностей и инвариантов, то можно также легко убедиться в том, что при всем разнообразии, плюральности социальных изменений необходимо регулярными и, следовательно, объективно закономерными предстают попытки человечества овладеть все новыми более высокими порядками природного и социального происхождения, на что, в частности, указывает и сам К. Поппер, правда, не задаваясь целью объяснить данный феномен. «Историцизм (под историцизмом Поппер понимает стремление социальных наук предсказывать будущее путем обнаружения «ритмов», «схем», «законов» и «тенденций» в исторической эволюции. - Авт.) - очень древнее учение. Его первые формы, вроде учения о жизненных циклах городов и народов, появились даже раньше, чем примитивный телеологизм, согласно которому за казалась бы слепыми изгибами судьбы скрываются свои цели. Разгадывание целей, будучи весьма далеким от научного способа мышления, несомненно наложило отпечаток на современные историцистские теории. В любой версии историцизма выражено чувство устремленности в будущее, - будущее, которое приближает некие необоримые силы. Современные историцисты, видимо, не понимают, что их учение является столь *древним* (курсив. - Авт.)»¹³. Таким образом, очень убедительная критика разновидностей историцизма носит не столько научный, сколько политико-идеологический характер, ибо разоблачение историцизма не сопровождается какими-либо попытками объяснить историческую регулярность, имманентность человеческому сознанию интенции предсказать, и целесообразно спроектировать индивидуальное и социальное будущее. Уже этот факт, фиксирующий объективность, неотменяемость такого свойства историцизма, при всей его утопичности и даже опасности, которые справедливо и убедительно раскрыты критиками, говорит о не меньшей утопичности надежд «излечить» общество от историцизма путем его рационального разоблачения. Отсюда и социальная неприемлемость рецептов заменить «пагубную самонадеянность» «поэлементной

инженерией», суть которой в самоограничении конструктивистской рациональной инноватики мелкими исправлениями и переделками данности, в постепенном обучении общества и его элиты на своих собственных ошибках при движении вперед. «Поэлементный инженер», - предписывает Поппер, - подобно Сократу, знает, как мало он знает. Он знает, что мы учимся только на своих, собственных ошибках. Соответственно этому, он будет прокладывать путь, делая один шаг за другим и беря на заметку последствия проводимой реформы; он будет избегать сложных и масштабных реформ»¹⁴. С точки зрения ФА. Хайека, также не следует возлагать большие надежды на рационалистический конструктивизм, поскольку более совершенным может быть лишь порядок, формируемый спонтанно («расширенный порядок»), помимо разумного целеполагания и целедостижения. «Разум, применяемый должным образом, - настаивает он, - понимается мною как разум, учитывающий свою собственную ограниченность, умеющий и себя подчинить законам разума и вынесший необходимые уроки из установленного экономистами и биологами поразительного факта, суть которого состоит в том, что порядок, возникающий независимо от чьего бы то ни было замысла, может намного превосходить сознательно выработанные людьми планы»¹⁵. Здесь сразу же напрашиваются два вопроса: превосходит ли нынешний «расширенный» мировой порядок с его многочисленными обостряющимися глобальными проблемами, возникшими «независимо от чьего бы то ни было замысла», рационально моделируемые порядки, предполагающие решение данных проблем? Можно ли обеспечить гарантированное выживание и устойчивое развитие человечества, избегая «сложных и масштабных реформ»?

Весьма убедительные ссылки критиков историцизма на трагический конструктивистский опыт тоталитаризма в нынешних условиях представляются уже не столь убедительными. Тому есть несколько причин. Во-первых, тоталитарные эксперименты по подчинению общества рационалистическому социальному конструктивизму проводились тоталитарными политическими элитами (большевиками или нацистами) на базе обществ, большинство которых составляли люмпенизированные маргиналы, по определению неспособные к активному компетентному политическому участию и, следовательно, к эффективному контролю за деятельностью государства. Для такой массы интеллигентский либеральный гуманизм был в лучшем случае непонятным, а в худшем - рассматривался как контрреволюционные идеологические диверсии, так как главными «обидчиками» самоочевидно считались представители старого режима, включая основную часть интеллигенции, а также западные демократии - «цитадели мирового империализма и контрреволюции». Во-вторых, в первой половине XX века, что особенно

характерно для России (СССР) и Германии, по вполне понятным причинам явный приоритет отдавался удовлетворению материальных, сугубо прагматических потребностей и интересов, что требовало расширения ресурсной базы развития любой ценой (форсированная индустриализация и борьба за контроль над мировыми ресурсами). В-третьих, отсутствовало даже минимальное осознание общественностью и политическими элитами общезначимой императивности замены технократических национально-эгоистических приоритетов приоритетами глобальными гуманистическими. В-четвертых, в условиях чрезвычайно аморфного мирового экономического, информационного, культурного и правового пространства, политико-идеологической дезинтеграции мира тоталитарные политические элиты сохраняли гораздо большую независимость от контроля со стороны мирового сообщества. И, наконец, в-гопых, человечество за довольно редким исключением не сформировало стойкого культурного иммунитета к тоталитаризму, что стало возможным лишь гораздо позднее, в том числе благодаря работам Хайека и Поппера.

Мы специально уделили столь пристальное внимание этой, казалось бы, не имеющей прямого отношения к нашей теме проблематике. Дело в том, что критика социально-инновационной роли интеллигенции во многом как раз и основывается на приписывании ей избыточного революционаризма и рационалистической самонадеянности.

Понятно, что рецепты критиков историцизма могли бы представляться адекватными лишь на этапе традиционного и раннего индустриального общества, когда темпы и масштабы инновационной проблематизации социальной эволюции оставались крайне ограниченными. «Традиционные общества, - отмечают авторы упомянутого исследования «Модернизация: от равенства к свободе», - отличаются от современных рядом особенностей. Среди них: зависимость в организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений; цикличность развития; коллективистский характер общества и отсутствие выделенной личности; преимущественная ориентация на метафизические, а не инструментальные ценности; авторитарный характер власти; отсутствие отлаженного спроса, т.е. способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; преобладание особого психического склада - недеятельной личности (называемой в психологии человеком типа Б); ориентация на мировоззренческое знание, а не на науку... главной чертой среди отмеченных является доминирование традиции над инновацией»¹⁶.

Применительно к нашей тематике традиционное общество, отличаясь указанными чертами, может себе позволить без угрозы самоуничтожения двигаться вперед предлагаемым Поппером методом проб и ошибок и пребывая во власти «расширенного», надсознательно формируемого

социального порядка, возмеличаемого Ф.А. Хайеком. Иными словами, в нем отсутствует объективная и настоятельная императивность фундаментальной и масштабной рациональной инноватики и конструктивизма.

Другое дело - современное посттрадиционное или инновационное общество, вступившее в «век бифуркаций» (Ласло). В нем появляется целый комплекс императивов рационалистического фундаментального вмешательства человека в ход естественной и социальной эволюции. Доминирующий в традиционном обществе экстенсивный тип освоения естественных и человеческих ресурсов, требующий минимума инноваций и добросовестного следования вековым традициям, становится уже на этапе позднего европейского феодализма общественно неприемлемым. Его контрпродуктивность подготавливается, с одной стороны, усиливающимся дефицитом традиционных ресурсов выживания и развития вследствие ограниченности территорий европейских государств и бурного роста населения, а с другой - развитием технических и научных знаний, которые впоследствии взаимостимулируют друг друга и создают автокаталитическую базу лавинообразного процесса инноватики не только в сфере материального производства, но и во всех сферах общественных отношений.

Тем самым нарастает тенденция сжатия социального времени, когда в одну и ту же временную единицу происходит все больше социальных изменений. Общественное развитие получает необратимое ускорение. Те государства и общества, которые исповедуют нечто подобное «поэлементной технологии», оказываются в статусе аутсайдеров межстрановой конкуренции, и их развитие приобретает «неорганический» дискретный характер, при котором медлительность в целерациональном, легитимном и комплексном осуществлении назревших инноваций вынуждено компенсируется последующими хаотическими революционными потрясениями (напомним в связи с этим, что при всей внешней рациональности марксистско-ленинской концепции коммунистического общества характер попыток ее практического воплощения в СССР (России) отличался как раз иррациональностью и волюнтаризмом и, наоборот, «новый курс» Рузвельта, включавший в себя «сложные и масштабные» целерациональнее реформы, увенчался, как известно, полным успехом) - «великими переломами» и «большими скачками», т.е. методом больших проб и больших ошибок. «Теперь мы знаем, - обобщает исторический опыт революционных потрясений П. Гуревич, - что революция есть худший способ улучшить материальные и духовные условия жизни масс. На словах обещается реализация великих ценностей, но результаты, как правило, оказываются противоположными... Революция вырастает из целого комплекса причин. Общество, которое не

знает, как ему жить (курсив. - Авт.), которое не способно развиваться, постепенно реформируясь, неожиданно проходит через взрыв».

В контексте нашей проблематики пессимистическую позицию по поводу существования каких-либо инвариантных общечеловеческих ценностей и смыслов, а следовательно, и возможности направления ими инновационного прогресса обосновывают представители культурологического и социологического постмодернизма, который, по оценке Э.А. Орловой, стремится обосновать радикальное сомнение относительно построения общей универсальной антропологической теории, с помощью которой можно было бы генеализовать и объяснить все многообразие человеческих проявлений¹⁸. Отсюда культура, понимаемая как человеческая деятельность по выработке и реализации верховных ценностей «путем заботы о высших благах человека»¹⁹, лишается своего основания, т.к. в контексте постмодернизма само понимание, что есть «верховные ценности» и «высшие блага», до предела релятивизируется.

Таким образом, исчезает и возможность конвенционального способа решения встающих перед человечеством противоречий. «В любом феномене культуры, - справедливо полагает Д.В. Иванов, - орудии труда, произведении искусства, социальном институте, - воплощаются решения главных для людей проблем. Все проблемы - экономические, политические, эстетические, этические и т.д., - формализуются посредством соотнесения (явного или подспудного) с базовыми ценностями культуры»²⁰.

И, наконец, третий подход, сторонники которого исходят из того, что подавляющее большинство социальных (в широком смысле) проблем и противоречий, которые, как хорошо известно, вызваны техногенной и социотехнологической активностью общества, не имеют альтернативы решения помимо все тех же техногенных и социотехнологических инноваций. Пользуясь терминологией А. Тойнби, можно утверждать, что во второй половине XX века формируются «вызовы», на которые человечество уже не может позитивно ответить на основе традиции или же «поштучных технологий». Нарастание технологического и социального хаоса, инициируемое и активизируемое ускоряющейся социальной динамикой, настоятельно требует все более быстрого, активного и масштабного вмешательства упорядочивающей воли и разума человечества. «Многие научные достижения в будущем, скорее всего, будут иметь гораздо более значимые последствия, чем даже расщепление атома. В то же время их результаты будет труднее контролировать с помощью наличных технических средств, а также существующих социальных институтов и культурных ценностей», - предупреждает авторитетный американский футуролог Моргай Каплан²¹. «Сама жизнь *все чаще сталкивает нас с крупномасштабными и сложными явлениями*

(курсив. - Авт.), ставит нас перед необходимостью «решать проблемы, т.е. вмешиваться в реальную действительность, вносить в нее изменения с целью «улучшить положение дел» и тем самым «спроектировать будущее», - отмечали в связи с этим участники Международного «круглого стола», состоявшегося в Международном институте прикладного системного анализа в Люксембурге в 1986 году²². По мнению академика Н.Н. Моисеева, «любая форма научно-технической деятельности, если она проводится без достаточного контроля общественности (планетарного гражданского общества, которое предстоит создать), грозит катастрофическими последствиями»²³. По Энтони Гидденсу, важнейшей социально-практической задачей современного обществознания является оказание помощи социуму обрести способность к упреждающей гуманистической рефлексии своей модернизационной активности, когда представители социально-гуманитарного знания должны «развоплощать» социальные отношения, т.е. поднимать их над локальными пространственно-временными контекстами действия, которые на уровне обыденного сознания выступают как бы единственными²⁴.

Таким образом, в качестве безальтернативной выдвигается перспектива перехода человечества от локального инновационного конструктивизма, инициируемого прежде всего корпоративными прагматическими потребностями и интересами, к тотальному инновационному конструктивизму, направляемому высшими общечеловеческими смыслами. И здесь необходимо вернуться к упомянутой в предшествующих разделах традиции разделения «просвещенного класса» на интеллектуалов и собственно интеллигенцию, которая как бы оправдывает притязания на подлинную интеллигентность именно российской интеллигенции, отличающейся высокой духовностью, нонконформизмом и «всемирной озабоченностью». Такой подход с целым рядом оговорок можно признать относительно справедливым, но лишь для индустриальной стадии исторического развития, когда, с одной стороны, российская интеллигенция, пользуясь минимальной, по сравнению с Западом, прагматической социальной востребованностью, концентрировала свою активность на духовно-идеологическом противостоянии власти, а с другой-ее западные коллеги обслуживали в основном потребности, связанные с прогрессом материального производства «любой ценой».

При переходе же к постиндустриальному, информационному обществу все больший приоритет отдается новациям в сфере духовного производства. Прежде всего это связано с изменением субординации материальных и постматериальных потребностей в пользу последних, что однозначно зафиксировано в наиболее развитых государствах современного мира. Именно духовное производство во второй половине XX века стало рассматриваться там как ведущий фактор общественного

благополучия. «Лидеры движения «новых левых» (как, впрочем, и «новых правых», - констатирует в этой связи В.А. Красильщиков, - делали упор на особую роль образования и науки, вообще духовной деятельности в развитии общества, ставя экономику в зависимость от университетов... В глазах многих людей упала ценность труда как такового, а материальные стимулы к нему стали утрачивать свое бывшее значение, уступая место скорее неэкономическим, социальным мотивам к труду. Например, в США в 70-е гг. в работе зависело, во-первых, насколько она интересна по содержанию, во-вторых, от того, мог ли человек проявить в ней свои способности и знания, и лишь, в-третьих, - от размеров заработка»²⁵.

Иными словами, не только интеллектуальная элита, но большинство занятых в общественном производстве вполне осознают как первейшую потребность интеллектуальное, а не просто прагматично-интеллектуальное содержание своей трудовой деятельности. Так, в США уже к концу 80-х гг. фермерство составляло 3,6%, «синие воротнички» - индустриальные рабочие - менее 10 процентов экономически активного населения²⁶. В документе ЮНЕСКО «Практическое руководство по всемирному десятилетию развития культуры 1988-1997» указывалось: «В промышленно развитых обществах признается, что развитие подразумевает гармоничное и сбалансированное сочетание деятельности, обеспечивающей удовлетворение растущих материальных потребностей в органичной взаимосвязи с защитой окружающей среды, предельно рациональным ресурсоприродопользованием и формированием жизни по современным критериям качества, *включающего расширение масштабов и структуры востребования обществом нематериальных или точнее непрагматичных, в том числе духовных ценностей, особенно сопутствующих свободному времени, возрастающему в объеме с ростом общественной производительности труда* (курсив. - Авт.)»²⁷.

Другим приоритетом духовного производства становится конституирование и массивификация предельных гуманистических смыслов социальной эволюции и подчинение этим смыслам инновационного хаоса, порожденного индустриальной эпохой. Данный приоритет отражает уже не корпоративные или узконациональные и по сути локальные интересы, а интересы общечеловеческие.

На эту особенность инновационных приоритетов указывалось в материалах Второй всероссийской конференции «Культура, нравственность, экономика и устойчивое развитие регионов России»: «Поскольку движущими силами развития и одновременно силами, определяющими изменения качества окружающей среды, являются население (общество), потребление, технологии, то устойчивое динамическое развитие в мире будет зависеть от устойчивости равновесия

между этими факторами и способностью Земли сохранять свой жизнеобеспечивающий потенциал.

Таким образом, человеческий интеллект, культура, *глобальная нравственность* и глобальное партнерство становятся *эпицентрными в обеспечении подобного равновесия, а следовательно, и устойчивого развития* (курсив. - Авт.)»²⁸. Говоря иначе, инновационная активность в своих самых разнообразных проявлениях на рубеже второго тысячелетия должна безальтернативно и тотально контролироваться гуманистической нравственностью и «общемировой озабоченностью», а ее главный субъект-интеллектуальная элита общества - необходимо должна стать *интеллектуальной*. Соответственно, постиндустриальное общество при всех прочих условиях может оказаться жизнеспособным постольку, поскольку оно окажется способным преодолеть «неинтеллектуальность» интеллектуалов.

Итак, важнейшим признаком уникальности современного этапа мирового исторического процесса является то, что весь комплекс наиболее насущных проблем и противоречий выживания и устойчивого развития как отдельных государств, так и мирового сообщества в целом предполагает для своего разрешения разработку и осуществление сложных и масштабных целерациональных конструктивистских новаций в сферах материального производства, социально-политических и духовно-идеологических общественных отношений. Выдающийся американский футуролог Э. Тоффлер писал по этому поводу: «Когда мы исследуем множество новых отношений, возникающих в различных областях, - между меняющимися энергетическими возможностями и новыми формами семейной жизни, между современными методами производства и движением за нравственное самоусовершенствование (и это лишь небольшое количество примеров) - мы внезапно обнаруживаем, что многие обстоятельства, представляющие собой сегодня величайшую опасность, в то же время содержат в себе и потрясающие новые возможности... Ясно и, как мне кажется, неоспоримо, что при наличии интеллекта и небольшого везения зарождающаяся цивилизация может стать более здоровой, благоразумной и устойчивой, более пристойной и более демократической, чем любая из известных нам до сих пор»²⁹.

Все это радикально меняет роль и статус интеллигенции в современном мире. Объективной основой изменений служит радикальная трансформация всей системы инновационных приоритетов социального развития, которые и обслуживает интеллигенция. Если на этапе индустриализма в экономической сфере доминировал приоритет вовлечения в производство все большего количества естественных и человеческих ресурсов, разработки довольно примитивных производственных технологий, базировавшихся в основном на

малоквалифицированном труде, то при переходе к информационному обществу главным инновационным социальным приоритетом становится переход к наукоемким, ресурсо- и энергосберегающим, экологически безопасным технологиям, базирующимся на высококвалифицированном, интеллектуальном труде. По сравнению с интеллигенцией индустриального общества по нарастающей увеличивается инновационная составляющая общественного труда, предполагающая быстрое и постоянное производство и распространение новых знаний и информации. Тем самым резко возрастает общесоциальная востребованность интеллигенции как главной социально-профессиональной основы современного производства. Соответственно в странах, вступивших в постиндустриальную стадию развития, неуклонно увеличивается ее доля в составе участников общественного производства и общества в целом.

Другой важной трансформацией является изменение властно-политического статуса и роли интеллигенции, ее властно-политической субъектности. Под властно-политической субъектностью мы понимаем совокупность определенных качеств, которые позволяют участникам социальных властеотношений публично представлять и продуктивно реализовывать свои интересы в ходе самых разнообразных социальных взаимодействий.

Прежде всего, на усиление политической субъектности интеллигенции влияет фактор расширения системы зависимости политических элит от интеллектуальной элиты общества. Известно, что к исходу XX века качественно изменяется основное поприще межстрановой конкуренции. Если на этапе индустриализма это была, прежде всего, державная мощь, основанная в первую очередь на военно-промышленном потенциале, то теперь главной сферой соперничества выступает научно-технический, технологический и культурный потенциал государства, представленный прежде всего «человеческим капиталом». Об этом, в частности, говорит хотя бы тот факт, что в ряду лидеров мировой цивилизации появляется все больше стран, которые в военно-стратегическом плане имеют весьма скромные показатели (Япония, ФРГ, Швеция, Южная Корея и т.д.). И хотя роль интеллигенции в деле наращивания державной мощи была далеко не последней, все же ее нельзя сравнить по масштабам и значимости с теперешней ситуацией, когда интеллектуалы оказались решающей общественной силой, обеспечивающей конкурентоспособность государства по всем соревновательным параметрам - экономическому, социальному, политическому и духовно-идеологическому. Процесс накопления «человеческого капитала», включающий инновационную прогрессию в области совершенствования системы здравоохранения, образования и воспитания широких масс населения, стимулирования общественно-целесообразной активности граждан, практически во всех

своих аспектах напрямую зависит от качества и количества национальной интеллигенции, ее общественного статуса и престижа. А успехи государства на данном поприще в условиях общества с развитой демократической политической системой напрямую определяют уровень поддержки обществом представителей политической элиты, находящихся у власти или стремящихся к ней. При этом объективно отношение власти к интеллигенции должно трансформироваться из патерналистского в равноправно-партнерское, когда интеллигенция получает невиданные ранее возможности влиять на разработку и реализацию политических стратегий, представлять и защищать свои интересы на любом политическом уровне.

В условиях правового государства и укрепляющего свои позиции гражданского общества все большее значение приобретают сложные «мягкие» политические технологии, связанные не с насилием, устрашением и тотальной зависимостью общества от власти, а предполагающие, прежде всего, целевое воздействие на политическое сознание, мировоззрение и культуру граждан-избирателей. В другой своей работе «Проблемы власти на пороге XXI века» Э. Тоффлер отмечает, что высшее качество и наибольшую эффективность придают власти знания, минимально расходуя ресурсы, власти позволяют убедить людей в их личной заинтересованности выполнять властные решения и, таким образом, превратить противников в союзников³⁰. Иными словами, существенно и по нарастающей увеличивается потребность претендентов на публичную политическую власть в армии профессиональных политтехнологов, деятельность которых все чаще оказывает решающее воздействие на исход политической борьбы. «Тенденции современного мирового развития, - отмечает в связи с этим отечественный исследователь А.В. Торкунов, - объективно возводят в ранг приоритета профессиональное владение закономерностями такой сложнейшей области человеческой деятельности, как политика»³¹. Таким образом, возникают условия, когда интеллектуалы непосредственно и весьма существенно «вторгаются» в политические процессы, когда власть принуждается к интеллектуализации, дабы сохранить и увеличить свою эффективность. Показательным в данном аспекте является ориентация политической элиты США на данные, поставляемые так называемыми «мозговыми трестами», наиболее влиятельными из которых являются Стенфордский и Гудзоновский институты, центры изучения будущего при Портландском, Принстонском и Южнокалифорнийском университетах, институт Мирового порядка в Нью-Йорк сити, а также целая сеть научно-исследовательских подразделений при государственном департаменте, ЦРУ, Конгрессе и т.д.

Следует обратить внимание и на такой новый феномен, как диверсификация, децентрализация полюсов политического и

информационно-идеологического влияния в развитых государствах современного мира. На это явление обратил внимание упомянутый Э. Тоффлер, констатирующий процесс расщепления, атомизации не только потребительского, но и политико-идеологического рынка на этапе Третьей волны (постиндустриального общества). Прежде всего это связано с процессом экономической демонополизации и ростом доли и влияния среднего и мелкого бизнеса, что существенно ослабляет и политико-идеологическое доминирование крупных собственников, в значительной степени освобождает политические процессы и политическую индустрию от власти «денежного мешка». Так, в США еще в 70-е годы «произошел буквально взрыв мини-журналов - появились тысячи новых, предназначенных для маленьких, региональных или даже местных рынков со своими специфическими интересами. Пилоты и вообще люди из авиации сейчас могут выбирать между десятками наименований периодики, издаваемой специально для них. Тинэйджеры, коллекционеры старых фотоаппаратов, любители тенниса, скейтбордисты - все имеют свою прессу... С появлением этой новой быстрой, дешевой прессы каждая организация, община, политическая или религиозная группа или группа может позволить себе иметь свой печатный орган... В период между 1950 и 1970 гг. число радиостанций в США возросло с 2336 до 5359. В этот период население увеличилось только на 35%, а число радиостанций на 129%»³². Известно также, что все больше структур массовой информации национального и международного масштабов финансируются не столько монопольными спонсорами, сколько простыми налогоплательщиками (например, Британская радиовещательная корпорация - BBC). Все это, как никогда ранее, позволяет интеллигентам, представляющим самые различные профессиональные отряды и политико-идеологические течения, публиковать и защищать свои специфические политические позиции, даже если они противостоят официальной государственной политико-идеологической доктрине или же политическим интересам промышленно-финансовых олигархов.

Растет политическая востребованность интеллигенции и со стороны гражданского общества. Если в эпоху индустриализма с его массовым централизованным производством и массовым, слабо дифференцированным обществом демократические процедуры в основном сводились к периодическому участию в избирательных кампаниях, референдумах, а также к поддержке тех или иных политических партий и участию в профсоюзном движении, то в демассифицирующемся постиндустриальном обществе эта «вертикальная» демократия все чаще дополняется демократией «горизонтальной», когда начинают действовать две взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, структура гражданского общества усложняется в результате ролевой и статусной

дифференциации по мере возникновения все новых профессий. С другой стороны, сегменты гражданского общества все более политически интегрируются в самостоятельные и эффективные субъекты политических отношений, когда создается, по сути дела, параллельная государственно-партийной политическая организация, аккумулирующая, репрезентирующая и защищающая специфические групповые интересы на региональном и национальном уровнях. В книге Э. Тоффлера указывается на то, что в таком образом сформированном гражданском обществе государство и корпорации встречают «противодействие не просто одиночных или беспомощных индивидуумов, но и организованных групп, многие из которых располагают штатом профессионалов, собственной прессой, имеют доступ к политической системе, могут нанимать экспертов, юристов и других помощников (курсив. - Авт.)»³³. Таким образом, формируется устойчивый и расширяющийся рынок для профессиональной политической деятельности интеллигенции, обслуживающий широчайший спектр потребностей не государства и корпораций, а гражданского общества. Все это позволяет говорить о том, что на исходе XX века интеллигенция выполняет важнейшую с точки зрения перспектив органической демократии функцию - функцию преодоления диспропорции в уровнях политической организованности и компетентности институтов государства и институтов гражданского общества.

Здесь же следует обратить внимание и на другую важную политическую функцию интеллигенции - цивилизирующее и стабилизирующее влияние на ход политических процессов. Речь идет о том, что именно интеллигенция, широко включенная в политику, обеспечивает обществу возможность компетентного и продуктивного политического участия путем использования существующего правового пространства, а не с помощью деструктивных, конфликтогенных методов и приемов. Так, если в ведущих капиталистических странах за период 1978-1982 гг. число участников забастовок составляло 79,9 млн. человек, то в последующий период (1983-1988 гг.) количество их участников снизилось. При этом существенным образом меняется и отношение общества к интеллигенции вообще и к ее политической роли в частности. Бели в доиндустриальную и индустриальную эпохи просвещенный класс, рекрутировавшийся в основном из «верхов» и обслуживавший в первую голову интересы этих верхов, был в лучшем случае не очень понятен большинству простых людей, а в худшем - вызывал недоверие и настороженность, то при переходе к информационному обществу, когда открылся широкий доступ к статусу интеллигента и когда интеллектуально-инновационные услуги превратились в массовую потребность, интеллектуалы воспринимаются и «верхами» и «низами» в качестве важнейшего национального

«человеческого капитала». В политическом плане, как мы показали выше, специалисты - интеллектуалы рассматриваются как необходимый и главный медиатор взаимоотношений общества и власти. Соответственно, общество обеспечивает им достойные их общественной роли статус и престиж.

Более того, большинство западных стран, как хорошо известно, усиленно накачивают свой инновационный потенциал путем «переманивая умов» из других стран. Вспомним хотя бы историю с созданием ядерного оружия, когда правительство Соединенных Штатов сумело агрегировать почти всех лучших специалистов в этой области из многих стран мира, включая, прежде всего, Японию, Китай и Германию. Уже в период с 1940 по 1960 гг. в США, Великобританию, ФРГ и Францию переместилось свыше 100 тысяч иностранных специалистов, а в последующие два десятилетия - 500 тысяч. В 80-90-е гг. только из стран Восточной Европы на Запад, в Израиль и Южную Корею переместилось в общей сложности 1,5 млн. высоких профессионалов³⁴. Ныне подобную стратегию исповедует и ряд государств «второго эшелона» цивилизационной иерархии - Ирак, Южная Корея, Чили, Израиль и т.д. В этом проявляется новая форма своеобразной неокOLONиальной эксплуатации метрополиями мировой периферии - переход от использования ее низкоквалифицированной дешевой рабочей силы к эксплуатации ее высокопрофессионального интеллектуального капитала. Подобная деятельность превратилась в последние годы в своеобразный и весьма прибыльный транснациональный бизнес.

Причем успех на данном поприще во многом обеспечивается политическими методами, т.е. целенаправленной стратегией государства, т.к. именно государство, а не отдельные корпорации, может обеспечить общий привлекательный для иностранных ученых и специалистов климат. В его структуру включаются: превосходящий уровень научно-информационного и машинно-технического оснащения исследовательского процесса; широкие возможности реализации творческих планов, талантов и способностей в силу их востребованности и поощрения государством и обществом; достижение материальной независимости и достойного общественного положения; свобода обмена информацией и свобода публикаций; развитая система правовой защиты интеллектуальной собственности, политический и идеологический плюрализм; свобода перемещения в национальном и интернациональном масштабах.

Таким образом, важнейшим фактором возрастания социально-политической роли интеллигенции при переходе к постиндустриальному, информационному обществу является все более обостряющаяся общечеловеческая потребность давать быстрые, масштабные

рациональные инновационные «ответы» на «вызовы» современности. Причем актуализация данной сверхзадачи наблюдается буквально во всех сферах жизни общества.

Так, все известные и хорошо описанные глобальные проблемы современного мира (гонки вооружений, противостояние так называемых Первого и Третьего миров, международного терроризма, загрязнения окружающей среды, народонаселения и истощения традиционных ресурсов, выживания и развития человечества) обретают статус с одной стороны фундаментальных и судьбоносных, а с другой - научно-теоретических, производственно-технологических, социально-технологических, ценностно-мировоззренческих прорывов-новаций и рационалистического конструктивизма. По оценке И.В. Бестужева-Лады без таких прорывов-инноваций «человечеству не пережить XXI века. Может быть, даже первой половины грядущего столетия»³⁵.

На основе выводов современной глобалистики (науки, занимающейся изучением глобальных проблем современности) другое научное направление - альтернативистика сформулировала возможные пути перехода к цивилизации, альтернативной существующей и способной, в отличие от нее, позитивно разрешить весь комплекс проблем современности. Все эти пути предполагают как научно-технологические решения-инновации, так и инновации социально-политического и духовно-мировоззренческого характера. Фиксируя тупиковость дальнейшего развития тепловой и атомной энергетики, современная наука призывает постепенно минимизировать в мировом топливно-энергетическом балансе удельного веса нефти-газа-угля-атома и наращивать удельный вес восполняемых и чистых, не загрязняющих природную среду, источников энергии - Солнца, водных и воздушных потоков, внутреннего тепла Земли, приливов и отливов и т.п. Наряду с этим направлением, ввиду финансовых и технических трудностей внедрения данных энергетических источников, предлагается переход к «низкой» энергетике, т.е. такой, которая, увеличивая КПД традиционных видов топлива и сырья, обеспечивает рост энергообеспечения при снижении нагрузки на природу. Однако эта перспектива может стать реальностью лишь при качественном и довольно быстром изменении всего образа жизни людей, который связывает решение данной научно-технологической проблемы с масштабными, по сути - глобальными, социотехнологическими и ценностно-мировоззренческими новациями. Так, по мнению Бестужева-Лады, при соответствующей политической воле можно снизить энергетические потребности за счет минимизации военных arsenалов государств современного мира и ограничить глобальные вооруженные силы военными контингентами ООН, а впоследствии - легким оружием полиции для борьбы с уголовной преступностью. Сюда же относится идея о

прекращении или ограничении энергозатрат на удовлетворение псевдопотребностей - на производство никотина, алкоголя и т.п.

Решение другой - демографической проблемы также безальтернативно предполагает применение рационалистического и масштабного конструктивизма в области демографической национальной и глобальной политики. Ученые уже давно рассчитали модель необходимого «демографического минимума», что означает переход от бесперспективных многодетных (в странах Третьего мира) и малодетных семей (в странах Второго и Первого миров) к среднедетной - 3-4 ребенка. И опять-таки перспективы достижения данной спасительной для человечества цели упирается в политический и ценностно-мировоззренческий консерватизм современного общества.

Между тем осуществление всех имеющихся рациональных технологий преодоления глобальных проблем современности в сочетании с гуманизацией инновационной активности социума предполагает радикальное изменение определяющих субъектов общественной власти и управления. Постиндустриальное общество окажется жизнеспособным, если доминантами стратегий и действий политических элит станут не корпоративные и узконациональные приоритеты, а все те же общечеловеческие ценности и «общемировая озабоченность». На упомянутой Всероссийской конференции «Культура, нравственность, экономика и устойчивое развитие регионов России» отмечалось в связи с этим: «Есть власть законодательная, исполнительная, судебная, есть четвертая - информационная... **Но, вероятно, на первую позицию необходимо поставить власть культурную или, иначе, власть культуры над всем и над всеми.** Если ее нет, то нет и не будет развития, а все одолеет порок, что приведет к всеобщему регрессу, разрушит общество, систему, наконец, уничтожит саму жизнь через войны и в результате деградации окружающей среды. **Власть политическая и власть культурная должны кооперироваться, обеспечивая системность формирования и функционирования социальных, технических, экономических, биологических цензов на основании всеобщих культурно-нравственных ценностей, норм, критериев, тем самым обеспечивая само развитие в большей или меньшей динамике и масштабах в зависимости от меры взаимодействия в подобной кооперации»³⁶.**

Таким образом, при переходе к постиндустриальному, информационному обществу формируется комплекс приоритетных проблем-«вызовов» социальной эволюции, которые требуют прежде всего интеллектуальных инновационных «ответов», что, по нашему мнению, и составляет главное отличие нынешнего общества от традиционного и индустриального. Эти жизненно необходимые «ответы» включают в себя

не только новации научно-технического и экологического (природоохранного) назначения, но и радикальные социокультурные и властно-политические новации. Все это лавинообразно увеличивает социальную востребованность интеллигенции в качестве основного социального ресурса и субъекта инновационной активности общества буквально во всех сферах общественных отношений, в локальном и глобальном масштабах.

Однако интеллигенция сможет выполнить данную поистине судьбоносную миссию лишь обретя и достаточную властно-политическую субъектность, т.е. способность эффективно влиять на локальные и глобальные политические процессы с позиций гуманистических, общечеловеческих ценностей и интересов.

Соответственно, в современном мире важнейшими критериями цивилизованности и прогрессивности любого общества выступают «качество» социального статуса и социального престижа и уровень политической влиятельности интеллигенции или интеллигентности власти.

Апология и внедрение указанных положений в массовое сознание и в сознание политических элит, по нашему глубокому убеждению, является важнейшей социально-практической функцией политической социологии в современной модернизирующейся России. «Общественное мнение, - справедливо полагает О. Л. Иванов, - дисфункционально по отношению к социальной системе, поскольку оно изменяет нормы деятельности, роли, ценности, систему социальных оценок и требует внесения определенных корректировок в действующую систему отношений между различными субъектами общественной жизнедеятельности. В этом случае общественное мнение выступает в роли генератора новых идей, новых отношений»³⁷.

Примечания:

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений/ Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С.120.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 9.

³ Подробнее об этом см.: Бестужев-Лада И.В. Глобальные проблемы современности и пути их решения// Характер и личность. Многообразие и интеграция культурных ценностей на исходе XX века: Доклады, сообщения и тезисы Международной конференции (Москва, 5-7 октября 1999 года). М.: Лилия ЛТД, 1999. С. 18-28.

⁴ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс. 1992. С. 49.

⁵ Лоолер Дж. Этика, политика и суждения вкуса: Аренд против Канта// Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1997. № 2. С. 16-17.

⁶ Цит. по: Араб-Оглы Э.А. Обозримое будущее: Социальные последствия НТР: год 2000. М.: Мысль, 1986. С. 70-71.

⁷ Гуревич П.С. А волны истории плещут... (Новая конфигурация будущего)// Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма Издательство АСТ», 1999. С. 8.

8 Бестужев-Лада И.В. Глобальные проблемы современности и пути их решения// Характер и личность. Многообразие и интеграция культурных ценностей на исходе XX века: Доклады, сообщения и тезисы Международной конференции (Москва, 5-7 октября 1998 года). М.: Лилия ЛТД 1999. С. 25-26.

⁹Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catalaxu». 1992. С. 246.

¹⁰Поппер К.Р. Нищета историцизма. М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA. 1993. С. 3.

¹¹Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 138-139.

¹²Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова ВТ. Модернизация: от равенства к свободе. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. 1995. С. 130.

¹³Поппер К. Нищета историцизма. М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA. 1993. С. 183.

¹⁴Поппер К. Указ, соч. С. 79.

¹⁵Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catalaxu». 1992. С. 18. ¹⁶Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова ВТ.

Модернизация: от равенства к свободе. СПб.:

Изд-во Санкт-Петербургского университета. 1995. С. 134. ¹⁷Гуревич П.С. А волны истории плещут... (Новая конфигурация будущего)// Тоффлер Э.

Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 10-11. 18 Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию М.: Изд-во МГИК, 1994. С.178.

¹⁸Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 42.

¹⁹Иванов Д.В. К пониманию современности: критический вызов// Проблемы теоретической социологии. Вып. 2: Сб. статей/ Под ред. А.О. Боронова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. С. 94.

²⁰Kaplan M. A. A NIGHTMARE// The World Of 2044: Technological Development & The Future Of Society. NY. Paragon House, 1994. P. 165-166.

²¹Искусство и наука системной практики. М.: Изд-во НИИВШ. 1989. С. 3.

²²Моисеев Н.Н. Современный антропогенез// Вопросы философии. 1997. № 1. С. 4.

²³Современная теоретическая социология. Энтони Гидденс. Реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН. 1995.С. 8.

²⁴Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. С. 158,165.

²⁵Интеллигенция и народ// Философские науки. 1990. № 7. С. 59.

²⁶Нравственность, интеллект, разум. Экспертно-аналитический бюллетень. Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного технического университета, 1999. С. 7.

28 Некоторые проблемные положения ко Второй Всероссийской конференции «Культура, нравственность, экономика и устойчивое развитие регионов России»// Нравственность, интеллект, разум. Экспертно-аналитический бюллетень. Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного технического университета, 1999. С. 13.

²⁷Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 23.

²⁸Тоффлер Э. Проблемы власти на пороге XXI века// Свободная мысль. 1992. № 14.

²⁹Торкунов А.В. Профессионализм в политике как образовательная задача// Политические исследования. 1999. №1. С. 5-10.

³⁰Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 268-269.

³¹Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. С. 384.

³²Болотин И., Попов С. «Утечка умов» и будущее российской науки// Alma mater. 1993. № 2. С. 4.

³³Бестужев-Лада И.В. Глобальные проблемы современности и пути их решения// Характер и личность. Многообразие и интеграция культурных ценностей на исходе XX века: Доклады, сообщения и тезисы Международной конференции (Москва, 5-7 октября 1998 года). М.: Лилия ЛТД. 1999. С. 22.

³⁴Нравственность, интеллект, разум. Экспертно-аналитический бюллетень. Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного технического университета. 1999. С. 14.

³⁵Иванов О.И. Общественное мнение как фактор трансформации социальных систем// Проблемы теоретической социологии. Вып. 2: Сб. статей/ Под ред. А.О. Боронова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. С. 129.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Во многих исследованиях радикальные изменения в России, начавшиеся с середины 80-х годов и затронувшие буквально все сферы жизни общества, принято называть модернизацией¹. В то же время ряд авторов считают эту категорию неадекватной для определения существа и тенденций проводимых реформ. Их главным аргументом выступает тот факт, что во многих случаях феномен социальной модернизации ассоциируется с процессами вульгарного, механического переноса образцов западного социального порядка в незападный мир, когда реформирование, по словам А.С.Панарина, представляется как "самодовольное, утратившее способность к самокритике вестернизаторство, объявляющее всем потерпевшим и недовольным, что их недовольство - сплошное недоразумение и что никакой альтернативы нынешней мироустроительной кампании Запада нет и быть не может"².

Эта продолжающаяся полемика по поводу терминологического и категориального определения сути и направленности происходящих в последние два десятилетия перемен с точки зрения нашей тематики вызывает не только сугубо теоретический интерес, но и напрямую связана с ориентацией общественного сознания и активности на те или иные виды социальных новаций экономического, социально-политического и духовно-идеологического характера, способных дать "ответы" на "вызовы" конкретно-исторической российской постсоциалистической современности.

Соответственно, определение социально-политического положения и возможных направлений эволюции роли интеллигенции в нынешнем "переходном" обществе, согласно нашему методологическому подходу, можно анализировать отталкиваясь от анализа специфики инновационной проблематизации социального развития сегодняшней России, а также от анализа специфики социально-приемлемых и социально-целесообразных инновационных альтернатив депроблематизации бытия российского общества, включая инновации в области властеотношений.

Между тем использование нами термина "модернизация" при всех "вестернизаторских" ассоциациях, которые он вызывает, оправдано тем,

что происходящие на наших глазах перемены явно не вписываются в традиционные категории, типологизирующие социальные изменения — "революция", "реформа", "перестройка", "трансформация" и т.д. Так, термин "революция" акцентирует сравнительно быстрый (скачок) и комплексный характер перехода общества к качественно новому социальному порядку. "Революция социальная - коренной качественный переворот во всей социально-экономической структуре общества"³. Однако известно, что переход к новому социальному порядку включает в себя не только созидание нового и отрицание старого, но и удержание старого содержания, востребованного и невостребованного новым обществом. На последнее, в частности, справедливо указывал К.Маркс: "Люди сами делают свою историю, но они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбирали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых *тяготеют* (курсив. - Авт.), как кошмар, над умами всех живых"⁴.

Таким образом, "за скобками" категории "революция" остаются явления преемственности, воспроизводства старого в новых социальных порядках. Дело в том, что "производство и воспроизводство не находятся в отношении логического следования. Воспроизводство структурно вписано в производство. Производство не предшествует воспроизводству, а предполагает его как собственную структурную возможность. Рекурсивность (т.е. повторяющийся характер человеческой деятельности и любого социального феномена) выступает условием воспроизводства. Именно в силу повторяющегося характера человеческой деятельности поддерживается непрерывность производства/воспроизводства и сингулярность существования социальных феноменов"³. Несомненно, политико-социологический анализ социальных инноваций останется неполноценным и недостоверным, если он не будет включать в себя, во-первых, "старые", наличные ресурсы общества, позволяющие созидать новое, и, во-вторых, "тяготеющее" старое - то, что дисфункционально влияет на поиск и внедрение необходимых обществу новаций. Термин "реформа", как известно, определяет локальный или частичный характер изменений "какой-либо существенной стороны жизни общества при сохранении основ его экономического и государственного строя"⁶. При всей категориальной неопределенности слова "перестройка" оно, по всей видимости, предполагало лишь усовершенствование старого, т.е. демократическое и гуманистическое совершенствование социализма.

Поэтому категория "социальная модернизация" достойна не отрицания, а существенной рационализации, дабы адекватно отразить существо и диалектику социальных изменений, происходящих в нашей стране и мире. Под рационализацией категории мы понимаем обнаружение и

формулирование единого, всеобщего содержания, воспроизводящегося в бесконечном разнообразии как социально-инновационной практики, так и в ее научно-теоретической рефлексии.

Несмотря на интенсивную разработку модернизационной тематики, предпринятую во второй половине XX века зарубежными и отечественными исследователями, феномен модернизации до сих пор отличается содержательной противоречивостью и аморфностью определений.

В своем изначальном, ставшем чуть ли не классическим варианте термином "модернизация" обозначались два типа социальных процессивно-изменений - "первичная" модернизация - процессы становления индустриализма в Западной Европе и Северной Америке (переход от традиционного к инновационному обществу) - и "вторичная", "догоняющая" модернизация, т.е. процесс внедрения образцов социальной организации индустриального Запада в незападном мире. "В широком понимании модернизация может быть квалифицирована как комплексное социальное изменение, вызванное и во многом определяемое индустриализацией"⁷.

Что касается первого понимания модернизации, то оно по целому ряду обстоятельств представляется некорректным. Прежде всего потому, что, согласно этому определению, сущностным отличием посттрадиционного общества считается чуть ли не исчезновение традиций или, по крайней мере, существенное уменьшение их роли как надсознательного регулятора общественных отношений. В исследовании "Модернизация: от равенства к свободе" подчеркивается главное различие традиционного (немодернизированного) общества от общества модернизированного (посттрадиционного), когда первое ориентировано на преобладание воспроизводства уже добытых содержаний над новизной, а второе - на постоянное производство нового и подчинение традиционных структур новым содержаниям и формам. "Первый тип культуры - традиционный, второй - модернистский (modem), или современный"⁸.

Сразу же возникает возражение по поводу главного критерия противопоставления, по которому главным содержанием модернизации по сути выступает замена традиций целерациональным инновационным конструктивизмом. Дело в том, что при более тщательном рассмотрении "современное" (модернизированное) общество предстает не менее, если не более "традиционным", нежели общество доиндустриальное. Так, если под традицией понимать и*"элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению"⁹, и особую надсознательную форму трансляции прошлого социального опыта, то традиция отнюдь не потеряла своего значения. По Ф.А.Хайеку, с позицией которого мы в данном случае вполне согласны, традиция всего лишь представляет

нерационализированную, надсознательную форму трансляции опыта наряду с рационализированной, т.е. направляемой разумом. "Культурная эволюция, - пишет он, - будучи самостоятельным процессом, вместе с тем во многих важных отношениях похожа на генетическую или биологическую больше, чем на развитие событий, направляемых разумом"¹⁰.

Отсюда очевидно, что в условиях информационного общества по мере лавинообразного нарастания разнообразия социального опыта, объема информации о нем, а также совершенствования средств трансляции этой информации в пространстве и времени возможности рациональной (с помощью разума) рефлексии этого опыта не только не расширяются, а скорее снижаются. Можно привести множество примеров нерационализированной рецепции и последующих стереотипизации и массивификации технико-технологических, мировоззренческих социально-технологических и духовно-мировоззренческих образцов предшествующего опыта. Например, с рядом оговорок, можно говорить о том, что многие наши приобретения западного опыта стали результатом скорее механического, слабо отрефлектированного подражания, нежели "направляемыми разумом" инновациями. Назовем в связи с этим хотя бы радикально-либеральную идею "сокращения государства", поспешно и разрушительно воплощенную на отечественной почве нашими реформаторами "первой волны", а также феномен "массовой вестернизации" национального культурного пространства России. Таким образом, корректнее будет идентифицировать индустриальное и постиндустриальное (информационное) общество по такому признаку, как ускоряющееся производство и расширенное воспроизводство все новых образцов социального опыта, рецепция, стереотипизация и массивификация которого осуществляется как в рациональных, так и в традиционных формах. Другим важным отличием в этом плане можно считать гигантское расширение социокультурного пространства традиционной рецепции нового опыта (в доиндустриальную эпоху оно ограничивалось в основном пространством национальной истории и культуры), обретение этим пространством глобального масштаба.

Редукция феномена модернизации к "вестернизации", т.е. механическому, навязанному насаждению в иноцивилизационной среде западных социальных и культурных институтов, также существенно обедняет адекватное представление об истинных императивах и содержании модернизационных процессов. Прежде всего потому, что "механическое насаждение" может в той или иной степени состояться, если оно имеет хотя бы минимальные внутренние объективные и субъективные предпосылки. Такими предпосылками по меньшей мере можно считать наличие в обществе-реципиенте ряда проблем, схожих с

проблемами социального развития западных обществ, и убеждение интеллектуальной и политической элиты незападных обществ в том, что западный опыт разрешения этих проблем является наиболее продуктивным в тех или иных сферах общественных отношений.

Истории XX века хорошо известны тоталитарно-социалистические и авторитарно-националистические модернизации (СССР, КНР, Южная Корея и т.д.), в ходе которых лишь частично использовался опыт Запада, главным образом, его производственно-технологические и производственно-структурные аспекты. Становление же индустриализма в этой группе стран происходило на принципиально иной цивилизационно-культурной, политической и идеологической основах. Более того, индустриально-модернизированные социалистические страны, как известно, находились за пределами непосредственного империалистического влияния, а в сознании их граждан Запад не обладал референтным статусом, т.е. не представлялся образцом для подражания. Скорее, наоборот, выступал объектом критики и презрения.

Из этого следует, что феномен вестернизации не отражает универсальное сущностное содержание социальных модернизаций, а выступает лишь одним из аспектов модернизационных процессов в незападном мире. Поэтому отказ от категории "социальная модернизация", основанный на подозрении в его антипатриотической, прозападной направленности, является не только несостоятельным в научном плане, но и выступает своеобразной мировоззренческой преградой для продуктивного, социально-целесообразного восприятия и использования лучших достижений мировой цивилизации.

Важно обратить внимание и на несостоятельность попыток свести императивы модернизации в незападном мире к необходимости "ответа" на "вызов" Запада в духе известного лозунга "Догнать и перегнать!". Во-первых, по сути дела в этом случае невольно признается, что достижения западных обществ являются весьма желанными, а уровень отечественной цивилизации - недоразвитым, отсталым. Во-вторых, Запад представляется самодостаточным и лидирующим в смысле прогрессивно-инновационного потенциала. Действительно, на чей же "вызов" отвечал Запад, иницируя и осуществляя свою собственную "органическую" модернизацию? Следовательно, главными императивами модернизации выступает комплекс общих проблем мирового развития, многие из которых на данный исторический момент разрешены наилучшим образом в лоне западной цивилизации.

До сих пор распространены и западнцентристские представления о содержании термина "современность" (modernity), по которым с легкой руки М.Вебера довольно нелепо под последней понимается не вся совокупность социального мира, связанная одновременным

сосуществованием всех его элементов, а лишь тип и уровень развития западной индустриальной цивилизации, на что, в частности, обратил внимание французский исследователь Ф.Буррико. Согласно его позиции, которую мы полностью разделяем, "современность" - это не только Запад, а весь реально существующий на данный момент бесконечно разнообразный мир¹¹.

В контексте модернизационной проблематики любая современность включает в себе одновременное сосуществование комплекса проблем социального развития и наличных социальных ресурсов их разрешения. Причем постоянно воспроизводится отставание инновационного социального потенциала от уровня проблем, требующих решения. Динамика взаимодействия социальной инноватики и проблематизации социального развития, что установлено современной наукой, носит циклически-дискретный характер, когда периоды относительно устойчивого воспроизводства социальных порядков сменяются периодами их быстрой и системной деинституализации (истощением и разрушением) старых порядков и институализации новых. Именно эти последние периоды, как мы полагаем, и следует рассматривать как социальные модернизации, т.е. как *процессы поиска и реализации социальных новаций, способных разрешить современные каждому конкретному обществу насущные проблемы*. При этом поиск новаций осуществляется как традиционным (путем неотрефлексированного заимствования) способом, так и целерациональными методами. Соответственно, природа инноваций может быть творческой и подражательной.

Поэтому современность и модернизация имеют два измерения. Если мы имеем в виду комплекс проблем глобального развития, то можно говорить о феномене *глобальной модернизации - интернациональном процессе поиска, генерирования и реализации новаций, способных разрешить современные мировому сообществу проблемы*. Однако каждое общество, наряду с общепланетарным комплексом проблем, всегда отличается своими самобытными противоречиями и императивами развития, а также особыми наличными ресурсами социальной инноватики. Поэтому можно говорить о *национально-локальных социальных модернизациях*, главным содержанием которых является *генерирование и поиск специфических новаций, способных разрешить специфические, современные данному обществу проблемы и противоречия развития*.

Такое определение, как нам представляется, позволяет, с одной стороны, выделить универсальное, сущностное, воспроизводящееся содержание модернизационных процессов, а с другой, - более адекватно, без идеологических искажений установить подлинные приоритеты инновационной активности каждого конкретного общества, разработать

своеобразную модель модернизационной стратегии, с позиций которой и могут формулироваться национальные интересы, а также определяться адекватность/неадекватность этим интересам программных установок и реальной деятельности государства и политической элиты.

Все это, в свою очередь, задает необходимую методологическую основу для анализа трансформации социально-политической роли интеллигенции в контексте нынешней социальной модернизации российского общества. Согласно нашему подходу, этот анализ должен включать в себя определение специфики объективных модернизационных императивов и их объективного влияния на социальную востребованность интеллектуально- и духовно-инновационных "услуг" интеллигенции, в том числе и в сфере модернизации политической и идеологической социальных подсистем. Сюда же входит рассмотрение экономических и социокультурных факторов (динамики экономических интересов, доминант общественного сознания, распределения и перераспределения властных ресурсов между корпоративными социальными субъектами и т.д.), способствующих или препятствующих возвышению общественного статуса и престижа интеллигенции, ее социально-целесообразному и эффективному политическому участию.

Как мы постараемся показать, *фундаментальным императивом нынешней российской модернизации стало до предела обострившееся к началу 80-х годов противоречие между тенденцией объективного нарастания инновационной проблематизации социального развития и тенденцией нарастающего истощения в период "застоя" инновационного потенциала общества*.

Как известно из многих исследований последних лет, началом стагнации и последующей прогрессирующей деградации инновационного потенциала советского общества считается приблизительно середина 60-х гг. Именно тогда закладываются главные предпосылки отставания СССР от Запада на этом поприще.

Дело в том, что в это время в ведущих капиталистических странах начинается переход от индустриальной к постиндустриальной, информационной стадии развития, когда осуществляется структурная перестройка материально-производственного потенциала, включающая наращивание факторов интенсивного развития. К последним относятся наукоемкое, высокотехнологичное, ресурсо- и энергосберегающее производство, обеспечивающее экономический рост при относительном уменьшении вовлечения в производство «вещей» природных ресурсов и физического труда. Экономическая активность все больше переориентируется на «индустрию услуг». Таким образом осуществляются два важнейших модернизационных сдвига, имеющие комплексные социальные и политические последствия. Приоритетным становится

наращивание «человеческого капитала», производство ставится в жесткую зависимость от стимулирования индивидуализированных запросов потребительского рынка. По мнению известного американского экономиста и социолога П.Ф. Друкера, это породило новый тип предпринимательской экономики, главной отличительной чертой которой стала «систематизированная инновационная деятельность, т.е. поиск и использование новых возможностей удовлетворения желаний и потребностей человека»¹².

Все это в совокупном итоге позволяет Западу успешно совмещать, с одной стороны, сохранение мощных позиций в «державной» военно-политической и военно-технической конкуренции с внешним миром, прежде всего, социалистическим лагерем, а с другой, - созидание «социального государства».

Указанные модернизационные достижения западных демократий сформировали главный внешний «вызов» социалистическому миру как в прямом, так и в переносном смыслах. Классической в этом отношении можно считать оценку результатов стратегии Запада, данную президентом США Р.Рейганом в выступлении перед обеими палатами британского парламента (июнь 1982 г.), по которой процветающему западному миру хватит средств и «на пушки, и на масло», а советскому блоку - «либо на пушки, либо на масло», что в конечном итоге позволит «оставить марксизм-ленинизм на свалке истории»¹³. Действительно, цена, которую платил Запад за поддержание военно-стратегического паритета с государствами Варшавского договора, даже в процентном выражении доли военных расходов в национальных бюджетах, не говоря уже об абсолютных соотношениях, оставалась существенно ниже ассигнований на оборону в СССР. В 1981 г. эта доля составляла в США 5,8 процента; в Великобритании - 5; в ФРГ - 3, 4; во Франции - 4, 2 и в Италии - 2,8 процента¹⁴. В то же время оборонные расходы в СССР были по своим объемам характерными для периодов крупномасштабных военных действий. «Разорение страны в результате искажения понятия безопасности, - писал в 1989 г. академик Ю.Рыжов, - происходит в таких масштабах, что даже я, человек как-то связанный с оборонной промышленностью, был поражен, когда, работая в Верховном Совете СССР, вышел на некоторые цифры. Официально объявлено, что наш военный бюджет на 1990 год равен 70,9 миллиарда рублей. Совершенно тривиальным арифметическим действием я получил цифру в 300 миллиардов рублей... По некоторым оценкам, половина нашей промышленности работает на военный сектор»¹⁵.

Но главную проблему представляло то, что по целому ряду обстоятельств Советский Союз на катастрофически долгий период задержался на стадии командно-административного индустриализма,

законсервировав патриархальный, по меркам информационного общества, инновационный потенциал социума. Иными словами, с 60-х гг. вплоть до последнего времени не было сделано практически ни одного заметного шага в сторону инновационного постиндустриального общества, которое определяется, согласно выводам наиболее авторитетных теоретиков постиндустриализма (Д.Белла, А.Турена, З.Бжезинского и А.Тоффлера), следующими признаками:

- Превращением теоретического знания в решающий фактор общественной жизни, когда последнее вытесняет труд (ручной и механизированный) в его роли фактора стоимости. Как следствие, ядром социальной организации, главным социальным институтом становится университет как центр производства, переработки и накопления знания. Промышленная корпорация теряет главенствующую роль.
- Уровень знаний, а не собственность, становится определяющим фактором социальной дифференциации. Профессиональная структура оказывается более существенной для стратификации, чем классовая.
- Экономика становится, в первую очередь, обслуживающей, а не производящей. В численно преобладающем секторе услуг растет и обособливается информационный бизнес, становясь особым «четвертым» сектором экономики.
- Инфраструктурой постиндустриального общества является новая «интеллектуальная», а не «механическая» техника. Социальная организация и информационные технологии образуют «симбиоз». Общество вступает в «технотронную эру», когда социальные процессы становятся все более программируемыми¹⁶.

Однако подобная постиндустриальная стратегия модернизации в условиях советской командно-административной системы оказалась заблокированной до конца 80-х годов. В отличие от западных стран, этакратическая политическая элита СССР, представлявшая эту систему и опиравшаяся на нее, все еще обладала многими ресурсами для самовоспроизводства, обходясь без кардинальных общесистемных инновационных преобразований, проведение которых, как очевидно следует из приведенных выше параметров информационного общества, должно было бы неизбежно повысить социальный статус и роль интеллигенции, включая сферу политики.

В обобщенном виде эта резервы «живучести» социализма убедительно охарактеризованы американским исследователем М.Чесински. К этим ресурсам «инновационного торможения» он относит традиционно заниженные притязания общества к государству и власти, когда последние могли жертвовать материальными интересами граждан и даже идти на

снижение уровня жизни, не опасаясь сколько-нибудь значительного и организованного сопротивления со стороны общества.

Оставались значительными возможности дальнейшей мобилизации огромных производственных резервов на основе административно-идеологических (и потому дешевых) стимулов экономической активности.

Сильно централизованная государственная система использования иностранных кредитов, жестко увязанная с централизованной внешней торговлей, позволяет консолидировать в руках государства (номенклатуры) огромные средства для решения внутрисоциальных проблем и технологического обновления производства не за счет инновационных преобразований, а за счет импорта товаров массового спроса, технологий и оборудования.

Все это, в свою очередь, давало возможность мобилизации ресурсов, обеспечивающих бурный прогресс лишь в одной решающей, по мнению партийно-государственной элиты, сфере совершенствования военно-промышленного комплекса за счет увядания гражданских секторов экономики, что для западных наций являлось бы заведомо неприемлемым.

Он же указывает и на решающее политическое условие этого инновационного консерватизма - концентрацию всех властных ресурсов в руках узкого круга людей (decision-makers), которые по своему усмотрению могли распоряжаться национальным богатством без какого-либо контроля со стороны граждан или их представителей¹⁷.

При этом следует признать, что для такой модернизационной задержки, помимо пороков командно-административной системы СССР, были и объективные причины. Прежде всего имеется в виду гораздо большая, чем на Западе, ресурсная самодостаточность социалистической империи, позволявшая вплоть до середины 70-х гг. обеспечивать положительную динамику в экономической и социальной сферах не столько на инновационной, сколько на консервативной, экстенсивной основе.

Рост сельскохозяйственного производства, в котором до середины 60-х гг. было занято около половины всех трудоспособных граждан, обеспечивался не на основе «зеленой революции», прокатившейся по всем западным странам и даже затронувшей такие государства, как Мексика, Венесуэла, Индия, а за счет послабления крестьянам (введение денежной формы оплаты труда и т.д.), но главное - за счет героического освоения целинных земель, что позволило на короткий период (1954 - 1958 гг.) обеспечить рекордный за всю историю России валовой прирост продукции сельского хозяйства (35%)¹⁸. «Положение в сельском хозяйстве Советского Союза подтверждало истину, которую в то время начали осознавать на Западе и не могли до конца осознать в СССР: экономический успех во второй половине XX века зависит прежде всего от вложений в «человеческий капитал». Между тем Хрущев и его соратники верили, что стоит провести

очередную реорганизацию на селе, наладить выпуск удобрений или посеять везде кукурузу, как все проблемы сельского хозяйства решатся сами собой. Они даже не задумывались о культуре труда и качестве рабочей силы, которые соответствовали аграрному производству в Западной Европе и Северной Америке», - констатирует в связи с этим отечественный исследователь В.А.Красильщиков .

Хорошо известна и другая причина инновационного отставания СССР от Запада - разнонаправленность влияния сырьевого кризиса 1973 г. («Нефтяного») на модернизационные процессы в западном мире и в СССР, когда арабские страны-производители нефти ввели эмбарго на поставку нефтепродуктов государствам, поддерживавшим Израиль (Нидерландам и США). Если для Запада галопирующий рост цен на энергоносители послужил мощным императивом постиндустриальной модернизации, то для советской элиты это событие предоставило еще один исторический шанс избежать радикальной социальной модернизации. В 1965 году Советский Союз существенно расширил свою ресурсную самодостаточность в результате открытия и освоения огромных запасов нефти и газа в западносибирском регионе. «Западносибирские нефть и газ позволили олигархии не думать о настоящем развитии, растранивая природные богатства страны, - отмечает В.А.Красильщиков. - Уже в начале 70-х гг. стала складываться такая форма экономических связей СССР с другими странами, в том числе с Западом, которая типична для отношений периферии и центра миросистемы. За время брежневского правления доля топлива и электроэнергии в экспорте СССР возросла с 15,6% в 1970 г. аж до 46,9% в 1980-м и 52,3% (!) - в 1982-м. Зато доля машин, оборудования и транспортных средств упала соответственно с 21,5% (1970) до 15,8% в 1980 и 12,9% - в 1982-м»²⁰.

Помимо этих факторов блокирования модернизационных процессов, отличавших советское общество от Запада, другим, не менее, если не более важным, несомненно являлось сочетание слабого инновационного потенциала общества и власти, в которых доминировали группы, не заинтересованные и даже опасавшиеся радикальных преобразований, объективно необходимых для постиндустриальной модернизации. Так, в большинстве западных стран приблизительно с 60-х гг. решающими субъектами социальных изменений становятся группы, отличающиеся ориентацией на интеллектуально-инновационные ценности. На первый план выходят специфические социальные факторы - общая культура и уровень знаний, многообразие способностей и заинтересованность в их реализации, когда «свободный научный и высокопрофессиональный труд, общая культура и новые гуманистические стимулы все больше выдвигаются на первый план в качестве доминирующих факторов развития»²¹. По данным Ю.А.Васильчука, в США с 1950 по 1986 гг. доля

инвестиций в человека увеличилась с 11,8% до 24,6% ВВП²². Причем подобные преобразования инициировались и осуществлялись совместно представителями интеллигенции и власти. По сути дела, произошедшая на Западе постиндустриальная модернизация стала практическим воплощением обострившихся к 60-м годам социальных и культурных притязаний прежде всего интеллигенции, которая делала «упор на особую роль образования и науки, вообще духовной деятельности в развитии общества, ставя экономику в зависимость от университетов»²³.

Совершенно иным качеством отличались социокультурные основания модернизационных процессов в СССР. Согласно мнению В.М.Межуева, «командно-административная система не есть какая-то верхушечная часть общества, существующая в качестве политической надстройки над народом, а все общество в целом»²⁴. Это, на первый взгляд, крайнее суждение имеет под собой вполне реальные основания. Дело в том, что продолжающаяся ориентация на экстенсивные методы наращивания производства сохраняла в составе трудоспособного населения огромную «армию» людей, занятых примитивным физическим трудом. Это придавало общественным структурам консервативный, антиинновационный характер. «Речь идет не просто о силе инерции, - утверждает М.Восленский. - Ведь эти структуры остаются в своих рамках динамичными и функционирующими. Они оказывают не только пассивное, но и активное сопротивление попыткам их перестроить и тем более уничтожить. Пока эти структуры не умерли и не рассыпались, они живы и дееспособны»²⁵. К 1975 г. в промышленности представители этих консервативных структур составляли 40%, в строительстве - 55-60, в сельском хозяйстве - 70-75%²⁶. Данная категория людей, как ни странно, обладала устойчивым социальным комфортом и престижем. Во-первых, согласно идеологическому штампу социализма, всячески восхвалялся «человек труда», пускай даже самого примитивного. Во-вторых, затратная экономика постоянно испытывала дефицит в малоквалифицированном труде и материально стимулировала приток в производство прежде всего именно такой рабочей силы. «В среде этих людей, составляющих массовую опору брежневского режима, сохранялись социокультурные традиции общинности; они в наибольшей степени стремились к однозначным решениям и простоте во всем, будь то стандарты потребления, производственные технологии, содержание труда или развлечения. И, конечно, эти люди не были заинтересованы ни в каких модернизациях, интуитивно чувствуя, что потеряют от них, особенно на первых порах, гораздо больше, чем приобретут»²⁷.

Селекция партийно-государственной номенклатуры осуществлялась также в целях консервации системы. В 70-е годы состав партийной бюрократии достиг невиданной в прежние годы стабильности. «Все эти

процессы, - отмечает Н.Верт, - благоприятствовали укоренению отношений личной преданности и утверждению системы ценностей, в которой верность патрону превалировала над компетентностью и «идеологической выдержанностью». В этом смысле 70-е гг. были апогеем «семейственности» и своего рода «советского феодализма», против чего без устали воевали Сталин, а за ним и Хрущев, первый - государственным террором, второй - законными средствами. В то же время личная преданность как главное средство достижения стабильности была едва ли совместима с совершенствованием самой системы, подразумевающим санкции против некомпетентных кадров, как и с системой технократических ценностей, порожденных экономической реформой»²⁸.

Поэтому творческие личности (интеллигенция), обладавшие продуктивным воображением и мышлением, острым ощущением необходимости перемен, соответствующих объективным потребностям общественного прогресса, гуманистическим и демократическим ценностям, как правило, оттеснялись от власти и даже подвергались преследованиям, хотя и не таким массовым и жестоким, как во времена сталинизма. По оценке американского исследователя российской политической истории Роберта Такера, «на протяжении сорока послевоенных лет шла как бы внутренняя «холодная война» - преследования ученых, либералов, врачей, инакомыслящей интеллигенции»²⁹. Даже «отец оттепели» Н.С.Хрущев не жаловал интеллигенцию, применив по отношению к ней жесткое идеологическое и административное давление. В результате в период хрущевского и брежневского правлений была в основных чертах продолжена прежняя традиция интеллектуального и духовного прислуживания перед властью «волевой посредственности» или же устранения от активного политического участия. «Мы привыкли, что в России лгут и раболепствуют ученые, писатели, инженеры... В России чрезвычайно трудно жить не участвуя во лжи (и преступлении). Лучшие люди стремятся свести к минимуму этот неизбежный коэффициент лжи, а самые строгие из них находят для себя возможным и вовсе во лжи не участвовать...» - писал по этому поводу один известный отечественный философ³⁰.

Помимо всего прочего, угнетению инновационной активности общества, способствовали и отчаянные попытки власти сохранить и даже упрочить информационно-культурную изоляцию своих граждан от внешнего мира, что препятствовало, во-первых, объективной критической социальной самооценке, "усыплению" гражданской бдительности в отношении власти, а, во-вторых, перекрывало доступ к различного рода полезной информации о прогрессивном опыте передовых стран во всех сферах общественной жизни. Например, хорошо известно, что характеристика "развитого социализма", сформулированная в последней - третьей Программе КПСС,

констатировала только и исключительно достижения советского общества, без какого-либо указания на проблемы и противоречия его развития. Для поддержания социальной самоуспокоенности и ограждения себя от внешней критики политическая элита тратила огромные средства для глушения иностранных радиопередач, которое продолжалось до 1988 г. До конца 80-х гг. от советской общественности тщательно скрывалось содержание даже тех международных соглашений в гуманитарной сфере, под которыми ставили подпись руководители СССР. Так, Заключительный акт Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.), провозглашавший в качестве обязательного для подписантов соблюдение принципа свободного движения информации, не только не соблюдался на практике брежневским руководством, но оставался долгое время неведомым для большинства советских людей.

Таким образом, объективно усиливающиеся во второй половине XX века императивы постиндустриальной социальной модернизации, предполагающие возвышение социального и политического статуса интеллигенции, оказались заблокированными целым комплексом консервативных контртенденций. Природа последних коренилась в длительном сохранении огромных человеческих и естественных ресурсов, позволявших осуществлять рост материального производства, улучшение уровня и качества жизни населения на основе экстенсивных факторов развития в сочетании с минимальным половинчатым административно-организационным реформированием, не затрагивающим структуру экономики и, самое главное, авторитарный характер политической и идеологической подсистем общества.

Все это, в свою очередь, препятствовало формированию массового и эффективного социального субъекта инновационной постиндустриальной модернизации, сохраняло доминирование в составе общества и его политической элиты консервативно-реакционных элементов. По обобщающей оценке В.АКрасильщикова, все развитие советского общества вплоть до конца 80-х годов "препятствовало появлению "субъективного фактора" обновления"³¹.

Преимущество самодостаточности СССР превратилось в ведущий фактор торможения процессов продуктивной интеграции в мировое экономическое, политическое, правовое и культурно-информационное пространство, ограничило сферу конкуренции с Западом военно-политическим и военно-техническим поприщем.

Данное наследие "застойного" периода во многом определило своеобразие и противоречивость попыток радикальной постсоциалистической социальной модернизации России в ходе реформ последних пятнадцати лет.

Прежде всего это относится к "неорганическому" характеру преобразований, когда последние стали не результатом внутренних социокультурных и политико-идеологических предпосылок - социальной, политической и духовно-идеологической инновационной активности социума, а скорее следствием "демонстрационного эффекта" Запада и лавинообразного истощения ресурсов самовоспроизводства командно-административной системы.

Начиная с середины 70-х годов, Запад на основе вовлечения в производство все больших интеллектуально-информационных и технологических ресурсов обеспечивает прогресс материального производства при снижении его энерго- и ресурсоемкости. Проблема занятости разрешается во многом за счет бурного развития сферы услуг. К середине 80-х годов там сосредоточилось от 40 до 70 и более процентов всех лиц, работающих по найму. При этой существенно снижается социальная конфликтность, а динамика развития всех сфер общественной жизни приобретает невиданную ранее стабильность. Эта стабильность в политическом смысле обеспечивается возросшей способностью политической системы удовлетворять разнообразные притязания общества. "Под давлением длительной и ожесточенной борьбы трудящихся, а также в силу необходимости иметь спокойный социальный тыл буржуазия оказалась вынужденной внедрить комплексную систему относительно мирного разрешения трудовых споров... Сформировавшийся повсеместно правовой механизм выяснения отношения отрядов противостоящих друг другу классов, судя по всему, проявляет себя как достаточно действенный", - констатирует в этой связи СЕршов³². Тем самым оказались полностью разрушенными устои самоополеттики командно-административной системы, основанные на демонстрации тенденций "углубления всеобщего кризиса капитализма"⁷ и его дегуманизации. Согласно этой самоополетике "от противного", господство отношений частной собственности неминуемо тормозит развертывание научно-технической революции, подчиняя ее результаты узкокорыстным интересам монополий и милитаристским планам империалистических государств. Более того, внедрение достижений науки и техники, вытесняя из производства "живой труд", обуславливает необратимо нарастающую тенденцию к росту безработицы при неуклонном снижении реальных доходов трудящихся. Получение высшего образования и медицинской помощи представлялось все менее достижимым из-за непомерного их удорожания и т.д. Реально развитие в мире "развитого капитализма" происходило "с точностью до наоборот". Затраты западных государств на производство "человеческого капитала" (расходы на образование, здравоохранение, охрану окружающей среды, на воспитание детей, на повышение квалификации работников, на физкультуру и спорт, а также на

культуру) неуклонно возрастали в последние десятилетия в достигли астрономических объемов. В начале 90-х гг. в США совокупная сумма затрат на "человеческий капитал" составляла 4 млрд. долларов в год, что в 3,5 раза превысило объем накопления материальных элементов капитала³³. Все это, с одной стороны, говорит о наращивании инновационного социального ресурса, а с другой, о консолидации общества, политической элиты и интеллигенции, когда последняя "на деле" превращается в признанный обществом и властью авангард как социального прогресса, так и политической модернизации. Более того, сама политическая элита становится интеллигентной как по социальнo-профессиональному критерию, так и по признаку доминирующих мировоззренческих и духовных приоритетов, включая "всемирную, всечеловеческую озабоченность". Например, вице-президент администрации Клинтона Альберт Гор является автором фундаментального научного исследования "Равновесие на Земле. Экология и человеческий дух", в которой отражено осознание губительности индустриальной цивилизации для человечества и акцентируется роль духовной культуры как главного условия выхода человечества из кризисов XX века³⁴.

С середины 70-х гг. инновационный консерватизм командно-административной системы начинает проявляться в необратимой деградации и макроэкономических показателях, когда административное манипулирование и вовлечение все новых экстенсивных ресурсов в материальное производство не приносит желаемых результатов, как это было прежде. Если до этого периода фонды потребления и накопления с переменным успехом, но все же увеличивались, то в последующие "доперестроечные" годы отмечается стагнация и даже упадок. Так, с 1970 по 1975 гг. фонды потребления увеличились с 70,5 до 73,6 %. В последующее десятилетие их удалось, по данным отечественной официальной статистики, довести лишь до 74,8 %. Доля накопления практически необратимо снижалась с 1970 (29,5%) по 1984 (25,2%)³⁵. С 1970 по 1980 гг. гигантское увеличение затрат на расширение производственных фондов сельского хозяйства (на 239 %) позволило увеличить объем валовой продукции этого сектора экономики лишь на 10%³⁶. "Могла ли наша экономика бесконечно расти, сохраняя структуру практически неизменной? - справедливо задается вопросом экономист В.Данилов-Данильян. - Конечно, возникали новые производства - точное приборостроение, атомная энергетика, - но это не вызывало скольконибудь радикальных структурных изменений. Соотношение между секторами почти не менялось, новые производства не играли структурообразующей роли. Хозяйство требовало все тех же ресурсов, что и раньше, в тех же соотношениях, но в больших количествах, ибо оно

росло. Но ресурсы каждого конкретного вида ограничены. Это и ставит границы экстенсивного роста"³⁷.

К началу 80-х гг. резко обозначилось и технологическое отставание Советского Союза от своих основных конкурентов. Это отставание, в отличие от развивающихся стран, было вызвано не тем, что советские ученые и инженерно-технические кадры были не способны решить комплекс проблем технологического и индустриального развития на столь же высоком уровне, как их западные коллеги. Высочайший мировой уровень научно-технологического потенциала СССР подтверждается общеизвестными достижениями в области космической технологии, разработки систем межконтинентальных баллистических ракет, способных с высокой точностью доставить ядерные боезаряды в любую точку планеты. Известны наши достижения и в производстве атомного подводного и надводного флота, в других стратегических областях.

Как показывают многие исследования, инновационно-технологическое отставание СССР в конце 70-х - нач. 80-х гг. коренилось прежде всего в крайне низкой востребованности интеллектуальных и технологических инновационных услуг гражданским рынком, а также в низком уровне профессионализма большей части рабочей силы, что, в свою очередь, объясняется длительным доминированием экстенсивных факторов роста.

Западный исследователь Клаус-Дитер Керниг указывает на принципиальные различия социальных оснований и условий технологического прогресса в западных странах и в Советском Союзе. Если на Западе этот прогресс обеспечивается высокоразвитой экономической системой, высоким уровнем жизни большинства граждан, высоким профессионализмом рабочей силы, то в СССР - лишь высокоразвитым военно-стратегическим сектором экономики, сосуществующим с низким уровнем жизни большинства населения и избирательно и частично квалифицированной рабочей силой. При этом, - указывает он, - довольно развитая в СССР система всеобщего образования не может конвертироваться в высокий и массовый профессионализм в условиях технологически отсталого массового производства³⁸.

В этот же период (1975- 1985 гг.) лавинообразно разрушается и другой важный фактор инновационного социального консерватизма советского общества - культурно-информационная изоляция от внешнего мира. В отличие от периода социалистической индустриальной модернизации, проводившейся при "опоре на собственные силы", во второй половине XX века формируется принципиально иной глобальный контекст развития Советского Союза. "Взросшая степень освоения географического пространства, формирование международных, а в ряде случаев даже глобальных производительных сил и производственных отношений (наиболее наглядно это проявляется в деятельности ТНК и международных

регулирующих органов) обернулось более тесной экономической и политической сопряженностью. "Сжатие" пространства и времени способствовало также появлению планетарных по своему охвату средств транспорта и связи... Принципиальное изменение мирового общежития вызвано наряду с прочим и тем печальным обстоятельством, что накопленные масштабы вооружений и расточительство в отношении окружающей среды, которая, вне всякого сомнения, является общим достоянием человечества, поставило под вопрос само его существование"³⁹.

В таких условиях, когда совмещается фактор истощения самодостаточности с фактором усиления взаимозависимости и целостности мира, информационно-культурная автаркия становится непреодолимым препятствием на пути прогресса любой страны, обрекая ее на отставание, т.к. ни один, даже самый талантливый народ не в состоянии опираясь лишь на собственные силы поспевать за остальным миром.

Таким образом, формируется настоятельная императивность "включения" советского общества в мировое экономическое, политическое, правовое и культурно-информационное пространство. В свою очередь, "рассчитывать на углубление и расширение места страны в мировом хозяйстве путем вовлечения в оборот возрастающей массы всех факторов производства при совершенствовании структуры оборота, не создав минимум благоприятных условий в хозяйственном механизме, т.е. не создав рыночного хозяйства, безнадежное дело," - справедливо констатирует К.Овчинников⁴⁰. Интенсивное и взаимовыгодное сотрудничество невозможно и без "понятных для всех показателей, "общего" экономического языка, открытости статистики, унификации огромного числа норм и стандартов в промышленности, науке и технике, экологии и т.д."⁴¹. Соответственно, неизбежно расширяющиеся экономические, политические и культурные контакты с внешним миром вовлекали все большее количество советских граждан в международное общение, формировали массовый доступ к альтернативной информации, позволявшей объективно оценить "соотношение прогресса Востока и Запада", убедиться в несостоятельности идеологии и практики властвующей этакратической элиты. В результате идеологический фундамент легитимности власти советской партийно-государственной номенклатуры рухнул, "не выдержав "перепеда давления", вызванного открытием внешних и внутренних идеологических шлюзов

Достижение Советским Союзом военно-стратегического паритета с Западом, признание лидерами двух противостоящих блоков (НАТО и Варшавского Договора) безальтернативности мирного сосуществования и ядерного разоружения медленно, но верно размывали враждебный образ западных либеральных демократий в глазах советской общественности.

Тем самым фактор военной опасности перестал "работать" в роли оправдания изоляционистской и административно-мобилизационной политики авторитарной власти, необходимости социальной жертвенности во имя наращивания державной мощи страны.

Знаменательные подвижки происходят с начала 80-х гг. и в высшем эшелоне партийно-государственной элиты в СССР. Политическое руководство страны, оставаясь длительное время вне процессов демократической политической конкуренции и ротации (типа сталинских чисток), естественным образом деградирует, превращаясь в одряхлевший, коррумпированный и недееспособный аппарат, который в народе стали называть "геронтократией", т.е. властью стариков. Апофеозом этой деградации стало назначение на пост Генерального секретаря ЦК КПСС в 1984 г. (за год до смерти) совершенно и очевидно больного "ветерана партии" К.У. Черненко.

Таким образом, к началу 80-х гг., с большим опозданием по сравнению с западными странами, складывается комплекс объективных экономических, идеологических и внешнеполитических предпосылок для радикальной постиндустриальной модернизации СССР и всего социалистического мира. При этом впервые за всю историю России/СССР осуществление всего комплекса жизненно необходимых для общества трансформаций предполагает превращение интеллигенции в инновационный социальный авангард, отличающийся наивысшей способностью проводить необходимые реформы, а также наибольшей заинтересованностью в их реализации. Соответственно, перспективы успешной постиндустриальной модернизации или же ее профанации во многом определяются противоборством тенденции повышения социального статуса, престижа, политической субъектности™ интеллигенции и тенденции их деградации. Иными словами, надежным объективным критерием адекватности постсоциалистического реформирования целям подлинной постиндустриальной модернизации становится реальный социально-политический статус интеллигенции. Смеем утверждать, что этот критерий на нынешнем этапе исторического развития выступает в качестве базового, определяющего по сравнению со всеми прочими показателями общественного прогресса. Во-первых, потому что любая социальная трансформация требует своего достаточно эффективного социального субъекта-"осуществителя". Во-вторых, потому что социальное реформирование возможно постольку, поскольку социальный субъект этого реформирования способен овладеть главным инструментом "догоняющей" модернизации - государством от имени и при поддержке гражданского общества.

Попытаемся проанализировать ход постсоциалистических преобразований с позиций данной критериальной базы. Естественно, что

первым вопросом, на который необходимо найти ответ, является следующий: какие социально-политические силы оказались решающими субъектами преобразований, и какое место среди них занимала интеллигенция?

В 70 - 80-е годы интеллигенция выступила в качестве своеобразного творца первых элементов гражданского общества в СССР, под которым в данном случае понимается создание общественных структур, которые либо существуют и действуют независимо от государства, либо выходят из него, самостоятельно вырабатывая свою точку зрения по вопросам частного или общего значения, потом стараются убедить в ее правоте своих членов, затем малые группы и в конечном счете власти. Эти социальные объединения необязательно находятся в оппозиции к государству, они являются как бы противовесом по отношению к официально признанным государственным учреждениям и пользуются некоторой автономией...

Независимые тенденции и неформальные группы появились также и... в самом сердце бюрократии советского государства. «Общественные умонастроения проникли в государственные и партийные учреждения»⁴³. Известно, что главной сферой формирования этих элементов гражданского общества стала сфера культуры, обслуживаемая главным образом интеллигенцией, составлявшей костяк неформальных объединений. По мнению известного отечественного барда Ю.Кима, брежневское время останется в памяти московских интеллигентов как годы, проведенные на кухне, за беседами "в своем кругу" на тему о том, как перестроить мир. Такими же своеобразными "кухнями" можно считать университет в Тарту, Московский историко-архивный институт под руководством академика Ю.Афанасьева, кафедру профессора В.Ядова в Ленинградском университете, Институт экономики Сибирского отделения Академии наук и другие эпицентры независимого общественного мнения. Альтернативность существующей власти и официальной идеологии варьировалась от организации публичных выступлений В.С.Высоцкого, олицетворявшего альтернативную демократическую культуру, до открытой радикальной критики существующего порядка (феномен диссидентства). Его видные представители (Рой и Жорес Медведевы, АД.Сахаров и А.И.Солженицын) создали организацию "Демократическое движение". При существенном различии идеологических ориентаций его участников (от восстановления ленинской модели социализма до перехода к демократии западного типа) их объединяло открытое неприятие существующего строя. Однако эти ростки гражданского общества так и остались лишь ростками в силу своей малочисленности (2 - 3 тыс. человек)⁴⁴, недоступности понимания своих взглядов со стороны «молчаливо-покорного большинства» (выражение Ю.Власова), а также по

причине непримиримой оппозиционности ко всем без исключения представителям власти. Однако их политическая активность сказывалась на реформировании политических и идеологических устоев опосредованно, через формирование негативного мирового общественного мнения, которое многообразными способами (напр., присуждением Нобелевской премии А.С.Солженицыну) оказывало давление на политическую элиту СССР.

К началу 80-гг сформировалась и другая политически-активная группа интеллигенции, которая связывала перспективы реформирования общества с конструктивным воздействием на власть, с попытками просвещения последней. В 1983 г. почти легальным образом был опубликован знаменитый «Новосибирский доклад» академика Т.Заславской, где она указывала, что причина кризиса коренится в неспособности существующей системы обеспечить эффективное использование человеческих ресурсов и интеллектуального потенциала общества⁴⁵.

Другая группа интеллектуалов реформаторского толка сформировалась в среде высокопоставленных государственных и партийных чиновников, входивших в частности в аппарат Горбачева. Ее позиции были сформулированы в так называемом «Ленинградском манифесте» (1985 г.), где провозглашалось создание общественно-политической организации «Движение социалистического обновления», программные установки которого шли гораздо дальше проведенных к тому времени горбачевских реформ. В частности, предлагалось обеспечить свободу печати, прекратить преследования людей за их политические и религиозные убеждения, а также гарантировать свободу слова. Там же говорилось о необходимости создания конституционно-правовых условий для свободного функционирования альтернативных политических организаций.

Да и сам «архитектор перестройки» - М.С.Горбачев, ставший Генеральным секретарем ЦК КПСС в марте 1985 г., по своему интеллектуально-образовательному уровню (два высших образования, выпускник юридического факультета МГУ) и по инновационно-творческой устремленности, сочетающейся с «общемировой озабоченностью», явно может быть причислен к интеллигенции. В частности, концепция «нового политического мышления», которая официально легла в основу внешнеполитического Курса СССР, исходила из признания многообразия, взаимозависимости и целостности современного мира, провозглашала невозможность решения "Международных проблем и противоречий силовыми, военными методами. Вместо баланса сил - державной мощи главных центров мирового соперничества - универсальным способом решения международных вопросов объявлялся баланс интересов, устанавливаемый с учетом приоритета общечеловеческих ценностей.

Уже в апреле 1985 года в качестве стратегической цели нового советского руководства и всего общества в целом им был провозглашен курс на ускорение социально-экономического развития страны. Причем главными средствами этого ускорения считались научно-технический прогресс, техническое перевооружение промышленности и наращивание «человеческого капитала».

В период горбачевской перестройки создаются важнейшие политико-правовые и идеологические предпосылки для постиндустриальной модернизации. Началось радикальное реформирование политической системы, направленное на достижение полновластия Советов, формирование механизмов гражданского общества и правового государства. Вносятся изменения в избирательную систему, создающие условия для избрания в Советы наиболее активных, политически зрелых людей. Реальностью становится многопартийная система, включающая в себя главным образом оппозиционные КПСС политические объединения: и движения - «Демократический союз», «Демократическая партия Россия», «Социал-демократическая партия России» и т.д.

Выражаясь словами А.Собчака, этот период можно с полным основанием считать периодом «хождения интеллигенции во власть», которое до сих пор представляется необратимым и которое к настоящему времени привело к подавляющему доминированию интеллектуалов в наиболее влиятельных группировках законодательно-представительной, исполнительной и судебной ветвей государственной власти, а также в политико-партийных структурах. Напомним в связи с этим имена А.Д. Сахарова, Е.Т.Гайдара, Л.А.Абалкина, А.Н. Шохина, Г.А. Явлинского, С.Шаталина, А.А.Собчака, Г.А.Зюганова, Г.Х. Попова, Г.Н. Селезнева и др.

Казалось бы, что в ходе перестройки и «постперестройки» по мере рекрутирования политической элиты на базе представителей интеллигенции и созидания либерально-демократического политико-правового и идеологического пространства в России наконец-то сформировались достаточные предпосылки для ускоренной и продуктивной постиндустриальной модернизации общества, преодоления консервативного синдрома командно-административной системы. Действительно, в Конституции Российской Федерации, принятой всенародным референдумом 12 декабря 1993 г., Россия провозглашается демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления, а главной обязанностью государства - признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение его достойной жизни и свободного развития, где признаются идеологическое и политическое многообразие, многопартийность, принцип равенства всех перед законом и т.д.⁴⁷. Однако реальное развитие событий,

начиная с 1985 г. по настоящее время привело к результатам еще более плачевным даже по сравнению с известной формулой В.С. Черномырдина: «Хотели - как лучше, а получилось - как всегда», т.е. получилось гораздо хуже, чем всегда, что не без оснований позволяет некоторым исследователям оценивать социальные процессы в постсоветском обществе как «антимодернизацию»⁴⁸.

Наблюдается лавинообразная, обвальная деградация всех компонентов важнейшего ресурса постиндустриальной модернизации — «человеческого капитала». Макротенденции в данном направлении лучше всего отражает динамика структуры расходной части государственного бюджета. В этом смысле вполне можно согласиться со С.С.Сулакшиным - заместителем председателя Комитета по промышленности, строительству, транспорту и энергетике предыдущего состава Государственной Думы, по которому «именно закон о бюджете вскрывает истинный вектор российской реформы: даст ли она, наконец, остановку разрушения и переход к позитивному развитию, или разруха будет усугубляться. Именно закон о бюджете позволяет точно ответить на вопрос, каковы политические ориентации экономической политики страны»⁴⁹. По данным его аналитического исследования выходит, что осознание еще горбачевской политической элитой катастрофичности деградации «человеческого капитала» для ближайшего и стратегического будущего страны парадоксальным образом сосуществует с политикой государства, однозначно направленной на его ускоренное и необратимое разрушение, о чем неопровержимо говорит неизменная (на протяжении всего постсоветского периода) тенденция абсолютного и относительного сокращения государственной поддержки сфер образования, науки, здравоохранения и культуры в целом. В частности, и без того нищенские расходы государства в 1998 году на эти цели в бюджете 1999 года оказались весьма существенно «урезанными»: наука - на 30%; образование - на 17%; здравоохранение и физическая культура на 32%; культура и искусство - на 32%⁵⁰. Все это происходит при том, что за последние десятилетия Россия оказалась отброшенной по основным показателям общественного прогресса на 25-30 лет назад в результате деградации прежде всего научно-производственного потенциала. Только убытки от эффекта утечки умов за границу нанесли обществу более чем **сто миллиардный ущерб**

Более того по данным председателя Комитета Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству С.Ю.Глазьева, проект «Основных направлений социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу» (опубликован в 2000 г.) гарантирует долгосрочную перспективу деградации научно-технического и интеллектуального потенциала страны

вследствие планируемого многократного недоинвестирования в НИОКР и образование, что угрожает окончательным разрушением большей части научно-технического потенциала и, соответственно, исчерпанием важнейшего источника современного экономического роста — способности генерировать и осваивать новые технологии, определяющие глобальное экономическое развитие⁵².

Столь парадоксальную политику, конечно же, можно объяснять наследием командно-административной системы, распадом СССР, большой ценой урегулирования межнациональных конфликтов, происками МВФ и даже неблагоприятными погодными условиями и историческими ссылками на проблемы социального развития в период первоначального накопления капитала. Однако все эти и прочие объективные трудности почему-то не повернули вспять тенденцию столь же постоянного увеличения расходов бюджета на содержание государственного аппарата, который по некоторым данным превзошел по численности даже раздутую до фантастических размеров бюрократическую армию советских времен. В другой публикации СГлазьева, посвященной анализу проекта федерального закона «О федеральном бюджете на 2001 год», приводится любопытный факт: «все инвестиции в развитие науки не превысят четвертой части стоимости жилого дома для депутатов, запланированного в том же проекте бюджета»⁵³.

Очевидную неприемлемость такой политики с точки зрения целей и средств подлинно постиндустриальной модернизации, которая только и может обеспечить реальное возрождение России и ее дальнейший прогресс, можно и дальше иллюстрировать бесконечными примерами бедственного положения отечественной науки и образования в сравнении с лидерами мировой цивилизации. Однако на эту тему у нас написано огромное количество статей и книг как научного, так и публицистического плана.

Гораздо важнее и продуктивнее попытаться определить причины столь неинтеллигентного поведения интеллигенции во власти.

На наш взгляд, наиболее существенной из них является утопический либеральный радикализм многих реформаторов, который им удалось, особенно на первых порах, внедрить в общественное сознание. Для подобного радикализма объективной почвой послужила исконная русская традиция дискретно-аврального реформирования общества, когда последнему зачастую не удавалось эволюционным образом сформировать необходимый комплекс экономических, социальных, политических и культурно-идеологических предпосылок для продуктивного органического самопреобразования в ответ на «вызовы» современности. Это подтверждается историей практически всех российских модернизаций, начиная с петровских реформ и заканчивая «великими переломами» в ходе

социалистического строительства. О том, что нынешняя модернизация повторяет данную традицию, говорит хотя бы тот факт, что быстрота и глубина социальных изменений после 1985 г. оказались полной неожиданностью как для самих реформаторов, так и для зарубежных аналитиков. Напомним в связи с этим и то, что сам Горбачев и его интеллектуальные соратники поначалу искренне рассчитывали разрешить все общественные проблемы на основе совершенствования, «перестройки» существующей социалистической системы. Однако быстро обнаружившиеся пороки и контрэффективность стратегии «улучшизма», воплотившиеся в резком обострении социального кризиса и делегитимации власти в сочетании с активизацией реакционных сил (ГКЧП), подвигли реформаторскую часть политической элиты на форсированные общесистемные преобразования революционного типа. Единственным очевидным и альтернативным командно-административной системе типом социального порядка выступила либерально-демократическая система западных государств, а идеологической моделью - либерализм. Поэтому на первый план выступила задача придания реформам необратимого характера, которая, в свою очередь, предполагала, с одной стороны, скорейшее разрушение экономических, социальных, политических и идеологических институтов командно-административной системы, а с другой - молниеносную, по историческим меркам, замену этих институтов классическими-либеральными. Об этом, в частности, говорит и содержание Конституции 1993 г., в точности воспроизведшей все главные признаки либерально-демократической политической системы. В центре этого реформаторского ажиотажа встала либеральная идея ангиэтатизма как естественная реакция на суперэтатизм тоталитарного общества, закрепощавшего до предела творческую социальную активность. Все это естественным образом вылилось в форсированный и сумбурный процесс «сокращения» государства, т.е. экономических (приватизация), утилитарных (сокращение социальных программ), административно-принудительных (ограничение полномочий и дискредитация силовых министерств) и идеологических ресурсов государственной власти (наложение запрета на формирование национально-государственной идеологии). В результате, согласно известной поговорке, «свято место пусто не бывает», эти ресурсы «перекочевали» не к гражданскому обществу, как предполагали либеральные убежденные реформаторы, а к негосударственным^ легальным и нелегальным структурам, которые не имеют ничего общего ни с интересом «наращивания человеческого капитала», ни с целями постиндустриальной модернизации общества. Такие действия оказались особенно разрушительными в условиях России с почти недееспособным гражданским обществом, с господством традиции правового нигилизма и архаической политической культурой, где веками

единственным субъектом воспроизводства и модернизации социального порядка выступало мощное государство.

Соответственно, автокаталитический характер приняли две взаимообусловленные тенденции: сокращение государственных, общенациональных ресурсов для проведения инновационной постиндустриальной модернизации, прежде всего ассигнований на научно-технический прогресс и структурную перестройку экономики; лавинообразное усиление зависимости самого государства от олигархических финансово-промышленных корпораций и криминалитета. Таким образом, интеллигенция, оказавшаяся у власти, была принуждена использовать эту власть не в интересах гражданского общества, а в интересах сил, паразитирующих на его незрелости и на все большей беспомощности государства. Отсюда сформировался и стал доминировать особый заказ на услуги интеллигенции, суть которого в интеллектуальном, политическом, идеологическом и духовном обслуживании корпоративных интересов как раз этих олигархических группировок за довольно приличное жалование и вопреки высоким принципам. Так, на одном из политологических форумов было зафиксировано, что ни один из авторитетных отечественных исследовательских фондов и институтов не представляет непосредственно гражданское общество России. Поэтому, если на Западе по выше указанным причинам набирает силу тенденция превращения интеллектуалов в интеллигенцию, у нас, наоборот, набрала силу тенденция превращения интеллигенции в прагматичных и конъюнктурных интеллектуалов.

В свою очередь, сохранение и даже архиизация структуры занятости с феодальным оттенком (доминирование низкоквалифицированного труда и расширение сферы натурального хозяйства), широкомасштабное замещение импортом спроса на высокотехнологичные виды товаров и услуг объективно и неумолимо снизили социальную востребованность интеллигенции. К тому же весьма самобытное понимание многими российскими гражданами ценности либеральной демократии как свободы произвола, восприятие ими плачевных результатов реформ как реальных итогов демократизации резко сократили поддержку либеральной интеллигенции со стороны общества.

Фальсификации прогрессивной политической миссии интеллигенции в коридорах власти во многом способствует и двойная логика мотивов ее субъектов. С одной стороны, они должны руководствоваться стратегическими национальными интересами, а с другой - стремлением удержаться у власти, хотя бы для того, чтобы с ее помощью эти интересы реализовать. Но в условиях затяжного и обостряющегося социально-экономического кризиса приверженность стратегическим национальным интересам, достижение которых требует весьма непопулярных решений и

действий, практически не оставляет возможности удержаться у власти, не поступаясь этими интересами в угоду популистским требованиям электората. Очевидно, что это обстоятельство во многом объясняет парадокс неинтеллигентности интеллигентной власти. Из нашей новейшей политической истории хорошо известно, что многие прогрессивно мыслящие интеллигенты-политики, рьяно выступающие на широкой публике за технологический и культурный прогресс России, оказавшись в сане народного депутата, в большинстве своем поддерживают законы о бюджете с вышеуказанной совсем не прогрессивной структурой.

Таким образом, ни современное российское государство, ни современное российское общество до сих пор не смогли обеспечить интеллигенции статус главного социального, интеллектуального, политического и духовно-идеологического субъекта постиндустриальной модернизации. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, и выступает основным социально-политическим препятствием для решения буквально всех насущных проблем современного российского общества, а преодоление его - в первую голову определяет перспективы трансформации антимодернизационных процессов в подлинно модернизационные. Альтернативы этому не просматривается.

Примечания:

- ¹ Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Т. Модернизация: от равенства к свободе. - СПб. -Издательства С.-Петербургакого университета, 1995; Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М: "Российская политическая энциклопедия. (РОССПЭН), 1998 и др.
- ² Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М • "Эдиториал УРСС, 1998. С. 139.
- ³ Философский энциклопедический словарь. М.: Издательство "СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ", 1983.
- ⁴ Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Т.8. С. 119.
- ⁵ Современный философский словарь. Москва, Бишкек, Екатеринбург, 1996. С. 405.
- ⁶ ПОЛИТОЛОГИЯ- Энциклопедический словарь. М.: Изд-во Моск. коммерч. Ун-та, 1993. С.341.
- ⁷ The Soviet Union & the Challenge of the Future. Vol. 3: Ideology, Culture & Nationality. Ed By Alexander Shtrnmas and Morton A. Kaplan. NY. PARAGON HOUS. 1989. P. 441.
- ⁸ Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. С. 121.
- ⁹ Советский энциклопедический словарь. 3-е издание. М.: Сов. Энциклопедия, 1984. С.1339.
- ¹⁰ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Изд-во "Новости" при участии изд-ва "Catallaxy", 1992. С.246.
- ¹¹ Bounicaud F. Modernity, "Universal Reference" and the Process of Modernization // Pattern of Modernity Vol. 1. The West / Ed. By S.N. Eisenstadt London, 1987. P. 12-36.
- ¹² Друкер П.Ф. Рынок как выйти в лидеры. Практика и принципы С. 24-25.
- ¹³ Department of State Bulletin (Volume 82), Number 2064, July 1982, P. 26.
- ¹⁴ Documents. - NATO Review, 1982, Number 1. P. 33.
- ¹⁵ Рыжов Ю. Сверх всего - безопасность личности// Международная жизнь. 1990. №9. С. 22-23.
- ¹⁶ Иванов Д.В. Постиндустриализм и виртуализация экономики// Журнал социологии и социальной антропологии. Т.1. № 1. С.81.
- ¹⁷ Checinski M. The Impact of Defense Policy Options on the of the Soviet Economy//The Soviet Union and the Challenge of the Future. Vol. 2: Economy and Society. New York. Paragon House. 1989. P.

⁹ Красильщиков В. А. Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: «Российская политическая энциклопедия», 1998. С. 130.

¹⁰ Красильщиков В. А. Указ. соч. С. 178.

¹¹ Цивилизационный процесс и социальные итоги развития США. М Фонд «За экономическую грамотность». 1993. С. 304.

¹² Политические исследование 1991. №1. С. 17.

¹³ Красильщиков В. А. Указ. соч. С. 158.

¹⁴ Интеллигенция и народ // Философские науки. 1990. №7. С. 62.

¹⁵ Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь». 1991. С. 581.

¹⁶ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30 ~ 40-е годы. М., 1989. С. 283

¹⁷ Красильщиков В. А. Указ. соч. С. 179.

¹⁸ Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь мир», 1998. С. 434.

¹⁹ См. Коммунист. 1990. №9. С. 83.

²⁰ Цит. по: Ариольдов А. И. Человек и мир культуры. М, 1994. С. 161-162.

²¹ Красильщиков В. А. Указ. соч. С. 175.

²² Ершов С. Забастовки. А как у «них»? // Международная жизнь. 1990. № 1. С. 95.

²³ Красильщиков В. Ориентиры грядущего? Постиндустриальное общество и парадоксы истории // Общественные науки и современность. 1993. №2. С. 169 - 171.

²⁴ Gore A. Earth in the balance // Ecology and the human Spirit N.Y. 1993. P. 269.

²⁵ Экономическая газета. 1985. № 47.

²⁶ Механизм торможения: истоки, действие, пути преодоления. М.: Политиздат. 1988. С. 103-104.

²⁷ Данилов-Данильян В. Новые опасности экономического романтизма // Новый мир. 1990. № 5. С. 187.

²⁸ Kernig C.-D. The Soviet Economic System Under Technological Challenges // The Soviet Union and the Challenge of the Future. Volume 2: Economy and Society. 1989. NY. PARAGON HOUSE. P. 89 - 90.

²⁹ Студенцов В. Б. Целостность мира и конвергенция // Мировая экономика и международные отношения. 1990. №3. С. 5-6.

³⁰ Овчинников К. Дорога на мировой рынок // Международная жизнь. 1990. №8. С. 27.

³¹ Обминский Э. Мировое хозяйство. Подходы к регулированию // Международная жизнь. 1990. №4. С. 9.

³² Ланцов С. А. Легитимность власти в условиях посткоммунистического общества: общие закономерности и российская специфика // Легитимность и легитимация власти в России. СПб.: Изд-во СПбГУ. 1995. С. 10.

³³ Верт Н. Указ. соч. С. 455.

³⁴ Yefimov Moscovitl. The Dissident and the Challenge of the Future/ Volume 2: Economy and Society. N.Y. PARAGON HOUSE. 1989. P. 499.

³⁵ Верт Н. Указ. соч. С. 455.

³⁶ Theen Rolf H.W. Political Reform in the Soviet Union // Reform and Transformation in Communist Systems: Comparative Perspectives. N.Y. PARAGON HOUSE. 1991. P. 16.

³⁷ Конституция Российской Федерации. М.: «Проспект». 1999. Ст. 1, 2, 7, 13.

³⁸ Красильщиков В. А. Указ. соч. С. 235.

³⁹ Сулакшин С. С. Бюджет-99. Добить страну. М.: Региональный общественный фонд развития политического центра. 1999. С. 3-4.

⁴⁰ Там же. С. 10.

⁴¹ Глазьев С. Ю. Хватит нас ломать, пора строить. Советская Россия. 6 июля 2000 года.

⁴² Там же.

⁴³ Глазьев С. В который раз - на те же грабли? Советская Россия. 14 сентября 2000 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенности политической судьбы отечественной интеллигенции, как мы постарались показать, определялись прежде всего спецификой социально-инновационных приоритетов российского общества и государства. Суть этой специфики можно свести к расхождению между максималистскими устремлениями «просвещенного класса» и объективными запросами и инновационными возможностями большинства подданных/граждан. Тем самым сложилась устойчивая традиция перевоплощения прогрессивных помыслов и деяний интеллигенции в противоположные практические результаты.

В конце XX века впервые за всю историю России объективные императивы социальных преобразований, следовательно, и объективные национальные интересы настоятельно требуют преодоления данного расхождения. Однако традиция таковой и является, потому что задает инерционность общественному сознанию и социальной системе в целом. Именно особая инерционность современного российского общества, во многих своих чертах унаследованная от прошлого, и воспроизводит до сих пор, вопреки велению времени, деструктивный социально-политический контекст бытия интеллигенции, подавляя и разрушая ее общественно необходимый творческий инновационный потенциал.

Вместе с тем любая традиция неизбежно угасает, если перестает подпитываться реальной общественной потребностью в ней. Как раз нынешний период истории нашего общества отличается предельным истощением социального терпения антиинтеллектуализма, антидуховности и безнравственности власти, т.е. ее неинтеллигентности. Такая власть, и это становится все более очевидным, уже исчерпала свое историческое время не только в мире, но и в России. И чем активнее наша интеллигенция будет доносить до общества эту истину, тем быстрее она обретет его поддержку и признание, займет в нем место, подобающее миссии интеллигенции XXI века.

Выход из переживаемого нашим государством кризиса, помимо всего прочего, предполагает не «прощание с интеллигенцией», как представляется некоторым отечественным аналитикам, а созидание эффективной общегосударственной системы ее «расширенного воспроизводства», включающего воспитание у интеллектуалов потребности в цивилизованной гражданско-политической активности, критически-конструктивного отношения к власти и политическим процессам. Иначе все попытки создать цивилизованное либерально* демократическое общество, правовое государство будут сравнимы с попытками решить задачу по определению «квадратуры круга», т.к. невозможно, оставаясь на позициях элементарной логики, представить себе цивилизованное общество без цивилизованной, интеллигентной власти.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Проблема социально-политической идентификации интеллигенции.....	11
Происхождение и универсальные политические функции интеллигенции.....	25
Интеллигенция, власть и общество в России.....	36
Факторы возрастания социально-политической роли интеллигенции в современном мире.....	63
Интеллигенция в процессе социальной модернизации современной России.....	87
Заключение	115

Татьяна Вадимовна Долгова
Владимир Григорьевич Иванов
Владимир Филиппович Мартюшов
Политическая социология интеллигенции
Монография

Редактор В.А. Румянцева
Корректор В.В. Комкова
Технический редактор Г.В. Комарова
Подписано в печать б. 12.2000
Формат 60 x 84/16 Бумага писчая
Физ. печ. л. 7,25 Усл. печ. л. 6, 74 Уч. - изд. л. 6,3
Тираж 120 экз. Заказчик J&210 С - 727
Издательство и типография Тверского государственного
технического университета
170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, 22